

Далешанія.

Запярэжная ў чернозиках

Ель В.В.

Часть 1. Глава 1

...Кажется, еще пару мгновений назад я была в Далетании, сказочный мир был совсем рядом, такой реальный, объемный, а сейчас перед глазами снова моя маленькая захлавленная комнатка, с черновиками, скомканными тетрадными листами и сломанными, покусанными карандашами.

За окном ранее утро; но, хоть сейчас и летние каникулы, пора вылезать из мягкой кровати и браться за работу! Соблюдение спартанского расписания вынужденное — иначе за короткие летние месяцы не успею закончить текст своей первой книги. Поэтому встаю я с рассветом, ну а ночью, отрубаясь уже в кровати, дописывая последние строчки с полузакрытыми глазами и зевая во весь рот. Все бы хорошо, только творить приходится с фонариком в зубах — мама не разрешает сидеть допоздна и, как только заглядывает проверить — прячусь под одеяло.

Но разве могут остановить такие банальные сложности? Когда ждет чистый, душистый бумажный лист, когда ручка не поспевает за мыслями, когда чувствуешь, что находишься в любимой Далетании и видишь и слышишь мир мечты?

Я откинула легкое одеяло, которое во время бурного сна, обернулось вокруг шеи, и опустила руку на пол — к заветной тетрадке, которая от записей уже трещала по швам. Здесь план будущей книги, истории персонажей и описание мира, который получился настолько заманчивым, что я и сама не прочь там очутиться! Сады, летающие солнечные зайчики, которые пролетая, чмокают в щеку, армия людей-полумашин, среди которых Главный Герой, который встречается с Главной Героиней и, меняясь под ее чарами, помогает свергнуть правителей-тиранов... Не хватает только рисунков — художник из меня никакой, а запечатлеть фантазии не только словами, очень бы хотелось! Попрошу Сашку! Он мой парень и умеет все на свете!

Только говорить ли ему? И вообще кому-то? Маленький мир, цветущий на страницах тетради, такой сказочный и где-то даже наивный, пока существует для меня одной... Хочется хотя бы немного побыть эгоисткой и собственницей! Сегодня я его хозяйка, и все герои и персонажи подчиняются только мне! Я могу менять их внешность, характер, судьбы, а они пусть слушаются! А Сашка, даже, пусть сказав пару слов критики, может кардинально на него повлиять.

Нет! Не отдам... пусть еще хоть немного, я побуду хозяйкой!

Поднявшись с кровати, я подошла к зеркалу и чуть не заревела — пушистая шоколадно-рыжая копна волос, включена, будто всю ночь я бежала от погони, причем по чаще, под мутно-зелеными глазами, доставшимися мне от отца, огромные серовато-фиолетовые синяки, ко всему прочему еще и отпечаток грубых складок одеяла на щеке. Мама меня убьет!

Она и так вечно следит за каждым моим шагом и выдумывает себе беспокойства! Даже в мой личный дневник заглядывает! Хорошо, что я не пишу там ничего слишком важного... Правда, иногда так хочется высказаться, что я забываюсь, и на следующий день обнаруживаю под своими записями мамы комментарии(!): мол, доченька, так и так, ты права, а они не очень, у тебя все получится, и все в таком духе! Кошмар! Мне уже шестнадцать лет, а она никак не бросит меня воспитывать! Хорошо, что отец другой, он, наоборот, говорит мало, не навязывает, но зато как скажет, так и получится, хоть ты тресни! Даже, если и плохое предскажет, хоть что ни делай, а так и выйдет. Ему то уж точно

нельзя знать о затее с книгой!

Но, узнает один — узнают все, придется маскироваться! Расчесав волосы и завязав косу, я замазала синяки тональным кремом и только тогда решилась выйти из комнаты. На кухне было пусто — сегодня выходной и родители встанут не скоро. Я взяла кусок вчерашней курицы-гриль и наскоро сварганила какао — сочетание не слишком здоровое, но энергии на пару часов хватит.

Устроившись на стуле у окна, я поглядела вниз: в мутном утреннем тумане выделялась старая раздолбанная детская площадка, вокруг деревья разных видов и высоты, будто кто-то не глядя насадил, что попало под руку — три высокие ели, несколько тонких кривых берез, и огромный старый дуб, который уже давно перерос нашу пятиэтажку; довершали картину переполненные мусорные урны. Никакого сравнения с моей сказочной Далетанией!

Далетания — это большой остров, окруженный океаном; сверху земля выглядит, как лоскутное одеяло, а все из-за того, что она разделена на шестнадцать одинаковых квадратных-районов (за неимением подходящего слова, я временно назвала каждый из квадратиков — квард): пестрые кварды — это богатые участки с пышными, залитыми солнечными лучами, садами; с ними соседствуют захламленные участки дымчатых оттенков — трущобы, где живут семьи рабочих; и самые темные места на «одеяле» — узкие полосы, почти черного цвета, если приблизится, чтобы рассмотреть их получше, то можно увидеть угольно-серые тоннели, обнесенные непрерывной 3х метровой стеной, по которым взад-вперед курсируют стражники-киборги.

Но два здания еще больше выделяются из продуманного, равномерно поделенного мира. Первое — это Замок, где живет Властитель, его советники и придворные; по ширине Замок вместе с прилегающими садами занимают всю переднюю часть «одеяла»; внешне Замок больше всего напоминает свадебный торт — многоярусный, нежно-лилового оттенка с перламутровыми переливами, его венчают многочисленные сливочные башни, с золотистыми флигелями на верхушках; между башен устроены пышные сады с деревьями, кустарниками и с целыми аллеями, по которым гуляют богатые жители Далетании. Второе — Лаборатория, расположенная на противоположной, южной, стороне «одеяла»; от общего «полотна» ее отделяет огромное озеро, через которое проложен строго охраняемый мост; здание Лаборатории не уступает по количеству ярусов Замку, но в отличие от последнего, полностью выполнено из непрозрачного стекла; ее цвет — ярко-лимонный, такой холодный и насыщенный, что вызывает резь в глазах.

Покончив с завтраком, я проскользнула обратно в комнату и бухнулась обратно в кровать, вооружившись тетрадкой и карандашом; до прихода Сашки оставалось несколько часов, должно хватить, чтобы записать историю Тартена — моего Главного героя, ведь не случайно я вспомнила о Лаборатории, которая по моей задумке была сосредоточением «зла» в Далетании.

Чтобы сосредоточиться, я закрыла глаза. Мне представилось детство Тартена: хулиганистый мальчишка в оборванных и заляпанных грязью штанах, копался на серой грядке в поисках забытых корней после уборки урожая; ему еще не было семи, но он уже познакомился с грызущим изнутри чувством голода, он уже видел смерть от него. Жесткие черные волосы Тартена сбились на лбу и лезли в глаза, он отвел их рукой, и продолжил ковырять стылую от заморозков землю — скоро придет зима и его «секретный способ» добыть лишний кусок к ужину станет бесполезным. Внезапно начался дождь. Тартен старался не обращать внимания на жгуче-холодные капли, проникающие сквозь лохмотья,

но, когда сверху польхнула ярко-желтая вспышка молнии, он бросил свой черепок и, сорвавшись с места, побежал в укрытие. Желтый был цветом Лаборатории, а если они устроили дождь, то это очередной эксперимент!

Тартен почувствовал боль на оголенных плечах и под намокшей футболкой на спине, капли жгли кожу, как кислота! Стиснув зубы, чтобы не закричать, он бежал к ветхим домам, где под крышами уже собралась соседка; люди жались друг к другу, кто-то плакал от боли, кто-то, как и он бежал рядом. Взор Тартена затмился пеленой — глаза тоже жгло; он упал на землю и завопил, что есть мочи; сверху равномерно капали капли и покрывали его худенькую фигуру кислотой, отравляя кожу и сея язвы на теле рано повзрослевшего ребенка...

Прошло больше десяти лет, и от маленького Тартена в нем остались только глаза. Темные угольки с легкой дымчатой поволокой — глаза бывшего жителя трущоб, а в нынешней ипостаси — командующего стражей моста. Прежде, чем я открыла глаза и стала наскоро записывать, я представила Тартена, стоящего на своем посту: могучее металлическое тело с ног до головы покрытое жесткой, черной броней — она и плата за его детскую болезнь, вызванную кислотным дождем, она его защита и оружие, но она же и его проклятье — ведь снять броню он никогда не сможет. Тартен глядел перед собой; я успела заметить в серых глазах промелькнувшую искру, может, мой Главный герой, вместе со мной вспомнил свое детство и вынужденное превращение в киборга?

Оторвав взгляд от Тартена, я хотела взяться за написание его истории, как вдруг поняла, что я вовсе не дома! Вокруг белые стены, такой же потолок и покрытый серым кафелем пол. Неужели я опять сплю? Впереди, там, где только сейчас было лицо Тартена, стояло большое овальное зеркало в золоченой раме на подставке; сквозь стекло виднелся «кусочек» Далетании. Я коснулась рамы и зеркало прогнулось вперед на пару сантиметров, приблизив северный уголок Далетании на несколько сотен метров, словно мощный бинокль!

Что же это? Мой ушлый ум нашел способ подсмотреть за моими персонажами, не сходя с места?

Раньше я произвольно оказывалась в Далетании — то в саду, то в Замке, проходя сквозь стены и людей, словно призрак, и могла наблюдать только за тем местом, куда меня закинуло. Но сейчас — прямо передо мной новый инструмент, который я могу направить, в любую точку сказочного мира!

Я подошла к зеркалу ближе и снова взялась за раму — раз выпала такая возможность, нужно научиться им пользоваться! Зеркало свободно двигалось в подставке, я потренировалась направлять его на разные участки «лоскутного одеяла»; простые граждане и киборги исполняли свою работу, даже не подозревая о моих усилиях, в садах прохаживались нарядные дамы, прикрывая голову белоснежными зонтиками, сквозь стекло долетали отголоски их смеха и сладковатые ароматы духов...

Интересно, чувствуют ли персонажи мое присутствие? Ведь раньше я была всего лишь духом, бестелесным и безвольным.

Хотя, какая разница? Главное — добыть информацию. Вот было бы здорово, если бы это чудесное зеркало еще могло бы пронизывать помещения насквозь! Но, постойте-ка, оно же это и делает — в нескольких шагах позади зеркала сплошная стена!

Опасаясь, что волшебное-полезное сон оборвется, я схватилась за раму и нагнула ее параллельно полу. Серебристая поверхность зеркала завибрировала, стекло превратилось в густую кипящую жидкость. Рука сама потянулась к волнам, ощутив шедший от них холодный

дух. Неестественно поблескивающие волны гипнотизировали, замороженная я склонялась все ниже. Но внезапно в глубине зеркала показалось что-то желтое, напоминающее уголок лабораторного халата. Он становился все больше — человек приближался!

Резко отпрянув от зеркала, я попятилась и заметалась в поисках укрытия, но белая комната была совершенно пуста! А вдруг он меня видел? Конечно, я автор, создатель, но ему-то откуда знать? А вдруг меня поймают?! Должно быть, я в Лаборатории, а это не самое безопасное место для наблюдений!

Чтобы «сбросить» кошмар, я затрясла головой, и со всей дури шипнула себя за бок. Усилия не прошли даром, и, спустя мгновение, я уже оказалась у себя на подушке!

Я протерла лоб ладонью — он был влажный и горячий. Открыв глаза, я увидела маму, она сидела в кресле и ждала, пока я окончательно проснусь. Ее темные, такие же выющиеся, как и у меня волосы, были аккуратно уложены; лицо свежее и молодое, возраст угадывался только по спокойному, мудрому взгляду и неспешным, уверенным движениям. Мама глядела участливо, но за плотно сжатыми губами, мне почудился смешок, который она усиленно сдерживала.

— Надеюсь, я не кричала? — виновато спросила я.

— Немного, — пожала плечами мама. Она пересела на кровать и потрепала меня по голове. — Сначала стучалась в стену, чем до смерти перепугала кота! Он до сих пор прячется! А потом забурчала что-то вроде: «бежать, прятаться».

Я застонала — одно дело фантазировать, когда твой бред никто не видит, и совсем другое, когда за тобой наблюдает любимая мамочка, которая вполне может обсудить это с отцом или со своими подружками...

— Ужасик приснился, — соврала я и, взглянув на маму исподлобья, заворчала о стрессе от недавно прошедших экзаменах.

Мама выслушала с подозрительной внимательностью. Пожалуй, дневник нужно препрятать подальше, — после сегодняшней ночи там появятся записи, которые ей лучше не видеть. Пора взрослеть, не могу же я всю жизнь находить там мамины советы!

— Пойдем завтракать, — наконец, сжалилась она.

Вслед за мамой, я поплелась на кухню. На столе ждала дымящаяся овсянка и очередная порция какао. Я села за стол и стала бездумно водить ложкой по каше, — чудная полуреальность, которую я ощущала во сне пару мгновений назад, не желала отпускать. В той груде черновиков, что раскиданы по комнате и впиханы в тетрадь, мир Далетании выглядел слишком схематично, он был похож на набросок, который пока вряд ли кого-то бы заинтересовал. Другое дело, мир за зеркалом. Это настоящее, живое царство!

Чтобы написать что-то стоящее, нужно проникнуть в белую комнату еще раз!

Но не опасно ли это? Уголок лимонного халата до сих пор стоял перед глазами. А где халат, там и таинственная Лаборатория, где неизвестные ученые проводят жуткие эксперименты... И почему зеркало не находилось где-нибудь в роскошном Замке?

С другой стороны, красоты Замка я могу придумать сама или рассмотреть их, направив зеркало прямо на него, а вот устройство Лаборатории, где живет главный злодей — тут сочинять еще долго! Так что, будем считать, что мне повезло! И нечего нос воротить — ведь все это всего лишь мое воображение! Да и сбежать в любой момент я знаю как...

Я засунула ложку остывшей каши в рот и стала медленно ее пережевывать. С улицы доносились обычные летние звуки — детский смех, рев соседской бензопилы, стук мяча об асфальт, от них отделяло тоже только стекло — самое обыкновенное кухонное окно. Тут же

вспомнилась кипящая серебряная поверхность... Попасть в собственный сказочный мир, подглядеть за ожившими книжными персонажами...

Да что, я сумасшедшая, чтобы упустить такую возможность?!

— Настька, что с тобой?

Сашка тыкнул меня в бок пальцем и привалился рядом на полотенце. Мы лежали на пляже, яркие лучи жгли глаза, и я пряталась от них, прикрыв глаза солнечными очками. Но от Сашки так просто не спрячешься!

— Опять размечталась?

Я сдернула очки и зло на него покосилась. Сашку я знала третий год, он перешел в нашу школу после седьмого класса, и мы как-то сразу нашли общий язык. До него я стеснялась мальчишек, но Сашка был особенный — добродушный, уверенный в себе и всегда умел поднять настроение; с марта мы как-то незаметно стали встречаться. Не знаю, любовь ли это, но меня точно к нему тянуло — с Сашкой всегда было просто, спокойно и уютно. Озатее с книгой он, конечно, знал. И, к его чести, высмеивать ее не стал. Напротив, он весьма тактично заметил, что если буду трудиться и регулярно что-то записывать, то рано или поздно что-то, да и выйдет. Правда, про сон с зеркалом я ему пока не рассказала, подумает еще, что я свихнулась!

На губах Сашки играла невинная улыбка. Он терпеливо наблюдал за моими попытками придумать оправдание, — ведь почти все утро, проведенное на пляже, я действительно мысленно блуждала по Далетании и столько всего придумала...

— Ну вот, — Сашка надулся и отвернулся.

Опять про него забыла!

Приподнявшись на локтях, я взъерошила его мягкие светлые волосы, Сашка неохотно улыбнулся.

— Эй, айда плавать! — крикнула я и схватила его за руку.

Мы побежали по горячему песку к воде. До обеда мы плавали и загорали, потом зашли ко мне и, немного перекусив оставленными мамой пирожками и котлетами, взяли велосипеды и катались по окрестностям.

Вечером мы долго целовались под козырьком моего подъезда. Соседи с детьми и собаками проходили внутрь и наружу, но я почти никого не замечала!

Сашка оторвался от моих губ, и я встретилась со взглядом его лучистых голубых глаз; нежные пальцы потрепали мою щеку.

— Знаю, о чем ты думаешь, — сказал он.

Я закатила глаза, — нет, когда мы вот так вместе, я точно ни о чем ни думаю!

— Целый день следил за тобой! Тебя явно тянет записать все, что придумала.

Я поерзала в его объятьях, — ну, вообще-то это правда, но на несколько минут я точно забыла даже о книге!

Удовлетворительно хмыкнув, Сашка прижал меня к себе на прощанье, а затем сел на свой велик и поехал домой. Завтра буду к нему внимательней, — пообещала я себе, глядя ему вслед. А теперь домой! Я действительно придумала очень много!

На кухне лежала записка от мамы — она сообщала, что они с отцом сегодня в гостях и вернуться поздно вечером. Лучше не бывает! Наскоро приготовив несколько бутербродов (прощай, диета!), я сварганила шоколад и заперлась у себя в комнате. Теперь только громкий рок в наушниках, свежие альбомные листы и любимый карандаш. Вдохновение, ко мне!

Тартен... Почему о нем писать легче всего? Ручка сама находит путь, мне только остается держать ее в руках и переворачивать исписанные страницы. После того, как я зарисовала еще нескольких персонажей, я снова вернулась к нему. Описала его мать по имени Арона, которая на время настоящего сюжета еще жива, хотя по-прежнему терпит лишения и голод. После того, как у Арона забрали Тартена, она осталась совсем одна, — отца Тартен никогда не знал. В будущем, после революции, которую устроят Главная героиня (никак не могу придумать ей имя) и Тартен, они спасут Арону, но сейчас... мне так жаль ее... нужно скорей дописывать книгу!

Остаток вечера я расписывала отношения Тартена и Главной героини, их свадьбу, нежность, которая возникает между ними, их общие цели. Но, вопреки всем стараниям, здесь все выходило каким-то плоским и неестественным. То ли я чего-то не учла, то ли герои объявили мне бойкот! Промучившись несколько часов, я вырвала исписанные листы из тетрадки и разорвала их в приступе бессильной злости, о чем, правда, сразу же пожалела — на некоторых листах имелись очень важные и живые подробности, пришлось переписывать их с обрывков, потратив еще не меньше часа!

Под конец испорченного собственной глупостью вечера, я перечитывала предыдущие записи — зарисовки сторонних персонажей — стражников, чиновников, короткие заметки о таинственных (пока и для меня самой) ученых... И здесь меня постигло разочарование! Они получились какие-то пластиковые, не живые, как пустые фантики из-под конфет.

Чего-то неизбежно не хватало. Деталей быта? Деталей внешности? Я знала только одно — без нового визита в белую комнату ничего не выйдет!

Выразив приступ справедливого гнева в дневнике, я пошла в душ. Когда я вышла из ванны, на часах было начало одиннадцатого. Родителей еще не было, Сашка не звонил, чтобы мне не мешать. Никогда не ложилась так рано, но глаза очень устали, да и злость, даже после успокаивающего душа, не утихла, — толку от меня сейчас будет мало, лучше вновь попытаюсь проникнуть к зеркалу.

Переодевшись в любимую цветастую пижаму, я настежь распахнула окно и легла.

Не знаю, сколько часов я вертелась в попытках заснуть, но, в конце концов, вновь оказалась в белой комнате! Зеркало застыло в том же положении, как я его оставила. Не теряя времени, я подбежала к нему и осторожно заглянула внутрь; почувствовав мое присутствие, волны ожили и медленно закипели, переливаясь в серебристом танце.

Внизу, за ними, виднелось что-то, напоминающее другую комнату. Приглядевшись получше, я разобрала пол, выложенный серой плиткой и стены в лимонную полоску. Приятного аромата на этот раз не было, скорее что-то едкое с примесью хлорки и еще лимонная кислота, но не приятная своей свежестью, а какая-то искусственная, навязанная, как дешевое лекарство от кашля.

Подчиняясь желанию, я протянула руку и коснулась прохладной поверхности. В ту же секунду на кафельный пол упала черная тень. Я отдернула руку. Это была моя тень в ней? Или я видела кого-то из героев?

Нет — в коридоре по-прежнему пусто. И тогда я решилась на то, что никогда бы не получилось в реальности — протянула руку в центр зеркала и пронзила его насквозь! Секунду кожу оведал холодок пустого помещения, и, испугавшись, я выдернула ее обратно.

Кажется, я только что нашла портал в Далетанию! Так чего же я жду?!

Немного отдышавшись, я повторила свою неосмотрительную глупость и очень-очень быстро, затаив дыхание, нырнула головой в кипящие волны, словно в ванну, наполненную

прохладной водой. Одного взгляда достаточно, и я нырнула обратно — только что я побывала в коридоре с полосатыми лимонными стенами!

Меня захватила бешенная эйфория! Так чувствует себя как шпион, который оказался у самой сокровенного источника информации, добыть которую и не мечтал!

Варианта дальнейших действий три: повернуть зеркало и пялиться на город, в надежде увидеть что-то интересное, нырнуть вниз и побродить по Лаборатории, или сделать вариант первый, но нырнуть завтра, предварительно поставив себе будильник, чтобы быстро проснуться или сочинить в книге лазейку, чтобы можно было легко вернуться в эту комнату.

Что выбрать?

Я топталась на месте. Пора решаться на большее!

Но как же страшно! А вдруг я не смогу вернуться обратно? Смогу ли я проснуться за пределами белой комнаты? Вот бы я была такой же смекалистой, как Главная Героиня! Она бы сразу придумала, что делать, ведь через несколько глав ей предстояло стоять во главе восстания, а простая нерешительная дурочка на это никогда не решится!

Я устала на манящие волны. Жаль, что я босиком и в пижаме, обычно у шпионов более удобная одежда! Стиснув челюсти и плюнув на всякое благоразумие, я просунула одну и вторую ногу в океан неизвестности и нырнула внутрь!

Глаза не сразу привыкли к освещению — под потолком коридора парили пушистые помпоны яркого света, которые слепили глаза, только спустя минуту, я смогла разглядеть окружающее — я «выпала» из потолка верхней комнаты (и как только ногу не сломала, наверное, волны замедлили прыжок), и стояла посреди коридора; слева была полупрозрачная стеклянная дверь, сквозь которую виднелось небо, а справа длинный коридор без дверей, который кончался развилкой.

Как же сейчас пригодилась бы веревка или хотя бы маркер, не рвать же на себе пижаму или волосы, чтобы отмечать пройденный путь! Я поежилась от прохлады и сделала несколько шагов к развилке. Тишина. В воздухе слышался только непрерывный гул работающей техники.

Посмелев, я продвинулась дальше и, вдруг, впереди послышались тяжелые шаги! И из-за угла вышел бронированный киборг!

Отшатнувшись, я подалась обратно к порталу, но, поняв, что не успею забраться, кинулась к дверям. В три шага, киборг догнал меня, схватил за руку и развернул!

От дикого страха перехватило дыхание и, вместо крика, из груди послышалось бульканье. Стражник схватил меня за горло своей металлической ручищей и с размаху прижал к стене! Глаза заслонили слезы, я задыхалась и слышала свой собственный иступленный прерывистый визг!

— Кто ты? Откуда? — спросил жесткий, безэмоциональный голос.

— Я, я не знаю! — прохрипела я.

Сердце разрывал страх — киборг мог разломить меня своими стальными ручищами, как плюшевую игрушку!

Вранье, вранье, спасительное вранье, пожалуйста, приди ко мне!

Я открыла рот, но прежде, чем успела произнести хоть слово, с громким свистом к моей щеке приблизился черный кулак и рубанул прямо в челюсть!

Часть 1. Глава 2

Пришла в себя я от боли, — голова раскалывалась, будто по ней хорошенько проехали! Если это плата за вдохновение, то нужно искать новые источники! Подушка была влажная, значит, я плакала во сне. Надеюсь, что хоть не кричала, а то мама снова будет беспокоиться!

Я открыла глаза и меня прошиб холод — я вовсе не в своей комнате! Это подвал, темница или другая темная комнатка, где меня скоро убьют!

Я вскочила с лежанки — светлого подгнившего матраца и подушки в грязных пятнах, и кинулась к двери с маленькой решеткой наверху. Заперто. Решетка тоже прикрыта дощечкой. Я даже не знаю, где нахожусь! Судорожно обхватив себя руками, я попыталась вспомнить свои черновые зарисовки: темницы? Где они? В тюрьму кидали жителей трущоб, которые не выполняли нормы или нападали на военных еще до планируемой мной революции, сюда же попадали те, кто выступал против экспериментов Лаборатории. И тюрьма располагалась где-то под землей, чтобы своим видом не портить пейзаж!

Вот дура! Сама себя закопала!

Пришел истерический хохот, а затем горячие слезы вновь закапали по лицу; я рыдала и трясла головой, чтобы проснуться, но ничего не выходило! Я поползла до матраца и, забравшись на него, скрючилась, подобрав под себя руки и ноги. Сейчас я засну, а когда проснусь, все обязательно пройдет, и я окажусь дома!

Я проснулась на той же вонючей подстилке, что и до этого. В полутемной камере появилась миска с водой, значит кто-то меня проверял. Сев, я постаралась привести в порядок спутанные волосы, — если их срочно не расчесать, они будут похожи на смятую половую тряпку, а мне еще покорять кого-то, чтобы он спас меня из темницы!

Выдрав несколько десятков волос, я разделила их на три пряди и завязала косу, которую пришлось зафиксировать клочком оторванной пижамы. Вот, я уже рву на себе одежду! Что дальше будет? Хорошо, что я снимаю косметику на ночь, иначе вокруг глаз сейчас были бы черные круги!

Спрыгнув с лежанки, я подозрительно осмотрела воду в миске, и, не увидев там живности или очевидной грязи, сбрызнула лицо теплой жидкостью. Так-то лучше! В общей безумной и безвыходной ситуации уже нашлось что-то позитивное!

Приблизившись к двери, я прижалась к ней ухом, но ничего, кроме неразборчивого гула не услышала. Видно стражники молчат или вовсе забыли обо мне! Черт, надеюсь, что меня не замуровали под землей! Хотя, тогда мне не принесли бы воду.

Нужно вранье, хорошее, качественное, высшей пробы! Ну, пожалуйста!

Итак, во-первых, я по любому за власть! Правительство — наше все! Только порядок и только контроль истинного Властителя! Второе... ммм... пожалуй, врать, что я принадлежу к элитной части общества, к господам, прохаживающимся в нарядах по душистым садам, опрометчиво, — меня заставят назвать фамилию семьи, а их я еще не продумала! Наверное, самый подходящий вариант, сказать, что я искала своих родственников в Лаборатории. Подходит? Плохо. Но не говорить же, что я никудышная создательница их мира, которая оказалась в собственных сетях?!

Так, ладно, сойдет. А, одежду — пеструю пижаму из хорошей ткани, которую не найти

в трущобах, я украла из какого-то богатого дома. Здесь будет уместно поплакать, разыграв честное раскаянье! Вот только как я сумела пробраться через озеро в самую охраняемую часть города?

Мои скудные попытки придумать подходящее вранье прервались шумом за дверью, я подскочила на месте и попятилась к лежанке.

Дверь со скрежетом отворилась и в темницу вошел киборг. Мощная, иссиня-черная броня обвивала огромное тело, ростом он был еще больше предыдущего, и, казалось, подпирал головой потолок. Но мое дыхание перехватило вовсе не от этого — я узнала его глаза — серые суровые угольки.

Не в силах сдвинуться с места, я глядела на него. Именно эти глаза я представляла, когда искала слова для описания их цвета и глубины, и того затаенного чувства горечи, которую они хранили много лет! Передо мной стоял мой Главный герой — Тартен!

Сознание вернулось, как только он схватил меня за локоть и вытащил в слабоосвещенный коридор. Так, нужно срочно сосредоточиться! Если здесь Тартен, то я не в тюрьме! Он предводитель стражи моста и живет в Замке, и, значит, сейчас он ведет меня не к простому надсмотрщику, к высшему руководству, которые могут не просто меня осудить, но и казнить!

Топая босыми ногами по ледяным каменным плитам, я судорожно соображала, как его остановить и с каждой секундой видела все больше прорех в наскоро состряпанном вранье!

Тартен тащил меня за руку, и я могла видеть только его необъятную спину, обшитую угольно-черной броней.

— Тартен! — пролепетала я, но его громкие шаги поглотили мой писк и пришлось крикнуть: — Тартен, остановись, пожалуйста!

На миг показалось, что, то ли он хотел остановиться, то ли споткнулся, но в ту же секунду, он взял себя в руки и продолжил меня тащить.

— Тартен! Я знаю кто ты! — снова прокричала я, по щекам закапали слезы, в животе панически заурчало. — Тартен, прошу тебя, я знакомая твоим мамы!

Не сразу поняв, что он остановился, я врезалась в броню и, охнув, отшатнулась. Он придержал меня, не дав упасть. Тартен наклонился, и мне в лицо уперлись непроницаемые дымчатые глаза, обрамленные килограммами металла.

Это он. Я знала!

Но нельзя терять времени! Какую же придумать причину? Ах, да!

— Я искала тебя! — твердила я, кусая губы. — Ароне совсем плохо, мне нужна твоя помощь!

Замолкнув, я ждала ответа. Но Тартен смотрел на меня холодным пустым взглядом и молчал. Это я виновата! Я подарила ему такую судьбу, где он терпел страшные лишения и испытания, это я виновата в том, что он загнал воспоминания о своем прошлом далеко назад и стал полумашиной не только внешне, но и внутренне!

Тартен смерил меня последним, ничего не выражающим, взглядом и потащил дальше.

Мамочки, что же теперь делать?!

Я крутила головой в поисках лазейки или подсказки, но что это даст, если я в надежных тисках — руках моего героя Тартена? Мы прошли по длинному коридору, по обеим сторонам которого располагались темницы, и стали подниматься по лестнице. На следующем, цокольном, этаже были кухня и кладовые, а также здесь находились

комнатгушки прислуги и стражников низшей категории; именно на этом этаже в будущем я планировала устроить тайную штаб-квартиру по подготовке к восстанию, ну, точнее, не я, а Главная героиня, — она вместе с Тартеном официально жили бы в одной из башен Замка, но на самом деле, большую часть времени проводили бы здесь — держась за руки и продумывая план революции. Я грустно усмехнулась, обведя взглядом узкие, с низкими потолками, помещения, — если удастся выбраться, нужно описать их помасштабней, иначе в этих клетушках не поместится больше десятка человек за раз.

Следующий этаж был сплошь огромным залом; пол сверкал отшлифованным паркетом, со стен и потолка на лицо падали переливы хрусталия грандиозных люстр; в центре зала возвышалась лестница цвета слоновой кости. Тартен повел меня к ней через зал. Здесь были другие персонажи — придворные и элита; под невыносимо яркими нарядами и слоями косметики, я с трудом различала их лица, тем более, мой палач вел меня так быстро, что я еле поспевала за ним.

Теплый, мягкий паркет согрел окоченевшие ноги, но я все равно ежилась и причиной тому были взгляды окружающих — пренебрежительные и недоверчивые, некоторые и вовсе шарахались от меня, как от дикого зверя.

Видел бы меня сейчас Сашка, — с болью сглотнула я, — вот, кто бы быстро придумал, как меня защитить!

Мы подошли к лестнице; как в замедленной съемке я шла за Тартеном на второй этаж в зал заседаний, и представляла, как стою в окружении пышно разодетого правительства и оправдываюсь, мучительно придумывая очередное вранье, как на до мной смеются, и приговаривают к казни за проникновение в их свяую-святых!

Нет, к черту всех! Я должна выбраться!

— Тартен, — снова заговорила я. — Ты должен мне поверить! Спроси меня, что угодно, и я отвечу! А если нет, то веди дальше!

Не обращая внимания на мои слова и на физические попытки его остановить, Тартен поднялся по лестнице, но на вершине пошел не к большим богато отделанным дверям зала заседаний, а быстрым движением толкнул меня в боковую дверь, за которой оказалась крохотная аудитория с несколькими рядами столов и кафедрой. Тартен прикрыл за собой дверь и снова уставился на меня непроницаемым взглядом.

Зная его непрошибаемый характер, я не стала давить на жалость или просить спасти меня, а, напротив, выпрямилась, и прямо взглянула ему в глаза. Пусть сам решает, что со мной делать. Мой герой, мужчина моей мечты, если он мне не поможет, то никто этого не сделает. И не я, не мой труд вообще ничего не стоит.

— Что с матерью? — наконец, заговорил он.

— Она больна, — не моргнув, ответила я. — Ей срочно нужны лекарства.

Это было практически правдой, за исключением того, что в трущобах болели почти все — из-за антисанитарных условий, выхлопных газов, холода и элементарного отсутствия каких-либо медикаментов. Лаборатория распространяла лекарства только среди элиты, а трущобный житель мог рассчитывать на контакт с медиками, только в качестве подопытного экспоната, — Тартен знал этот закон с детства.

— Тебя нашли в Лаборатории. Как ты туда проникла?

— Я очнулась уже там, — снова полуправдой ответила я, и ущипнула себя за палец, чтобы сдержать спокойное выражение лица. — Попыталась сбежать, но меня поймали и отвезли сюда. — Добавила я, и опустила глаза, чтобы собраться с мыслями.

— Тебя брали для опытов? — не отставал Тартен.

Я пожала плечами — вполне логичный жест, учитывая то, что многих людей подчас чуть ли не вытаскивали с постели, увозя на лимонной машине.

Тартен замолчал. Я осторожно заглянула ему в глаза, понятно — остался главный вопрос — почему меня не скрутили в Лаборатории и не оставили там, ведь все сопротивляются, а тут, охранники зачем-то привезли меня на суд к Властителю! Тартен заговорил прежде, чем я успела придумать ответ:

— Что было в тот день, когда меня увезли? — вдруг спросил он.

Мне показалось, что в ровном, спокойном голосе промелькнуло что-то мальчишеское.

— Пошел дождь, — ответила я. — Желтая кислота. Все побежали. — У меня кольнуло в груди, я дернула плечом, но продолжила: — Ты искал корни и забытую ботву на грядке, ковырял ее черепком, а потом побежал за всеми, но... не успел.

Я всхлипнула и отвернулась. Как я могла сочинить такое? Как я могла подвергнуть живое существо такой боли? Мерзкая садистка!

Сзади послышалось движение, Тартен подошел ко мне и встал рядом. Я слышала его дыхание. Настоящее дыхание живого человека, не героя и не бумажного персонажа, а человека, который думает, действует, чувствует!

Вот теперь я достойна казни. Ведь я та, которая подвергла ужасающим испытанием человека, которого обожаю всем сердцем!

— Значит, ты мамина соседка? — спросил он, но я промолчала, ложь жгла все нутро и даже ради спасения, мне были невыносимы слова, которые должны были слезть с губ.

Но Тартен и не ждал ответа.

— Пойдем, — решительно сказал он и снова схватил меня за руку.

Не сопротивляясь, я вышла из аудитории. Тартен вновь проигнорировал зал заседаний и повел меня наверх. Что он задумал?

Я удивленно посматривала по сторонам и не узнавала ни одной детали — эту часть помещения я не успела прописать. Третий этаж оказался сплошь бальным залом с огромной сценой, объединенный с обеденной зоной для дорогих гостей — справа виднелся огромный богатый стол, в окружении нескольких десятков стульев. На четвертом этаже тоже был зал, но поскромнее всех предыдущих помещений — основной ценностью здесь были десятки тысяч книг, разложенных на полукруглых полках. Здесь же располагались кабинеты правительственных чиновников, все они были заперты, но, так как, их я немного задействовала в книге, я догадывалась, что находится за запертыми дверями. Следующий уровень был поделен между многочисленными башнями — здесь постоянно жили средние и низшие члены правительства, а одна из башен принадлежала Тартену.

Значит, он ведет меня к себе. Но зачем? Чтобы спрятать? Но я не разгадала замысла Тартена — он направился напрямиком на крышу.

Надеюсь, мой герой не хочет подарить мне быструю смерть!

Мы вышли на просторную террасу, которая окружала и объединяла все башни этого уровня. Воздух обдувал меня под нехитрым нарядом, но я не обращала внимания, — теперь я видела мой сказочный мир с центральной точки обзора, о лучшем ни один писатель и мечтать не смел! Но Тартен не дал насладиться и секунды, и повел меня вдоль башни к алее с высаженными прямо на крыше деревьями и цветами, где на одной из красивых кованых скамеечек, сидела, кто бы мог подумать, моя Главная героиня!

Я не сразу поверила своим глазам, но ошибиться было невозможно — длинные, ниже

пояса бледно-малиновые волосы, уложены в тугие кудряшки и обрамляют нежное, холеное лицо жительницы элитных земель. Когда Тартен подвел меня ближе, Главная героиня изящно повернулась к нам и ее мятного оттенка платье, обильно расшитое пайетками, засверкало нам на встречу. Я одернула замаранную пижаму, и, поджав губы, постаралась сделать равнодушное лицо.

Не отпуская меня, Тартен протянул руку своей невесте. В ответ она провела пальцами по его ладони и лучезарно улыбнулась. Ах да! Совсем забыла эти тонкости, принятые в мире киборгов и людей! Дело в том, что тело киборга покрыто бронью не полностью — остаются открытыми глаза и внутренние поверхности рук; на время служебных обязанностей киборги включают специальную защитную оболочку, охраняющую все тело, но при общении, особенно с любимой женщиной, они позволяют себе некоторые вольности, которые в их обществе считаются чем-то доверительным, а у влюбленных заменяют поцелуи.

Я клацнула зубами и хотела было отвернуться, но вовремя остановилась — во-первых, я сама соединила их судьбы в книге, а во-вторых, мне нужно срочно отсюда выбираться и нечего кривить нос, если все мужчины не падают вокруг меня штабелями!

Растянув рот в улыбке, я кивнула Главной героине.

— Мия, — обратился к ней Тартен (вот, значит, как ее зовут!), — мне нужна твоя помощь.

Мия захлопала перекрашенными ресницами; я растянула улыбку еще больше, но вовремя остановилась — от оскала заболела не зажившая после удара стражника челюсть.

— Это моя знакомая. — Представил меня Тартен. — Она попала в беду, и, прежде чем предстать перед судом, ей необходимо переменить внешний вид, чтобы к ней отнеслись помягче.

Оценивающий взгляд Мии я встретила со стиснутыми зубами. Она понимающе кивнула и, грациозно поднявшись, взяла меня под руку.

— Конечно, милый, я все сделаю! — кукольным голоском пообещала она и повела меня дальше через аллею.

Единственный плюс соседства с Мией был в том, что ее объемное платье закрывало значительную часть меня, а блеск ткани затмевал все вокруг, так что, в итоге, на меня перестали пялиться и я превратилась в невидимку.

За деревьями показалось небольшое, но очень живописно расписанное здание, по рисункам ножниц-причесок-расчесок было сложно не догадаться, что это салон красоты. Отлично! В самый раз перед казнью!

Когда мы оказались у дверей, Мия жестом пригласила меня внутрь, и обогнув стойку администрации (единственное, что я успела рассмотреть, так она спешила!), мягко втолкнула в боковой комнатку.

Ого! У меня глаза на лоб полезли! Белоснежные, сливочные, персиковые и васильковые наряды, были развешаны вдоль стен, над ними на воздушных полочках лежали всевозможные шляпки и благоухали цветы. Зеркала, которые были повсюду, отражали и множили все это разноцветье! Мия захлопнула дверь и усадила меня на один из пуфиков. Затем она еще раз смерила меня оценивающим, но на этот раз более теплым, взглядом, и, взяв с полки палитру красок, стала разрисовывать мне лицо.

— Я так хотела познакомиться с семьей и друзьями Тартена, — призналась она, — но он никогда мне ни о ком не рассказывал! Надеюсь, мои усилия не пропадут даром, и у тебя все получится! А потом мы обязательно подружимся!

— Мне тоже приятно, — осторожно, чтобы не сказать лишнего, ответила я, пока Мия пудрила мои щеки. — Несмотря на то, что события моего визита не слишком приятные...

Видно было, что Мию интересуют подробности, но я похвалила ее наряд и она вынужденно отвлеклась на описание подробностей свадьбы и приглашенных гостей. Когда она помогла мне уложить волосы и придела меня в скромное, но наиболее подходящее платье для суда, Мия смотрела на меня с уже меньшей подозрительностью — из салона мы вышли полу-приятельницами. Правда, с моей стороны это большей частью было вызвано тем, что Мия действительно помогла мне похорошеть: рукой мастера, она легко подчеркнула черты моего лица, чтобы я меньше выделялась на фоне элитников, а платье и балетки, которые она подобрала, создали полудетский образ, который должен был придать невинности в глазах судей.

Тартен вновь поприветствовал Мию прикосновением и, включив защиту, повел меня обратно. Пока мы спускались, у меня все еще пестрило в глазах от яркости элитарных салонов и аллей, но вскоре это прекратилось — вернулся жгучий, скручивающий внутренности страх. Только черная бронированная спина моего героя внушала надежду.

Открыв мощные двери зала заседаний, Тартен взял меня за локоть и втолкнул внутрь. Конечно, он проявлял грубость, чтобы нас не заподозрили в сговоре, но мне все равно стало не по себе, усилили это чувство и киборги, которые стояли у дверей. Я ахнула, когда оказалась рядом с ними! Тартен тоже был огромным, но его я знала и не могла бояться, а эти... Киборги стояли, застыв на местах, как машины, направив мертвенно-сосредоточенные взгляды перед собой; внутренне я знала, что под слоями металлической брони скрываются люди, но оказавшись с ними настолько рядом... нет, я могла думать только об их могучих ручищах и непробиваемых телах, которым не страшно любое оружие!

Наверное, я замерла на месте, потому что Тартен вновь поволок меня, на этот раз вниз по ступенькам. Зал заседаний был устроен в виде амфитеатра — длинные ряды скамеек располагались друг над другом и сужались к низу; на месте сцены стоял тяжелый деревянный стол, а, чуть в отдалении, маленькая кафедра, рядом с которой стояла кованная клетка для подсудимых. Народу на трибунах было очень много, все в темно-фиолетовых бархатных мантиях, на головах седовласые парики, повязанные широкими черными лентами. Киборги, которые меня напугали, стояли в верхнем ряду, окружая весь зал.

Несколько раз по пути я чуть не упала, меня трясло крупной дрожью. По счастью, Тартен не стал заводить меня в клетку, а подвел к кафедре. Сам он отошел на пару шагов назад, заняв место наблюдателя. Оторвав взгляд от своей последней надежды, я повернулась к деревянному столу, за который уже рассаживались верховные чиновники.

От рядовых заседателей, их отличали белоснежные напудренные парики с крупными буклями, которые ниспадали на багряные мантии, расшитые золотой нитью и драгоценными камнями. Главных чиновников было пятеро — все они жили в Замке, на одном из верхних ярусов, каждый в одной из пяти башен. Я не успела прописать всех, но трое из чиновников были хорошо знакомы: сидящий в центре флегматичный с круглым лицом — это Олегдаран, потомственный Властитель; по правую руку от него Дариан — самый высокий из всех, он был первым советчиком Властителя, и довольно изворотливой личностью, в его роли для сюжета, я задумала какую-то квази-важную деталь, но не успела ее проработать; по левую руку от Властителя полусидел-полулежал на столе худой, угловатый Алексис, еще более скользкий тип, чем Дариан и второй советник Олегдарана.

Безымянный чиновник, сидящий крайний слева, встал, оттопырив на стол объемное

брюшко, и начал заседание:

— Прошу тишины! — пробасил он, и заседатели на трибунах прекратили вертеться. — Мы собрались сегодня в одиннадцатый день солнечного лета, восьмисотого года исчисления, для допроса... — без пауз, на одной ноте, процедил он, — осужденная проникла в Лабораторию, была поймана и доставлена для определения наказания.

Чиновник закончил и с треском плюхнулся обратно. Ко мне обратился Алехис:

— Назови свое имя, — приторно-ласковым голоском попросил он, приподняв голову с локтя. — Кто ты и из какого кварда?

— Меня зовут... Настя. Я из трущоб.

Дариан странно дернулся, окинув меня внимательным взглядом, но промолчал.

— Как ты проникла в Лабораторию?

— Я искала лекарство для соседки, она заболела, — ответила я, уклонившись от прямого ответа и, паническим жестом, спрятала лицо в ладонях, сделав вид, что плачу.

С трибун послышались шепотки, но Алехис прервал их:

— Правда? Не сомневаюсь, что для тебя это очень важно! Но я спрашивал не зачем, а как ты туда проникла. Эти люди, — он обвел амфитеатр ленивым жестом, — собрались здесь вовсе не для того, чтобы слушать истории трущобников. Пожалуйста, — медовым голоском, попросил он.

Убрав руки от лица, я стиснула кулаки. Алехис следил за мной скучающим, затуманенным взором. Я приготовилась сказать то же, что и Тартену, но, прежде, чем открыла рот, вмешался Дариан:

— Алехис, друг мой (на сколько я знала, они были злейшими соперниками), ты как всегда прав! Если такая жалкая трущобница проникает в Лабораторию, то нам стоит опасаться!

Я стойко снесла оскорбления, но следующие его слова поразили до глубины души:

— Признайся, — Дариан обратился ко мне, — ты дождалась смены стражников и, пользуясь тем, что они не могут быстро поворачивать голову, проникла в проем между ними и пробежала по мосту?

Абсолютно все в зале суда, включая меня, уставились на Дариана. Он довольно ухмыльнулся.

— Что сделала? — нервно переспросил Алехис, разом растеряв напыщенное самообладание.

Дариан еле заметно мне кивнул. Я повторила его версию слово в слово, сама не понимая, что происходит, но осознавая, что по какой-то неведомой причине, незнакомый, выдуманный мной чиновник, хочет мне помочь! Дариан широко улыбнулся и подобострастно заглянул в глаза Олегдарану.

— Я давно говорил, что броню стражников нужно модифицировать! Вот, к чему это может привести!

Властитель задумчиво прислушивался к словам первого советника.

— Если бы не эта девчонка, обнаружившая прореху в системе охраны... Ох! Чтобы могло быть!

Дариан зашептал что-то Властителю на ухо, а Алехис наблюдал, скаля зубы. Пользуясь тем, что про меня забыли, я отдышалась и пригладила волосы, — потом подумаю, о том, что здесь произошло, сейчас нужно выглядеть раскаянно и невинно!

Олегдаран рассмеялся и властно стукнул кулаком об стол, от чего тот затрещал. Дариан

удовлетворенно кивнул мне еще раз. Оставшиеся три чиновника с вопросительным раболепием следили за Властителем. Тот махнул рукой в мою сторону, мол, уберите, чтобы не мешалась и картинно погрозил пальцем, съезжившемуся на месте, Алехису.

Чиновник, начавший заседание, неуверенно поднялся с места.

— Прошу тишины! — снова пробасил он, хотя вокруг все и так молчали. — Мы собрались сегодня в одиннадцатый день солнечного лета, восьмисотого года исчисления, для допроса... — на одной ноте повторил он предыдущую речь. — Объявляется голосование: кто за то, чтобы казнить осужденную?

Заседатели на трибунах внимательно следили за руководством; несколько неуверенных рук поднялись вверх. Дариан весело подмигнул Властителю, тот хохотнул. Безымянный чиновник вслух их пересчитал — восемь персонажей хотели смерти своего автора.

— Кто за то, чтобы помиловать осужденную?

На этот раз рук поднялось больше половины. Я облегченно выдохнула и обернулась к Тартену, который стоял не шелохнувшись. Глаза его снова ничего не выражали и мне стало немного обидно. Но лучше обида и жизнь!

— Суд объявляется оконченным! Освободить! — толстый чиновник махнул в мою сторону рукой, и сев на свою скамью, тут же забыл о моем существовании, уставившись водянистыми глазенками на Олегдарана.

Тартен направился ко мне, чтобы помочь выйти с трибуны, но неожиданно подошел Дариан.

— Размести ее где-нибудь в замке, — приказал он Тартену и взглянул на меня.

Маска подхалимства слетела, как по щелчку пальцев; в умных усталых глазах старого чиновника таилось что-то серьезное и осторожное.

— Позже мы поговорим. — Пообещал он, и не удостоив меня ни единым намеком на объяснение, вернулся к столу.

— Пойдем. — Сказал Тартен, и пропустил меня к лестнице.

Киборги на этот раз выглядели менее опасными, но я все равно прошмыгнула через них как можно скорей.

— Хочешь есть? — спросил Тартен, когда мы покинули зал заседаний.

— Да.

Желудок свернулся в трубочку, а в горле пересохло так, что я с трудом сглатывала. В темнице я провела весь день, а может, и всю ночь, и, получается, что ела только двое суток назад. Но, какое это имеет значение — я ведь до сих пор сплю! Что же так долго не идет мама! Я же не могу торчать здесь вечно, пните меня хоть кто-нибудь!

От внезапного нахлынувших мыслей, закружилась голова и я схватилась за руку Тартена, чтобы не упасть.

— Что с тобой? — спросил он, остановившись.

— Перенервничала, — я потрогала ладонью, влажный от испарины лоб. — Пройдет, — пообещала я и, придя в себя, отшатнулась от него.

Совсем забыла о принятых в этом мире правилах! Но то ли он ничего не понял, то ли сделал вид, что не заметил.

Вслед за ним я спустилась на первый этаж, и Тартен провел меня в столовую, которая скрывалась за лестницей. Обстановка помещения мало чем отличалась от обычной забегаловки — столики, стойка со шведским столом, к которой сразу направился Тартен, но меня заинтересовали стулья: половина из них были обыкновенные — легкие, деревянные, а остальные — грубые, напоминающие кусок искореженного металла, неуклюже приплюснутого прессом, несколько из них занимали киборги, и я догадалась, что они могут сидеть только на них, — обычную деревяшку многокилограммовая броня продавила бы так, что только опилки остались!

Мы подошли к стойке и Тартен взял поднос. Чтобы не ошибиться и не привлечь к себе внимание, я повторяла все за ним. Тартен взял три емкости для напитков (я последовала его примеру) и стал наполнять их из прикрученных к стойке кранов, в стаканы полилась жидкость с неприятным запахом. Когда он заполнил последнюю, я тоже протянула руку к крану, но он меня остановил:

— Хочешь попробовать пищу киборгов? Человеческая еда дальше.

Я покраснела. И как я не догадалась? Киборги ведь не могут жевать в прямом смысле слова — ведь их рот спрятан за слоями брони. Бедный Тартен!

Прошмыгнув туда, куда он показал, и взяла несколько незнакомых фруктов и по ложке самых безобидных на вид блюд. А вот воды я залила сразу в три пригодившихся стакана!

Тартен подвел меня к свободному столику. Я присела на деревянный стул, а он с лязгом опустился на металлический, при этом какие-то детали в его броне автоматически впились в стул, видимо, для того, чтобы зафиксировать положение. Тартен взял в руки один из наполненных стаканов и, вставив туда трубочку, другой ее конец сунул в отверстие на месте рта. Значит так он питался, — втягивал малопривлекательную жидкость три раза в день...

Проклянув себя в очередной раз, я осушила первый стакан воды и принялась за еду.

Интересно, — думала я, пробуя на язык новый незнакомый кусок, — будем ли мы с ним нормально общаться? Пусть «нормально» слишком громкое слово, но... Это же Тартен! Я столько часов провела в грезах о нем, а теперь он совсем рядом!

— Что теперь думаешь делать?

Я неохотно пожала плечами. Что? Убегать отсюда скорей! Несмотря на то, что больше всего на свете мне хочется просто пообщаться с ним!

— Вернусь в Лабораторию, ведь лекарства я до сих пор не достала, — ответила я вслух.

— Тебя снова поймают.

Я поводила вилкой по тарелке. А какие у меня варианты? Если только поговорить с Дарианом. Хотя, представить не могу что это даст!

— Ладно, тут не место для обсуждения. — Осекся Тартен. Он обвел взглядом помещение и осушил второй стакан. — Переночуешь у меня, а дальше, посмотрим!

У меня защекотало внутри... Остаться с Тартеном наедине, без свидетелей, без мамы с папой, без Сашки и без Главной героини... На это я и надеяться не могла!

В ближайшую ночь я точно не сбегу!

Когда мы покончили с едой, Тартен снова повел меня на четвертый этаж, но на этот раз повернул в крайнюю восточную башню. За внешней дверью, стилизованную под кирпичную кладку, оказался просторный холл и коридор, делящий помещение на две стороны. Я с любопытством вошла первая. Но не успела сделать и нескольких шагов, как Тартен схватил меня за бок, развернул к себе, и прижал руку к моему горлу тыльной стороной, вдавив меня в стену!

— Кто ты, отвечай!

На меня уставились бешенные серые глаза; это был не простой допрос — Тартен догадался, что я вру!

Я захрипела. Он ослабил давление на горло, но руки-тиски впились мертвой хваткой!

— Я не знакомая Ароны!

— Знаю! Настоящая жительница трущоб никогда бы не выбирала, что поесть! Мы же вечно голодные и хватаем кусок хлеба при малейшей возможности!

Вот где я прокололась!

— Кто? — повторил Тартен.

Я сцепила губы. Сказать, что он лишь порождение моего воображения? Да он на месте меня пришибет!

— Не могу сказать, — выдавила я. Он ждал, и я продолжила, — я не сделаю тебе ничего плохого!

Пустые слова! Хватка сжималась... но вдруг страх, вместо бессилия и слез придал мне сил! Я разозлилась и зарычала в ответ:

— Хоть убей, ничего не скажу! — прошипела я и смело взглянула в стальные глаза, не мигая и стиснув челюсти, будто рот больше никогда в жизни не открою!

Тартен жал на горло все сильнее; металлические суставы скрежетали; я закрыла глаза и представила, что сижу в кресле у стоматолога и мне делают укол... боль неизбежна, но скоро все кончится и я проснусь... Прежде, чем я потеряла сознание, Тартен меня отпустил. Мешком свалившись ему под ноги, я тут же отшатнулась и встала, выпрямившись, насколько позволяли силы, как и в первую нашу встречу.

— Не единому твоему слову не верю. — Без обиняков признался Тартен.

— Тогда отпусти!

Тартен смерил меня непонятым взглядом. Если он меня прогонит, спрячусь в какой-нибудь кладовке или, на худой конец, в саду, а потом подкараулю Дариана!

— Нет. — Наконец, ответил Тартен. — Пока останешься здесь, у меня приказ на счет

тебя, — напомнил он.

Я молча кивнула и огляделась. Интересно, он запрет меня где-то или свяжет? Хорош мой герой, нечего сказать!

Но Тартен прошел по коридору и указал мне на дверь:

— Это будущая комната Мии, поспишь здесь, — предложил-приказал он.

Я осторожно подошла к закрытой двери и толкнула ее. Это оказалась спальня — в центре большая кровать, по бокам две тумбы, а вдоль противоположной стены — туалетный столик с щетками и косметикой, и небольшая дверка, наверное, в ванную.

— Мне нужно встретиться с Мией. Буду поздно. — Объявил Тартен.

Еще раз оценивающе взглянув на меня, он покинул башню.

Значит, охранять меня он не собирается? Хотя, нет — в замочной скважине звякнул ключ — Тартен меня запер! Прекрасно! Вот он удивится, если за то время, что он гуляет с невестой, мне удастся проснуться и исчезнуть!

Но, похоже, пока мне это не грозит. Позлившись пару секунд, я смирилась с неизбежным заточением, и направилась напрямик к маленькой дверце. Но распахнув ее, я разом забыла о всех обидах!

Это была не ванна, а целый тропический сад! Вот уж эта комната была продумана не Мией, обожающей кукольные цвета, а мной! Как-то раз я принимала душ и размышляя об этой немаловажной части жизни и вот, мечта осуществилась!

Я скинула подаренные Мией вместе с платьем балетки, и впилась пальцами в теплый, сказочно мягкий песок. Над головой, свесившись с большого листа пальмы (которая росла прямо из пола), запел попугайчик, к нему присоединился другой, а третий цветастый красавец, сел мне на плечо и ласково заглянул в глаза. Я погладила птичку и подошла к ванне — вырезанной емкости из огромного валуна. Она уже была наполнена и там плавали золотые и красные рыбки. Рядом с ванной стоял фонтан, который заменял умывальник, он самовольно брызнул на меня бирюзово-золотистой водой.

Остаюсь жить в этой ванной, и никто меня отсюда не вытащит!

Стянув платье, я влезла в ванну. Рыбки немного пугали, но они плавали вокруг, не касаясь тела; мне даже показалось, что они тихонько мурлыкали... Попугайчик слетел с плеча и приземлился на край валуна, где стояли разломленные надвое кокосы, наполненные всевозможными душистыми шариками, ароматными пакетиками и растворяющимися в воде блестками (последние точно принесла Мия!). Я посыпала всего сразу и ненадолго прибалдела.

Пока я лежала, силилась вспомнить черновики по предсвадебным традициям. Что же я там напридумывала? Ах, да! Жених делает предложение понравившейся девушке, если она соглашается, то он должен исполнить семь любых ее желаний. После чего они женятся. Обычные невесты загадывают платья, путешествия, богатые дома и т. д., но моя героиня, по крайней мере три мною придуманных желаний, должна посвятить подготовке к мятежу. Какая жалость, что я не успела продумать и записать все желания! Тогда бы несколько дней — и все свободны и счастливы! А так, кто знает, что она загадала раньше?

Если бы рыбки не плескались вокруг, взметая в воздух струйки воды, я бы, наверное, заснула. Но пришло время вылезать!

На пальме я заметила ветку с пушистыми полотенцами и, подсушив свою гриву, завернулась в одно из них. Зеркала в ванне почему-то не было, и я вышла в комнату, чтобы расчесаться около туалетного столика. Щеток здесь было множество! Побоясь что-то

сломать о мои жесткие волосы, я выбрала самый прочный, по размеру напоминающий конский, гребень. Волосы после него заблестели и легко уложились. Я заплела коску, и прошла по баночкам Мии, выбрав наименее вонючий крем. Надеюсь, завтра моя кожа не станет радужного цвета!

Тартен еще не вернулся, и я решила побродить по его владениям. Чтобы он не застал меня в полотенце, я выбрала из шкафа Мии коротенький голубоватый сарафанчик, который был надежно спрятан за нарядными кринолинистыми платьями, может, это ее детский? В любом случае, мне он подошел! Я добавила балетки и, прислушавшись к тишине коридора, вышла.

Комната Тартена была заперта. Я прошла в конец коридора к огромному, обрамляющему фасад башни, окну, и забралась на подоконник. Передо мной была вся Далетания! Кто бы мог подумать, что еще пару дней назад я смотрела с другой стороны, из реальности, рассматривая волшебный мир и гадая, как живут те, кто его населяет?

Меня разбудил скрежет металла. Я заворчала, что еще рано вставать и повернулась на другой бок. И точно грохнулась бы на пол, если бы Тартен меня не поддержал! Мгновенно вспомнив где я и что здесь происходит, и быстро от него отшатнулась, упершись спиной в холодное стекло.

— Почему ты не в комнате?

— Там слишком ярко, — ответила я, первое, что пришло в голову. — Сейчас уйду!

Спросонья я всегда была злая; к тому же обида на грубость Тартена еще не прошла — хватит с меня допросов на сегодня! Я хотела слезть, но он меня остановил.

— Что еще?

Да, дайте же мне поспать, черт возьми!

Я заметила, что покрыта пледом с кровати, но злость все равно не уходила!

— Я не говорил, что не хочу тебя видеть! — в тон мне ответил Тартен.

— Мои синяки сказали мне об этом! — огрызнулась я, показав пальцем на шею и сунув ему в лицо свои запястья, на которых расползались фиолетово-синие пятна.

Не то, чтобы я слишком злилась, отчасти я понимала его недоверие — верить мне и вправду не стоило, но обида на моего героя все равно была слишком сильна. Я готова была расплакаться от этого чувства и не хотела, чтобы он это видел!

Спустив ноги с подоконника подальше от него, я слезла и, не оборачиваясь, поплелась в спальню. На этот раз, он не стал меня останавливать.

Наутро я проснулась от пения попугайчиков, которые, вылетели незапертой ванны. Бросила в них подушкой, но они не угомонились — пришлось вставать. Я быстро привела себя в порядок и вышла из спальни.

Дверь в комнату Тартена была приоткрыта, я нерешительно туда заглянула.

По площади это было такое же помещение, как и комната Мии, но у нее все было забито тряпками и безделушками, поэтому комната Тартена казалась больше. В середине тоже стояла кровать — полностью металлическая, без намека на что-то мягкое или теплое. Как же он спит? Противоположную от входа стену сплошь занимали стойки с чем-то вроде арсенала оружия и запасных частей для брони (это у него вместо шкафа?), в комнате пахло смазочным маслом и металлом. Стены были без отделки, как сама башня — красная кирпичная кладка. Только одна деталь не вписывалась в общий брутальный минимализм — стопка книг на подоконнике. Я так удивилась, что бездумно вошла в комнату и протянула

руку к книгам, чтобы подглядеть, что он читает.

— Доброе утро! — поприветствовал меня Тартен.

Он стоял в темном углу комнаты. Среди груды металла, я бы не заметила его еще долго!

— Привет! — промямлила я.

Мне было совестно за вчерашнее, все-таки он меня спас, но первая идти на мировую я не хотела. К тому же, кто знает, что у него на уме!

— Увидела что-то интересное?

Мне показалось или в его словах ирония?

Я пожала плечами и снова немного ощерилась.

— Да вот, пришла спросить, а как ты спишь? — нагло поинтересовалась я, чтобы сбить его с толку.

И почему все его эмоции можно определить только по взгляду? Как не удобно!

Мне показалось, что Тартен еле слышно хохотнул. Он вышел из тени и встал рядом со мной у окна.

— Очень просто, — ответил он. — Броня не нашита прямо на тело, я нахожусь в капсуле и, когда ложусь, просто втаскиваю к себе руки и ноги. Устраивает такой ответ? — теперь он точно хохотнул (не Мия ли его так вчера развеселила, что он в таком приподнятом настроении?). — И конструкция кровати помогает, помнишь вчерашний стул?

Я кивнула.

— Броня так же встраивается в кровать, и я могу чувствовать себя свободно, не боясь, что от резкого движения она упадет.

— А утром снова носить килограммы железа? — вырвалось у меня.

Тартен приподнял и опустил плечи. Ответа не требовалось — сама подарила ему такую судьбу, сама теперь страдай!

— К этому привыкаешь.

Я отвернулась к окну.

— Любишь читать? — спросила я деланно равнодушным тоном и взяла одну из книг, но по обложке сразу стало ясно, что это не художественное произведение — это были правительственные манифесты. Я схватила следующую — свод законов государства, дальше остальные, такие же безликие листовки.

Пока я рылась в книгах, Тартен изучающим взглядом следил за мной. Когда я плюхнула на место последнюю книгу, он засмеялся.

— Почему тебя это расстроило?

— Не думала, что ты живешь только работой, — сказала я, обводя комнату взглядом, — здесь так... — я не могла подобрать нужного слова, — ... пустынно что ли.

— Слугам и сторожевым мужам вроде меня, запрещено иметь личные вещи, — помолчав, прошептал Тартен. — Но... — он прошел к двери и запер ее, — кое-что у меня есть!

Тартен вернулся ко мне и коснулся брони на месте сердца, затем вытащил что-то и положил на подоконник. Это была пуговица. Старая, щербатая почерневшая пуговица с четырьмя отверстиями.

— Она осталась от моей одежды, — тихо сказал Тартен, — когда меня привезли в Лабораторию. Я храню ее, чтобы помнить, что я был человеком.

Глазам стало больно. Я всхлипнула и закрыла лицо руками. Тартен что-то говорил, но я

слышала только жалостный, рвущийся из груди, вопль. Я, я во всем виновата, ненавижу себя! Ненавижу!

Что делать дальше? Как остановить это безумие? Надо подарить ему хоть немного счастья, нельзя, чтобы он страдал!

Я глубоко вздохнула и посмотрела в глаза моему герою.

— Тартен, я должна тебе кое-что рассказать.

Но меня прервал стук в дверь. Я вздрогнула, а Тартен пошел открывать. Когда он вернулся, я сохранила решимость рассказать ему правду до конца, но он молча протянул мне золотисто-красный конверт.

«После завтрака, верхний ярус, правая от центра башня. Приходи одна. Дариан».

Тартен сказал, что Дариан завтракает рано, поэтому мы сразу поспешили к назначенному месту. Тартен проводил меня до верхней ступеньки — дальше я должна была идти одна, и указал на башню, где жил Дариан. Я направилась вперед, но, сделав пару шагов, споткнулась.

Обернувшись, я заметила, что серые угольки глаз покинула привычная суровость.

— Он не будет тебя наказывать. Хотел бы — сделал это вчера. — Сказал Тартен.

Я кивнула, но ноги все равно не шли.

— Я подожду тебя. — Пообещал он. — А потом вместе придумаем, что делать.

Слова звучали искренне, но спокойней не стало. Чем поможет Тартен, если он обязан подчиняться высшему руководству? Да и зачем вообще я понадобилась выдуманному мною старому чиновнику?

Но куда деваться? Пока я отсюда не выбралась, нужно делать вид, что играю по правилам, а если сейчас послушаться Дариана, он запросто отправит меня обратно в темницу!

И я поплелась вперед. Седьмой уровень оказался меньшим, чем все нижние, но украшен был намного богаче: кованые золотистые перилла полупрозрачной дымкой окружали балкон, казалось, что прямо на них растут цветы, птицы и сказочные феи; пол был покрыт замысловатым мозаичным узором, состоявшим из малюсеньких камешков идеально округлой формы; сами башни были такого же сливочного цвета, как и остальные в Замке, но они ярче светились изнутри, будто каждая была новорожденной жемчужиной.

Завороженная, я не сразу поняла, что застыла на месте, и, опомнившись, подошла к башне Дариана.

Не успела я постучать, как он распахнул дверь.

— Входи! — велел чиновник, пропустил меня, и тут же снова заперся.

В прихожей Дариана витали ароматы ванильного мороженого и лимонной хлорки, почему-то они сразу напомнили о Лаборатории. Чиновник провел меня через такой же просторный холл, как и у Тартена, но дальше помещение переходило в одну круглую, во всю ширину башни, комнату. Вопреки масштабам его покоев и открытым окнам, здесь было душно; практически каждый участок комнаты был завален книгами, свитками и какими-то шкатулками, больше похожими на музейные артефакты; из-под хлама торчали верхушки скульптур и расписных ваз — по сравнению с этой, моя комната была идеально убранной! Сам Дариан сегодня расхаживал в потрепанном цветастом халате; видок у него был немного безумный — седые волосы всключены, он нервно пожевывал зубочистку.

Скомандовав мне оставаться на месте, чиновник протиснулся через горы хлама к окну, запер его и обернулся с выпученными глазами.

— Значит, ты Настя.

— Да, — неуверенно ответила я, хотя его интонация и не была вопросительной. Дариан, скорее утверждал это, будто подводя итог каким-то своим размышлениям.

— Кто тебя видел в Лаборатории? — помолчав, спросил он.

— Эээ... Меня сразу схватили, наверно, только охранники.

— Уверена?

— Не знаю, меня ударили и я потеряла сознание.

Дариан неотрывно глядел мне в глаза, не задавая вопросов, будто читая, все, о чем я думала; умные стариковские глаза напомнили о гипнотизирующих зеркальных волнах, от притяжения которых было невозможно оторваться.

Скидывая наваждение, я тряхнула головой.

— Как давно ты в Далетании?

Замерев, я уставилась на него. Послышалось?

— Простите?

— Да, я знаю, что ты не отсюда! Отвечай! — велел старик.

Не зная, что сказать, я отступила к окну, озираясь в поисках быстрого прохода через залежи хлама, если придется бежать. Но, опередив ход моих мыслей, Дариан подошел, заслонив путь.

— Ты была в белой комнате, так?

Я кивнула, боясь, его разозлить. В голове стучало: откуда он все знает?! Но опасная близость буйного старика была страшней!

— Потом прошла через портал и проникла в Лабораторию. — Продолжил он. — Тебя схватили, увезли и заперли в темнице.

— Да, но...

Прервав жестом вопрос, и ничего не объяснив, он повернулся к одному из захламленных столов.

— Где это было?

Дариан зарылся в бумагах, скидывая ненужные на пол; некоторые из старинных свитков были настолько легкие, что плавно разлетались по воздуху, заполняя комнату еще больше. Пораженная, я глядела на него во все глаза — может он поставил камеры или тайных шпионов рядом с порталом и от них узнал, что я проникла в Далетанию? Но что ему тогда нужно от меня?

— Нет! Не здесь! — вдруг закричал старик и, пулей пробежав мимо меня, скрылся в дальнем углу за проеденной молью ширмой.

По очертанию его фигуры я заметила, что он стягивает с себя халат. Я отошла еще дальше и уперлась в подоконник. Через пару секунд Дариан появился в чиновничьем облачении и, напяливая по пути парик, велел следовать за ним.

Догоняя Дариана, который, с прытью не свойственной его возрасту, бежал вниз по лестнице, я вытягивала шею, чтобы увидеть Тартена, но, вопреки обещанию, на этаже его не было. А что, если Дариан ведет туда, где Тартен не сможет меня найти? Заметив, что я отстаю, Дариан вернулся и схватив мою руку, потащил вниз. Вырваться было никакой возможности — сухая ладонь крепкими тисками тянула вниз; боясь свернуть голову, я могла только смотреть под ноги и бежать по мраморным ступенькам.

Дариан остановился только на четвертом уровне, отпустил меня и поспешил в библиотеку. Несмотря на страх, я восторженно вертела головой, пытаюсь объять всю прелесть многотомного богатства, которое покрывало стены и с потолка до пола, но Дариан двигался слишком быстро, и я последовала за ним, боясь потеряться среди книжного царства. Чиновник подошел к дальней стене и взял стремянку. К нему тут же подбежал слуга в светлой безликой одежде и услужливо предложил помощь, но Дариан отмахнулся.

Чиновник проворно поднялся метра на три над полом (до потолка осталось примерно столько же) и стал перебирать книги, бубня что-то под нос; я невольно зауважала его — сама я дома могла забраться только на третью-четвертую ступеньку стремянки, и то колени

начинали предательски дрожать. Выбрав нужную книгу, Дариан спустился вниз.

— Вот! — сунул он мне ее, и снова взяв меня за локоть, потащил в обратный путь.

Когда мы вновь оказались в захлавленной башне, Дариан заперся и заговорил:

— Настя, сейчас ты должна меня выслушать.

Дыхание чиновника сбилось после пробежки, его душила отдышка, но он не утратил прыти и продолжал пронизывать меня умным, но вместе с тем и каким-то одержимым взглядом. Мне не нравился его серьезный и одновременно торжественный тон; в груди зашевелилась паника.

— Ты здесь не просто так.

Я непонимающе качнула головой, но он не обратил внимание и продолжил:

— Портал, через который ты вошла в наш мир, в Лаборатории не случайно. Он создан для тебя. И все это время я ждал твоего прихода.

Дариан подавился и захрипел, откашливаясь. Глядя на него, я не могла понять, что он имеет в виду. Конечно, я здесь не случайно — я сама выбрала эту лазейку, чтобы следить за своими персонажами, но ему-то откуда это знать?

Не дождавшись реакции на свои слова, чиновник вырвал книгу и стал грубо перелистывать страницы. Найдя нужную, он издал боевой клич и сунул книгу мне под нос.

Посматривая на него и готовая в любой момент убежать, я расправила страницу и стала читать, обведенные карандашом строчки: «Времена тирана прервутся. пытки, жестокость, деспотизм будут остановлены. Не раньше, не позже конца времени тирана.»

И еще в начале другого абзаца: «Люди, пытки, деспотизм учености над человечеством, отравления и язвы.»

Закончив, я подняла глаза на Дариана. Предзнаменования вполне логичны, если учесть мятеж и революцию, которую вскоре должны были возглавить главные герои, с другой стороны, немного странно, что эти сведения уже содержатся в одной из книг Далетании. Впрочем, это не слишком важно, позже, оказавшись дома, я смогу как-то вплести это в сюжет. Но почему Дариан показал мне это? Ах да! Как же я сразу не догадалась! Это же очевидно — первый советник Властителя хочет остановить революцию, ведь ему не выгодно, если его сместят! Только, тогда, последний вопрос — как он догадался, что эти строчки имеют отношение ко мне?

Молча вырвав у меня книгу, Дариан перевернул еще несколько страниц и сунул ее обратно. Я прочла: «В день спокойного солнца, из стеклянного свода где свет и холод. В центре жилища зла, выйдет Избранная!»

В животе что-то крутанулось и к горлу подступила тошнота. Дариан смотрел на меня и, видно, ждал другой реакции. Я протерла лоб ладонью и отвернулась от него, сделав несколько шагов назад в комнату.

Ерунда! Игры больного воображения! Сама себя перемудрила!

Голова закружилась, я опустилась на какой-то стул; вниз с грохотом обрушилась стопка старинных фолиантов. Нет, пора это остановить — Далетания слишком затягивает меня — если так дальше пойдет, то скоро я начну верить, что не случайно попала сюда! Волшебная игра моего мозга слишком затянулась!

Я глубоко вздохнула. Дариан по-прежнему пристально за мной наблюдал.

— Что вы хотите от меня? — тихо спросила я.

Не смотря на волнение, старый чиновник выдавил из себя отеческую улыбку.

— Ты поможешь нам, Настя, — уверенно сказал он. — Ты поможешь нам избавиться от

гнета власти.

Прекрасно!

— Дариан, понимаете, я случайно попала сюда, я не хотела, я просто нафантазировала и...

— Нет. Я ждал именно тебя. Все совпадает.

Я хохотнула — получилось как-то неровно и дико.

— Это, — я беспомощно развела руками, — не по-настоящему. — Я схватила подвернувшейся под руку листок и тыкнула туда пальцем. — Понимайте, я сочинила вас и Далетанию, а потом заснула и оказалась здесь! А сейчас, я просто сплю!

В моем голосе зазвучала истерика; рядом со старым чиновником, от которого исходила непрошибаемая уверенность, я казалась капризным ребенком, который не хочет признавать очевидные вещи.

Дариан стоял, не шелохнувшись; он слушал меня, но пропускал слова, как сквозь сито, ожидая, пока я смирюсь.

Это меня разозлило! Истерика внезапно сменилась яростью. Даже не разбираясь, чем она вызвана, мне захотелось сломать что-нибудь или треснуть Дариана по голове! Он что совсем не слышит, что я говорю?

Вскочив на ноги, я топнула ногой и с полок посыпались свертки и книги.

— Спасибо, что вы спасли меня, но я не собираюсь ничего делать!

Я понимала, что со стороны смотрюсь как взбалмошная девица, но ярость вцепилась в меня когтями — навалилось все сразу: ноющая челюсть от удара киборга, ночь, проведенная в грязной конуре, синяки после допроса Тартена. Чтобы не совершить глупостей, я ринулась к двери, но Дариан вновь преградил путь.

— Тебе не избежать, того, что предначертано. — Спокойно сказал он.

И тут, совершенно не думая, я подпрыгнула к нему и схватила чиновника за грудки! На меня полыхнуло ванильно-больничным ароматом.

Дариан, не меняя противно-понимающего выражения лица, и нисколько не удивляясь, взял меня за руки и усадил обратно.

— Кто бы ты ни была и где бы ты ни жила до сих пор, — медленно произнес он, — не имеет ни малейшего значения. Ты Избранная. Это твоя роль и ты должна ее исполнить.

Я бежала. Вниз, наружу, быстрее, скорее, вон отсюда! Оказавшись в конце лестницы, я выскочила на улицу и понеслась дальше. Люди, кривые удивленные гримасы, зонтики, трава, деревья, запахи, все смешалось. Выдумка! Сказка! Только ноги подо мной реальные, сейчас я убегу и все кончиться! Я бежала без продыху, пока не упала без сил прямо на траву и глаза не заслонили глупые слезы.

Когда сзади раздался режущий воздух рев, я вздрогнула, но не обернулась. Плеча коснулось что-то тяжелое, но тут же отшатнулось обратно.

— Что случилось?

Мой герой, — горько хмыкнула я, — надежный, как гора, но даже он не в силах мне помочь.

Мысли путались. Я пыталась вспомнить, как проникала в этот мир до зеркала, как делала первые наброски сцен, пейзажей, но все смешалось в кучу. Я запуталась! Кому теперь верить?!

Хочу домой, к маме! Пожалуйста!

— Эй, он тебя обидел?!

Тартен снова коснулся плеча и на этот раз хорошенько меня встряхнул, пришлось повернуться, пока он не наставил новых синяков. Я почесала кулаками глаза, как маленькая, и равнодушно уставилась перед собой. Мы сидели в саду, на какой-то уединенной полянке; стайка золотистых попугайчиков наблюдала за нами, но подлететь ближе птички не решались.

Я отрицательно покачала головой.

— Все нормально.

Ведь дура! Я мечтала о Далетании, и сама пролезла в портал! Ведь никто шваброй меня не столкнул, а могла бы просто стоять и смотреть! Так нет! Пустоголовая идиотка!

Но что теперь делать? Ответ один — вернуться к порталу, где он находится я знаю, а остальное можно как-то решить. В любом случае, этот вариант лучше, чем стать Избранной главой революции! Я не собираюсь становиться пешкой Дариана, чего бы он не напридумывал! Даже думать об этом не собираюсь! Пусть Мия горбатится, даром ей столько нарядов досталось что ли?!

Вскочив на ноги, я заходила из стороны в сторону, соображая, как проникнуть в Лабораторию.

— Тартен, сколько дней до твоей свадьбы? — спросила я.

— Четыре, — удивленно ответил он.

Значит, у малиновой «блондинки» еще четыре желания... Таак... Она же хотела познакомиться с друзьями Тартена? А я якобы его бывшая соседка... почему бы ей не сделать мне подарочек? Ну, пусть не мне, — поправила я себя, — она-то будет думать, что это подарочек для нее. Нужно только подвести ее к этой мысли!

Ага! Я щелкнула себя по голове — варит еще!

— Тартен, я хочу увидеть Мию. Я помогу вам с подготовкой. Ты не против, надеюсь? — невинно хлопая ресницами, спросила я.

— Не раньше, чем расскажешь, чего хотел Дариан.

Черт, забыла! Он же не переносит неискренности и когда им так открыто манипулируют.

Я вздохнула.

— Хочешь еще вранья? — спросила я напрямую.

Зуб даю на отсечение, что он улыбнулся!

Моя ярость вдруг испарилась, и я игриво ему подмигнула.

— Нет, ну может правда хочешь! Я не возражаю! — продолжала сдаваться я. — Я сочиню тебе целую библиотеку и не надо будет читать глупых манифестов!

Я улыбнулась и подошла к нему почти вплотную; чтобы увидеть серые глаза, пришлось запрокинуть голову.

— Мне нужно сделать кое-то, но что это, я не могу рассказать. Хочешь помогай, хочешь нет, — выложила карты я и, всмотрелась в жидкую сталь со всей нежностью, которую испытывала к нему, а затем прошептала: — Я очень хочу, чтобы ты мне помог, просто знай это.

После этого я отвернулась и отправилась обратно к замку.

Часть 1. Глава 5

Нет, догонять он меня не стал. Хотела бы мягкотелого Главного Героя — сделала бы его таким. Только когда я, наконец, дотопала до Замка, он снова подлетел ко мне и, опустившись на землю, сообщил решение:

— Помогать я тебе не буду (кто бы сомневался!). Но и мешать не стану, хотя следовало бы — полагаю, ты задумала что-то противозаконное.

Он не спрашивал, а утверждал, поэтому я промолчала.

— Можешь пока остаться у меня. — Великодушно предложил он.

— Здорово, спасибо!

А вот это просто отлично! Не хотелось бы ночевать где-то в саду или проситься к Дариану... брррр! Одна мысль пугала!

Я кивнула, и мы направились в столовую (в животе урчало, сейчас наброшусь на еду как настоящая трущобница!). Хорошо, что я догадалась сказать, что я его соседка, может поэтому он мне хоть чуть-чуть доверяет!

— Кстати, тебя действительно зовут Настя?

— Да, — пожала плечами я.

Он фыркнул, повторив мое имя и сообщил, что оно какое-то странное. (Какой-то он веселый сегодня, может от приближающейся свадьбы?) Я хотела пихнуть его в бок, но вовремя остановилась — не хватало еще сломать о броню костяшки пальцев. Ограничилась тем, что состроила ему рожицу и первая ринулась к стойке с едой.

После завтрака Тартен отправился к озеру — проверять границы и отчитывать стражников, дежуривших в день, когда я якобы пробралась в Лабораторию. Это был приказ Алехиса, хотя и Тартен и я знали, что стражники ни при чем. Мне было очень совестно, но не признаваться же как я на самом деле сюда проникла?! Тартен сказал, что вернется к обеду — неделю перед свадьбой ни мужчины, ни женщины не работали, и я решила сразу приступить к выполнению своего плана!

Прежде всего нужно было найти Мию. Где может находиться прекрасная невеста, занимающаяся свадебными хлопотами? Ни секунды не сомневаясь, я направились в салон красоты. Чтобы не выделяться из толпы, с утра, еще до визита к Дариану, я снова напялила вчерашний сарафан и даже немного подкрасилась — не настолько ярко, чтобы на меня обращали внимания, но так, чтобы не отличаться слишком естественным цветом лица.

Я поднялась на пятый этаж (ноги я точно скоро накачаю!), обогнула башню Тартена и направившись напрямик по алее. Местных жителей — элиты и правительства — почти не было. Слишком рано для них? — подумала я, но тут же вспомнила, что Тартен упоминал, что Дариан завтракает рано. Кстати, последнего неплохо бы избегать — встречаться с ним я больше не намерена. Пройдя по алее, я подошла к сверкающему салону. Как бы так быстро проскочить в комнату невесты? Несколько минут я топталась на месте, а, когда из дверей вышла разукрашенная, облитая духами, посетительница, быстро прошмыгнула в проход, согнувшись пополам, чтобы меня не было видно за ее платьем. Толкнув маленькую дверцу, я влетела в комнату Мии.

Ура, она здесь!

Главной героине красили ногти.

— Здравствуй, красавица! — затараторила я, прежде чем Мия или сотрудница салона успели охнуть от неожиданности. — Я так хотела тебя застать! Помочь выбрать тебе платье? Хотя ты и так хороша во всем!

Выпалив сладко-льстивый спитч, я глупо захлопала ресницами и растянула рот в самой ослепительной улыбке.

— Настя? — удивилась Мия. — Не ожидала тебя...

— Да! — вздохнула я и присела рядом. — Тартен ушел на службу, а мне скучно! — доверительно сообщила я. — Надеюсь, я тебе не помешаю?

Какая же никудышная из меня актриса! Если уж Мия не ведется на мой спектакль, то пора идти сдаваться к Дариану...

— Помешаешь? Вовсе нет! — наконец ответила Мия.

Боже, спасибо!

— Я помогу, обещаю! — уже искренней ответила я.

Мне вдруг стало жаль Главную героиню. Я доверила ей в сюжете огромную роль, а что, если она мечтала о другом? Для нее я — это противный-всезнающий Дариан, только она, бедняжка, не может отказать напрямую или сбежать от своих обязанностей, как собираюсь сделать я...

Когда с маникюром было покончено, Мия стала показывать свои наряды, а я помогать подбирать к ним украшения — с исполнением плана спешить не стоило, вначале нужно завоевать доверие.

Пока я возилась с ней, я думала о черновиках, и вообще о процессе создания сюжета. Вспомнилось, как я пыталась соединить Мию и Тартена: «случайное» знакомство, когда ее карета сломалась прямо перед мостом, встречи, разговоры, которые я так и записала — «встречи и разговоры», не мудрствуя особо над развитием их романтической истории, и свадьба. Не помню даже, писала ли я, как Тартен делал предложение...

Краем глаза я наблюдала за Мией, которая с неподдельным восторгом перебирала ткань нарядов. Наверно, это жестоко, но мне было практически все равно кто она, ее детство, да я даже имя не стала ей подбирать! Можно, конечно, списать на то, что я еще не успела проработать сюжет, но... зачем врать самой себе? Вся их история — это Тартен, его судьба, его боль и его жизнь, а Мия — только пристройка, винтик, который должен повернуть его в нужную сторону.

И Главной героине пришлось самой выходить из положения. Я дала ей отправную точку — она из богатой семьи, красавица и умница, всеобщая любимица, а дальше она... жила. Готовилась к свадьбе, обустроивала их с Тартеном гнездышко... А о чем она мечтала? Чего хотела добиться в жизни?

Мия показала мне очередной вариант макияжа, и я вымучила улыбку. Чтобы не говорил там Дариан, самое жестокое существо в Далетании — это я.

— Что-то ты загрустила, — заметила Мия.

Я тряхнула головой и присела за столик; наши лица оказались в одном зеркале: ее — красивое, холеное, покрытое толстым слоем грима, но только подчеркивающее природную красоту и мое — бледное, осунувшееся за дни заключения и с обидчивым выражением.

— Задумалась, — неопределенно буркнула я.

Пора было переходить к осуществлению плана, хотя я ненавидела себя за то, что придется манипулировать!

— Когда-нибудь мы постареем, наши лица покроются морщинами и пятнами...

Мия ахнула и уставилась на меня, но я продолжала изображать озабоченность.

— Ну правда! Вот сейчас все так аккуратно, — я потрогала руками губы и провела пальцами по скулам, — а сколько еще это продлится?

— А я дам тебе рецепт очень любопытных масочек, — пообещала Мия и чмокнула меня в щеку (от нее пахло сладкой смесью цветов), — только не плачь!

Это вряд ли, хотя пару раз для дела всхлипнуть могу!

Я вздохнула и снова насупилась.

— А вот бы вечно оставаться молодой! — мечтательно произнесла я. — Слышала, в Лаборатории создали какую-то сыворотку?

— Правда?

— Ох, даже не знаю, — якобы пытаюсь вспомнить, наморщила лоб я. — Тогда, после суда, вроде, кто-то из чиновников говорил об этом.

Мия восторженно и недоверчиво смотрела на меня, я решила не перегибать палку раньше времени.

— Но, может, мне показалось! Я тогда так нервничала! — сказала я и предложила немного прогуляться, чтобы наша кожа не пересушилась от отсутствия свежего воздуха.

К черту жалость! — думала я, когда мы спустились к выходу из Замка и направились к садам. — Вот, попаду домой и все переделаю, а сейчас проигрывать нельзя. Чего бы это не стоило!

Как только мы подошли к первым деревьям, нас тут же восторженно облепили крохотные живые солнечные зайчики! Пушистые создания нежно чмокали нас в щеки и склоняли головы, чтобы мы погладили их ушки. Мия ласково улыбалась и нежила их в объятиях. Я баловалась вместе с ней; ни о чем серьезном не хотелось думать — я ведь находилась в колыбели сказочного мира! Мы гуляли по теплым полянкам с хрустящей под ногами травкой, на ноги нам забирались разноцветные жучки, мурлычущие, как кошки — они были вовсе не противные, как в жизни, и я даже осмелилась гладить их, от чего у жучков поднималась дыбом еле заметная шерстка и они зажигались золотистым светом! Мия смеялась надо мной — она выросла в этих садах и ко всему давно привыкла! Скинув обувь, мы сели на горбатый мостик над одним из розоватых ручейков и опустили ноги в прохладную воду. Тут же из глубины к нам приплыли такие же рыбки, что были в ванной, и стали щекотать нас за пятки!

Я ликовала: вот Далетания, которую я придумала! Тут все мое и даже лучше! Жаль, что так не может продолжаться постоянно!

Мия вернула меня к действительности:

— Ах, у меня еще целых четыре желания! — грациозно вздохнула она.

— Разве не здорово?!

Мия пожала плечами; в красивых, идеально вычерченных глазах проскользнула грусть. Вот он — идеальный момент для осуществления плана, но что-то меня останавливало.

— Мия, что-то случилось? — спросила я, прикусив язык. — Почему ты не рада?

Главная героиня взглянула на меня и ее губы дрогнули.

— Не знаю, как... это сложно... — пробормотала она и боязливо оглянулась. — По-моему, я схожу с ума!

Мия закрыла лицо руками; тонкие плечики затряслись от рыданий.

— Мия, Миичка! — я обняла ее, пытаюсь успокоить. — Я уверена это не так!

Когда Главная героиня немного успокоилась, она тихонько зашептала мне на ухо:

— Все началось, когда мы с Тартеном решили пожениться. Не подумай... — Мия виновато посмотрела на меня, — я очень его люблю! Я рада, что все именно так произошло! Я стала готовиться — наряды и остальное, но, когда пришло время загадывать желания, я будто стала слышать какие-то голоса!

Что она несет?!

— Я с детства мечтала о свадьбе, — продолжала Мия. — Продумывала каждую подробность! А тут, мне будто кто-то нашептывает, что нужно загадывать — я борюсь с этим, но становится только хуже! Мне почему-то хочется чего-то нехорошего... И это очень пугает!

— Ясно, — вздохнула я и оторвала руки от Мии.

И здесь я нашкодила!

Вытягивать остальное я не стала и так было понятно, что Мия имеет в виду. Революция! Свержение правительства! Нет, Настена, если ты дальше будешь так писать, великим писателем тебе быть не скоро: не заставит героя делать что-то вопреки его желанию, хоть ты тресни! Вот бедная Мия и мучается!

Главная героиня смотрела на меня в ожидании приговора.

— А сама-то ты что хочешь? — спросила я.

Она задумалась, а потом выпалила на одном дыхании и густо покраснела:

— Я хочу, чтобы все было волшебным!

Как я ее понимала!

Мы еще немного поболтали. К разговору о желаниях возвращаться не стали — что посоветовать, я не знала, а Мия была слишком смущена, чтобы продолжать исповедь. Пусть все идет своим чередом, — решила я, — раз она Главная героиня, то пусть сама борется, ведь если поломать сюжет сейчас, то что будет? Даже представить страшно, если она не загадает нужные желания!

Неожиданно за нашими спинами раздался рев и к нам подлетел Тартен. Кивнув мне, он нежно приветствовал невесту и напомнил, что им пора поговорить о четвертом желании. Поймав неуверенный взгляд Мии, я пожала плечами — а что я могу?

Тартен увел Мию на свидание в Замок, а я осталась сидеть одна на мосту.

Отмахнувшись от льстивых пушистиком, я высунула ноги из мерзкой розовой лужи. С места не сдвинулась, пока все не станет хорошо!

Уйти пришлось — приставучие насекомые и солнечные зайчики, видно, решили разом придушить меня в объятьях! Растолкав сказочных существ, я приглядела удобное дерево и забралась на него. Густая зеленая крона укрыла от посторонних глаз, ласково охраняя мой покой душистым одеялом — самое время сосредоточиться и прикинуть, что делать дальше!

Но решение не приходило; вместо этого я неотрывно глядела на Замок — несмотря на то, что я провела в нем уже несколько дней, лиловый «торт» до сих пор казался сказочным видением! Замок был построен из какого-то глянцевого камня, который излучал невероятный блеск, эту картину дополняли окна, многие из которых были покрыты замысловатыми витражными узорами, из-за чего издали казались распустившимися цветами; всего в «торте» было восемь круглых коржей-этажей, — третий, пятый и седьмой украшали башни, а восьмым уровнем была водонапорная башня, вершину которой венчал золотистый флигель; на самом широком, нижнем уровне располагались резные ворота и огромные деревянные двери за ними — это был главный вход в Замок, по обе стороны от которого шли ряды розовато-белоснежных колонн. И везде — между колоннами, по аллеям на этажах, да и просто в саду, прямо перед моими глазами, гуляли персонажи!

В моих черновиках про них было мало сведений (для краткости я прозвала их «элитниками») — просто богатенькие людишки, которые живут и веселятся, не задумываясь ни о чем сложном. Но я наблюдала за целыми семьями отдыхающих, которые шутили, что-то обсуждали, мечтали; у них были отношения и свои интересы — для жизни им не нужен был автор, они развивались сами по себе.

Обидно, — получается, что в Далетании я всего лишь зритель, а не вершитель судеб, как мне казалось! Но с другой стороны, перед моими глазами прогуливались создания, в которых я вдохнула жизнь! Один из них даже назвал меня Избранной!

Я фыркнула. У Дариана, конечно, была другая точка зрения, но я ведь знала правду!

Кстати, что-то он не ищет меня. Раз я Избранная, почему он не бежит сзади и не пытается склонить к революции? Впрочем, вполне возможно, что он манипулирует мной, как я Мией, только я пока не разгадала весь его план. В любом случае, искать встречи с ним точно не стоит!

Выкинув из головы мысли о Дариане, я укуталась в мягкую листву и закрыла глаза. Как бы не была прекрасна Далетания, я во что бы то ни стало должна придумать способ выбраться отсюда, не могу же я провести здесь всю жизнь! Тем более Тартен скоро женится, а глядеть на это мне что-то совсем не хочется...

Не знаю, сколько я проспала, но, когда очнулась, в саду уже была кромешная тьма. Дерево, на котором я устроилась, словно заснуло — ствол похолодел, трепет листьев прекратился. В пустом, темном саду я была совершенно одна!

И что теперь делать? Бежать в Замок или провести ночь здесь?

Никаких хищников или вообще каких-либо вредителей в элитных садах я не сочиняла, но власть над сюжетом я утратила, как только оказалась в Далетании!

Я задрожала. Ни сколько от страха (в чем очень не хотелось признаваться), сколько от леденеющего дерева, которое, будто отталкивало своим нерадушием. Как же тихо вокруг!

Но, может, это к лучшему?!

Сквозь листья вдали мерцали огни — наверное, это киборги освещали охраняемые просторы. Ближняя стена, которая окружала Замок и прилегающий сад, стояла примерно в километре от меня. А что, если стражники патрулируют земли по ночам? Нет! Нельзя здесь оставаться!

Приобняв ствол, я, как можно тише, слезла на землю и огляделась. Замок был в несколько раз ближе, чем стена — если идти по прямой, я буду там минут через десять, а, если бежать, правда, норовя при этом, врезаться во что-нибудь и гробануться, то через все пять-шесть!

Пугливо осмотревшись, я медленно отошла от дерева и на всех парах поскакала вперед! Побег осложнялся тем, что много времени тратилось на обход деревьев и кустов — слишком подозрительно они чернели в полумраке. Хоть бы один солнечный зайчик подвернулся под руку — я бы спокойно осветила им путь! Но все красавцы-льстецы спали.

Вдруг, впереди показалось движение, и я замерла. Охрана! Естественно замок окружен защитой, особенно по ночам! Я огляделась в поисках укрытия и, когда движение повторилось, молнией ринулась в ближайшие кусты! Перецарапавшись о колючки и острые ветки, я упала на колени и перестала дышать.

Несколько секунд звенящей тишины и:

— Настя!

Это был голос Тартена!

Неужели первая удача за день!

Со всхлипом, я вывалилась из кустов и бросилась ему навстречу.

— Мне было так страшно! — хныкала я, топая к нему. — Я заснула на дереве, а все ушли! Я осталась совсем одна!

В темноте глаза киборга мерцали, как огоньки на стене. Я подошла к нему совсем близко и, не в праве дотронуться до брони, просто стояла и счастливо улыбалась своему спасителю!

— Пойдем, — вздохнув, напомнил Тартен, и легонько подтолкнул меня к замку.

Почему-то мне показалось, что он испытывал похожую нерешительность.

Конечно, сад уже не казался страшным! Я спешила за Тартеном, приноровясь к его широким шагам. После суда было также спокойно — все опасности позади и мой герой рядом! Только, надеюсь, когда мы поднимемся в башню, Тартен не будет снова пытаться!

— Как Мия? — спросила я.

— Грустит. — Подумав, ответил Тартен.

Пожалуй, меньше всего я хотела говорить о его невесте, но как же хотелось слышать его голос!

— Это из-за волнения, — без задней мысли, пробормотала я. — Свадьба — дело серьезное!

Тартен остановился и уставился на меня. И тут я поняла, что он снова поймал меня на вранье! Я пугливо замерла рядом с ним.

— Что вы делали сегодня днем, о чем говорили? — жестко спросил он.

В темноте его бронь казалась в несколько раз больше, он нависал надо мной горой.

— Я помогала ей подбирать наряды и украшения...

Тартен молча ждал продолжения. Как же он меня бесит! Этот киборг без допросов и пыток жить вообще не умеет?!

— Я расписывала ей прелести Лаборатории, что там делают омоложение и хотела, чтобы она загадала желание туда попасть и взяла меня с собой! — выплюнула я на одном дыхании и, скрипнув зубами, понеслась к Замку.

Тартен догнал меня в три шага. Я пихнула его в грудь, но, ойкнув от удара по брони, сверкнула глазами и, обогнув его, побежала дальше. Тартен вновь преградил мне дорогу и на этот раз растянул руки в стороны, чтобы я не смогла убежать.

— Что еще?! — зашипела я.

— Мия ни слова не говорила про Лабораторию.

— Тогда это уже ваши личные дела! Меня это не касается!

— Я так не думаю.

Мы мерили друг друга колючими взглядами.

Тартен опустил руки, но я не сдвинулась с места — до дикости надоели эти ссоры! Пусть говорит все, что думает! Сейчас! И к черту все!

Внезапно с юга, где находилась Лаборатория, послышался грохот и, на краткий миг, ночное небо осветилось яркими вспышками. Мгновение спустя, со стороны Замка раздался шум, тяжелые деревянные двери распахнулись и из них строем выдвинулись десятка два киборгов!

Охнув, я согнулась напополам и юркнула за спину Тартена.

— Что это?

— Не знаю, но такой же свет в день, когда ты появилась... Быстро, хватайся! — Вдруг велел он.

Я не поняла, за что братья, пока Тартен не сунул мне в руки металлический штырь, который оттянул от своей спины.

— Нет! — замотала я головой, поняв, что он хочет сделать, но было уже поздно!

Как только я дотронулась до штыря, руку сжал наручник и Тартен быстрым движением, сделал то же со второй. Из-под его ног выскользнула небольшая площадка.

— Вставай на нее! — приказал Тартен.

Выхода не было, и я подчинилась. Как только Тартен зафиксировал мои ноги еще одним креплением, мы тут же взлетели!

Если бы я могла дышать, то закричала бы во все горло, но мы мгновенно оторвались от земли без всякого набора скорости, будто пробка от шампанского! Ровно вверх, а затем резко в сторону, направившись напрямик к Замку. В голове пулеметом стреляла мысль: как не хочется умирать!

Ладони вспотели; каждый миг я ожидала, что вот сейчас упаду! Но наручники крепко стискивали запястья; ступенька под ногами вибрировала от сопротивления воздуха, я была уверена, что она сейчас развалиться! Какой там пейзаж — я трясась крупной дрожью и единственным желанием было, чтобы все кончилось быстрее!

Посадка получилась такой же резкой, как и взлет: Тартен остановился над балконом пятого яруса и, без малейших маневрирований, опустился на пол. Как только оковы спали, я отшатнулась от его спины и, упершись в ближайшую стену, сползла на пол.

К горлу подступила тошнота, голова раскалывалась и из глаз сыпались искры. Не знаю, плакала ли я, но в эту секунду я чувствовала себя маленькой, потерявшейся девчонкой, самое большое желание которой — прижаться к маме и чтобы этот жуткий кошмар наконец кончился!

Тартен присел рядом и склонился, заглядывая мне в лицо.

— Прости. — Сказал он.

Я произнесла что-то неразборчивое и махнула рукой — меньше всего нужны его извинения. После допросов, недоверия, злости! Не лучше ли мне остаться одной? Тартен не мой герой, я снова ошиблась!

Я отвернулась и встала, опираясь на стену.

— Мне нужно проверить, что там случилось. — Сказал Тартен и кивнул на Лабораторию.

Конечно! Он же может туда долететь за пару часов! Ему не нужно придумывать разные ухищрения для этого!

— Дождешься меня?

В его голосе послышалась неуверенность. Но меня это не тронуло, я не могла сейчас думать о чем-то, что кроме спасения своей жизни всеми доступными способами!

Но, скрипнув зубами, я кивнула. А куда деваться? Его помощь все равно рано или поздно понадобится.

— Мне действительно жаль. — Сказал он.

И сделал то, чего я никак не ожидала — провел рукой по моим волосам! Я подняла на него удивленный взгляд, но Тартен уже взлетел.

Я во все глаза пялилась в небо, пока не потеряла его фигуру на темном небосклоне.

Я проснулась на кровати, хотя ясно помнила, что после полета зашла в башню и уселась у дверей. Ночью я слишком устала, чтобы что-то предпринимать и думать, поэтому решила дожидаться Тартена и выяснить, что твориться, во что бы не стало! И еще, после того, как он улетел, мне стало вдруг так одиноко, будто оторвали мою главную часть и похитили то, без чего жизнь невозможна.

Все до такой степени смешалось и запуталось, что я не знала, как действовать дальше! Раньше был сюжет, смысл, а что теперь? Кто я сейчас? Избранная, героиня или пешка в чужих играх? И когда я попаду домой? Что мне теперь делать?

Я стянула жаркое покрывало и приподнялась на локтях — тело ныло от боли, видно, виной тому переизбыток вчерашнего адреналина; запястья обвивали новые синяки.

— Размазня. — Тихо, но четко сказала я вслух, чтобы смысл проник в мозг. — Трусливая, лживая, ни на что не способная.

В дверь постучали. Пугливо охнув, я рывком подтянула покрывало обратно и укрылась по горло.

— Войдите, — хрипло сказала я.

Тартен распахнул дверь и медленно подошел к кровати. До меня вдруг дошло, что это он, скорее всего, перенес меня сюда, и я нервно сглотнула.

— Здравствуй, Настя.

— Ага! Привет! — кивнула я.

— Напугалась вчера?

И что же ответить? Вчера мне сказали, что я Избранная, потом я поняла, что вернуться домой будет ох как не просто, потом я пробиралась через жутко темный сад, потом он меня снова пытал, следом раздались молнии и жуткие киборги куда-то побежали, а потом мы без предупреждения взлетели на несколько десятков метров и он погладил меня по голове...

— Да. — Ответила я.

Тартен помолчал. Разговор явно шел не в том русле, которое он наметил. А чего он хотел? «Не хочешь вранья, терпи меня настоящую!» — хотела прокричать я, но вовремя остановилась.

— Настя, — наконец собрался с мыслями Тартен, — я ведь о тебе ничего не знаю. То есть, совершенно ничего правдивого. В то же время, я понимаю, что ты знаешь обо мне если не все, то очень многое. Можешь представить, как тяжело мне с тобой общаться?

Я знала... Хоть я и не была на его месте, но я знала этого мальчишку с детства и понимала, насколько тяжело дались ему произнесенные слова. Брошенному, одинокому мальчишке, которого отравили кислотой и вырвали из материнских рук, у которого не было большего богатства в жизни, чем старая щербатая пуговица.

— Да.

Прибавить было нечего. Мы молча смотрели в глаза друг другу и будто передавали что-то без помощи слов. Я ловила приглушенный звук дыхания Тартена, каждый вдох-выдох причинял сердцу боль.

— Пойдем завтракать? — наконец спросил он.

— Да, — в третий раз ответила я.

Тартен нашел столик у окна. Мы сели одновременно, только я тихонько примостилась на деревянном стуле, который взяла у соседнего столика, а броня Тартена тяжело скрежетнула и слилась с сиденьем металлическими штырями.

Избегая смотреть на Тартена, я взяла стакан с водой и уставилась в окно; пышный зеленый пейзаж становился привычным.

— У тебя дома есть окна? — спросил он.

Подходящий вопрос, особенно учитывая то, что мой дом теперь его башня!

— Да, — ответила я, продолжая пялиться на нарядных людишек, отдыхающих на солнышке. — Только вид другой.

Тартен взял кружку с трубочкой, но я продолжала чувствовать на себе вопросительный взгляд.

— Я живу на третьем этаже, — пробормотала я. — Перед домом старая детская площадка и несколько деревьев, а еще к нам на подоконник иногда прилетают голуби и выпрашивают еду.

Вспомнился последний вечер дома, как я брала продукты из холодильника, готовила бутерброды — все так естественно, обыденно; мамина записка, о том, что они с отцом поздно придут из гостей...

К горлу подкатил комок.

— О чем ты подумала?

— Вспомнила маму, — пояснила я и влила в себя остатки воды.

— Какая она?

— Никогда не думала об этом, — призналась я. — Ласковая, добрая, иногда навязчивая, ну, слишком заботливая что ли... Вы с ней немного похожи, — вдруг пришло мне на ум, — она тоже чувствует, когда я вру!

Тартен засмеялся. Вот бы увидеть его улыбку, хоть одним глазком!

— А она знает, где ты находишься?

Сжавшись в комок, я представила, как нервничает мама, если этот дурацкий сон продолжается больше одной ночи. А вдруг в реальности прошло больше времени? Столько всего произошло, что я и не думала о том, как теперь мои родные. Только эгоистично хотела прижаться к материнскому сердцу, а на большее меня не хватило!

— Я не знаю, что происходит дома.

— И единственный способ попасть туда лежит через Лабораторию?

— Да.

Тартен взял второй стакан, сунул туда трубочку и надолго замолчал. Без движения он напоминал крутого персонажа из комиксов, искусно воспроизведенного в полный рост.

— Будь осторожна с Дарианом. — Сказал Тартен.

Догадавшись, о чем он думает, я кивнула.

— Вы были знакомы до суда?

— Нет, — ответила я. — Меня самую удивило, что там произошло.

Тартен нахмурил взгляд, казалось, он сканирует мое лицо и пытается понять, правдивы ли слова.

— Из всех чиновников он самый скользкий. — Наконец, сказал он. — Очень плохо, что ты у него в должниках. Не верь ему! — добавил он.

— Знаю. — Серьезно ответила я. — Если обращусь к Дариану — это будет самый

крайний случай.

— Кстати, Дариан больше всех остальных связан с Лабораторией, — помолчав, заметил Тартен. — Он часто ездит через мой пост.

Вот так дела! Хотя, можно было бы и самой догадаться — если Дариан знал о портале, у него должен быть допуск в самые секретные помещения Лаборатории... Только странно, — если в Лаборатории он свой, почему он сам не развалит ее? Ведь власть практически в его руках — он первый советник и может возглавить мятеж!

Задумавшись, я не сразу поняла, что смотрю прямоком на Дариана — чиновник стоял в дверях столовой, в полном величественном облачении, и оглядывал помещение.

Без лишних размышлений, я сползла со стула и юркнула под стол. Через секунду на подоконнике появился мой поднос с едой — Тартен, еще даже не поняв причину моего исчезновения, пытался спрятать следы моего присутствия. Я схватила поднос и сунула его себе под ноги.

Пара секунд звенящей тишины, и к столу приблизилась алая мантия, расшитая золотой нитью и драгоценными камнями. С металлическим скрежетом встал Тартен, приветствуя чиновника, а затем раздался величественный баритон:

— Настя? — и Дариан нетерпеливо щелкнул по столу.

Вынужденно я вылезла из укрытия.

— Здравствуйте, Дариан! — сказала я, не зная, как правильно приветствовать его, да и что стараться, если вчера я орала на него и вцепилась ему в грудки?

— Здравствуй. Что делаешь после завтрака?

Я нервно переглянулась с Тартеном, но тот ничем не мог помочь и бесстрастно глядел перед собой. Видно, без прямого приказа он не имел права говорить в присутствии первого советника.

— Ничего, — призналась я.

— Тогда зайди ко мне. — Сказал-приказал Дариан и добавил, намного тише, чем следовало на таком расстоянии. — Это важно.

Кивнув в ответ на поклон Тартена, он ушел.

Я упала на стул и обхватила себя руками. Куда сбежать? Куда спрятаться?

Тартен проводил меня до жилища Дариана. Расставшись с ним на пороге, я постучалась.

— Входи! — тут же велел Дариан.

Толкнув дверь, я проскользнула внутрь. Чиновник ждал меня в комнате, на нем все еще висело богатое облачение, но напудренный парик он снял, без него клочки полуседых волос на его круглой голове, торчащие в стороны, напоминали намокший от росы одуванчик.

— Времени остается все меньше, — заявил он. — Ты должна быстрее решать.

Я хотела возразить, но он предостерегающе поднял ладонь.

— Алехис что-то задумал... Видела, что произошло ночью над Лабораторией?

Я вспомнила молнии и кивнула. (Черт, я же забыла спросить об этом Тартена, а он же туда улетал!)

— Так вот, а я не видел! И Алехис без моего ведома отправил туда два отряда киборгов. А когда они вернулись, то привезли что-то оттуда!

Дариан махнул кулаком и заходил из стороны в сторону. Я не могла понять, как его сопернические отношения со вторым советником могут касаться меня.

— Все утро он ухмыляется... — продолжал Дариан, — он точно что-то задумал!

— А что... — начала я, но чиновник снова меня перебил:

— Точно такая же молния, как описали мне слуги, когда я проснулся, была в ту ночь, когда ты появилась! (Да, это мне говорил Тартен) Теперь понимаешь? Сюда еще кто-то проник!

Меня запершило. Даже, если он прав, как это возможно? В мой сон? В мою книгу? Кто мог меня здесь найти? Разве что из какого-то третьего мира прилетел какой-то безумный спасательный отряд!

А что, если это не проникновение? Может быть портал сломался? Его заклинило и случилось замыкание или что-то вроде того? Но как я тогда попаду домой?

— Что же теперь делать? — бессильно спросила я.

Дариан вырыл из кучи хлама парик и напялил его на голову.

— Ждать. — Сухо сказал он. — Заседание вечером, там будет Олегдаран, там все и выяснится.

Он заспешил к дверям.

— Подождите! — остановила я его, но не зная, что хочу сказать, просто испуганно смотрела на него.

— Пока не выяснится, что там произошло, я не могу действовать дальше, — уже мягче заметил Дариан.

— А почему... Почему вы сами не возглавите революцию, — вырвалось у меня. — У вас же есть власть! Вы можете проникнуть в Лабораторию!

— Влааасть... — медленно проговорил Дариан, будто запоминая это слово, знакомясь с ним, и посмотрел мне в глаза долгим усталым взглядом. — Думаешь у меня ее так много?

Чиновник стоял передо мной в своем расфуфыренном наряде и парике, но сквозь все это я видела измученного интригами и предательствами человека. Неужели, он правда ничего не может? А Олегдаран, на которого он имеет влияние? Неужели все они просто номинальные фигуры и вся власть у молчаливой и таинственной Лаборатории?

Дариан выпустил меня из башни, и я пошла искать Тартена. Он ждал на балконе. Я встала рядом и вцепилась в перилла.

Тартен не спросил, что хотел чиновник, и я рассказала сама:

— Дариан спрашивал на счет вчерашних вспышек. Алехис что-то задумал, и он волнуется. После сегодняшнего заседания мы договорились встретиться.

Вопрос, почему Дариан настолько откровенен со мной, также не прозвучал.

— К этому времени я вернусь, — только сказал после паузы Тартен. — Мне снова нужно на проверку постов, — пояснил он.

Ясно, я снова останусь одна, в подвешенном состоянии между двух миров, в поисках лазейки домой! Тартен хоть немного придавал уверенности, да и что скрывать — с ним просто приятно проводить время.

Я вжала пальцы в холодные перилла и уставилась на ненавистную Лабораторию. Взять бы какую-нибудь ракету и раздолбать ее к чертовой матери!

Тартен поставил свои бронированные руки рядом с моими побелевшими от натуги костяшками. Наши пальцы почти касались друг друга. Я затаила дыхание. Несколько долгих секунд мы молчали, потом я осмелилась взглянуть на него. Дымчатая глубина была наполнена тревогой. Я моргнула, и Тартен, оторвав руки от перилл, взлетел.

Часть 1. Глава 8

Остаток утра и день я слонялась по Замку и саду. Искать Мию не хотелось — раз у нее остались последние три желания, которые я четко прописала — она не должна переменить свое решение. Кстати, не помешало бы вспомнить, что это за желания...

Устроившись на уютной полянке, подальше от гуляющих, я попыталась их вспомнить. Во-первых, самым логичным мне казалось открыть мост для всех желающих, кто хотел пройти в Лабораторию — к родственникам, например, над которыми проводят опыты или за лекарствами для своих нужд. Да, это действительно казалось мне логичным, когда я сидела у себя в комнате за столом и писала в тетрадку эти строчки. А что я думаю сейчас? Во-первых, это не одно желание, а целых два — открыть мост и дать допуск простым людям, во-вторых, я как-то забыла подумать о том, как это желание может выполнить Тартен.

Допустим, он воспользуется своей властью и откроет пункт пропуска на мост. Но вдруг сотрудники Лаборатории решат прикрыть лавочку, а Тартена обвинят в измене?

И вторая часть желания такая же непродуманная — ну, придут туда люди, а на что они купят лекарства? Трущобникам и лишнего куска хлеба не на что купить! А если они увидят своих «подопытных» родственников, детей, да они с ума сойдут от горя! В обезумевшей злобе они сожгут лабораторных крыс и по камешку развеют ненавистное здание! Вряд ли власть, которая руководит Лабораторией это позволит. А Тартен? Думаю, за это его опять-таки казнят.

Да, еще и третья часть, которая в мой черновик и вовсе не входила: если трущобники разрушат Лабораторию — мой портал тоже разрушится, и всякая возможность покинуть этот мир для меня исчезнет!

Нет! Я вскочила с травы и поспешила к Замку. Нужно скорее найти Мию и отговорить ее от этих «ужасных голосов», которые сейчас нашептывают ей желания! Тем более, это первая порция, об остальных наивных и непродуманных порывах и думать страшно!

Как же часто я ошибаюсь! — ругала я себя. — Это моя книга, мой сюжет, а я в нем как слепая! Сама не знаю, что делаю, двигаюсь порывисто, как лодчонка, затерянная в океане. Разве, в мною придуманном мире, я не должна быть самой умной и знать все наперед?!

В салоне Мии не было, я заглянула в башню Тартена и в столовую, пробежалась еще раз по саду, но все тщетно. Куда она могла еще наведаться? Я вернулась к салону и села на ту самую скамейку, где первый раз увидела Главную героиню. Но минуты проходили, а Мия все не появлялась! Беспокойство разгоралось, и я поймала себя на том, что то и дело поворачиваю голову из стороны в сторону и громко вздыхаю. Моя нервозность уже стала привлекать опасное внимание! Нужно взять себя в руки!

Из салона вышла напомаженная барышня и дама, которая недавно делала Мии маникюр; они остановились за кустами, практически рядом с моей скамейкой.

— Очень жаль! — донеслось до меня воркование маникюрши. — Сейчас такое важное время! Столько еще нужно переделать!

Барышня печально вздохнула.

Я отвернулась. Убежать бы подальше, чтобы меня не вывернуло прямо здесь!

— Может она поправится, — ответила барышня. — Перенервничала бедняжка! Моя маленькая Миечка!

Я чуть не подпрыгнула, услышав заветное имя!

— Повторите, что сказал лекарь?

Но барышня так расстроилась, что захныкала и долго не могла произнести что-то членораздельное.

— Он... он сказал... — снова рыдания. — Он сказал, что Миечке что-то велют делать голоса!

Дальше слушать бессмысленно. Значит, Мия дома, лежит и лечится от неизвестной болезни, под именем «голоса», а ее мать бегает по салонам красоты, пытаясь успокоить нервы. Прекрасно! Одной проблемой меньше!

Я встала со скамейки, и направилась к лестнице. Наверное, мое сердце ожесточилось, но мне не было жаль Мию, по крайней мере, в настоящую минуту. Я представляла, чтобы могло случиться, если бы она не «заболела» и была только рада ее положению.

Между тем, время подходило к вечеру. Я спустилась на второй этаж и заняла удобное местечко в уголке, чтобы наблюдать за входом в зал заседаний и, в то же время, не привлекать внимания — все-таки в Замке я находилась не законно! Хотя, после суда мне не сказали, куда идти, но я же не жила здесь! Или, по крайней мере, мне оставалось существовать здесь не более трех дней — до дня свадьбы Тартена, когда Мия переедет в его жилище. Хотя, может они еще отправятся в свадебное путешествие?

Меня охватило такое отвращение, что захотелось плюнуть! Что это со мной сегодня?!

В углу я провела не больше часа. Ноги одеревенели, и я мечтала, что сейчас придет Тартен и отведет меня в столовую, а потом мы снова поболтаем и может быть он продолжит один из своих допросов, а я, наконец, сдамся... Но, неожиданно, дверь зала заседаний открылась и вышел Дариан. Не раздумывая, я пошла к нему.

Грим на лице старого чиновника висел кусками, видно, он нервничал и вспотел, а значит, случилось что-то совсем нехорошее... Когда я поравнялась с ним, лицо Дариана схватила болезненная гримаса.

— Идем, — велел он, и поспешил в боковую комнату, в которой пару дней назад я разговаривала с Тартеном.

Дариан пропустил меня и запер засов. Прижавшись спиной к двери, он наморщил блестящий от пота лоб, собираясь с мыслями.

— Все плохо? — спросила я минуту спустя, чтобы напомнить о своем присутствии.

— Да. — Не стал врать он. — Все хуже, чем могло быть.

Я опустила на стул и сцепила ладони; пальцы были холодными и влажными. Не хотелось гадать, что могло расстроить старого чиновника, но интуитивно я догадывалась, что это связано со мной, и дышать от этого стало тяжелее. Я сжала край стула, чтобы чувствовать под собой хоть какую-то опору.

Дариан смерил меня последним взглядом и тихо, но твердо, сказал:

— Твои родители и твой молодой друг здесь.

Я дернула плечом и уставилась на него во все глаза. Может мне почудилось? Или я не так его расслышала?

Дариан молча ждал, пока я осознаю его слова.

Прошли секунды, и я вскочила с места. Дариан предвидел это движение и быстро заговорил:

— Пока все под контролем, но если вмешаешься, вас всех казнят!

— Казнят?! — заорала я, но голос сорвался и изо рта вырвался только хрип.

— Нет, обещаю, нет! — сдаваясь, Дариан поднял руки. — Я сделал все, что мог, время еще есть!

Я сцепила кулаки и закрыла глаза, сжав тело в одно целое. Я должна их вытащить! К черту все остальное! Нельзя быть слабачкой! Только не сейчас!

Открыв глаза, я тряхнула головой, чтобы отогнать черно-красные искры.

— Я сделаю все, что вы скажете, все, что вы придумали. Но вы вытащите их и отправите обратно. Только посмейте меня обмануть, — на лице заходили желваки, челюсти заболели от натуги. — Я сожгу весь ваш мир, если с ними хоть что-нибудь случится!

Когда предисловие было положено, Дариан отошел от двери и взял себе стул. Присев, он сцепил пальцы и задумался.

Не двигаясь с места, я ждала. Бежать — искать родных бессмысленно — одной мне не справится. Довольно быть мечтательной душой! Теперь я отвечаю не только за себя!

— Мы уедем сегодня. — Наконец сказал Дариан. — Ты, я и твои родные. Я найду причину для поездки. Только вот как объяснить пропажу заключенных? — словно размышляя вслух, добавил он.

— Почему их не оправдали, как меня? — не сдержавшись, спросила я.

Вопрос смутил чиновника. Но ответа не требовалось — все было ясно по стыдливо опущенной голове.

— Не захотели рисковать своим местом?

Новый приступ злобы разрывал на части, хотелось врезать по размалеванной физиономии.

— Я могу сделать это, — вдруг ответил он, подняв на меня такие же усталые глаза, что и с утра. — Прямо сейчас. Пойду и скажу, что «стражники их просто не заметили и это отличная проверка системы охраны», — неожиданно глумливо передразнил он собственные слова, сказанные им когда-то в мою защиту. — Как думаешь, через сколько меня казнят вместе с вами?

Я молча сжала челюсти.

Поняв, что я не совершу глупых поступков, Дариан велел мне собрать вещи и ждать пока стемнеет; мы договорились встретиться у главного входа, и я поспешила в башню.

Тартена еще не было. Я направилась в спальню, чтобы найти все, что сказал Дариан: обувь и нейтральный наряд для мамы (мужскую одежду он пообещал взять у себя), палитру для грима и щетки для волос — нам нужно было создать впечатление, что элитная семейка едет на отдых в сопровождении важного чиновника. Задумка удачная. Правда, Дариан пока не придумал, что сказать о пропавших вдруг заключенных, но их хватятся только с утра, а к тому времени мы уже достигнем портала! Я кидала вещи в найденную у Мии сумку и мысленно благодарила Главную героиню за то, что она перевезла свои вещи к Тартену задолго до свадьбы.

Тартен... Вот и пришло время прощаться... Говорить, что уезжаю, нельзя — Дариан запретил, да я и сама знала это. Вот только что сказать? Посидеть с ним за ужином и сообщить еще несколько деталей о своей жизни, наблюдая его... такое... равнодушие к моим глупостям?

Сунув на тряпки коробку с красками для лица, я остервенело пихнула их ногой, сумка затрещала, но я не могла остановиться и толкала вещи, пока ткань не разошлась по швам! Палитра вывалилась на пол, несколько красок смешались грязным пятном; приготовленное платье смялось и стало похоже на половую тряпку.

Я опустила на пол рядом с разорванной сумкой и заплакала.

Тартен пришел, когда уже начинало темнеть. Я выскочила навстречу, чтобы он не заметил бардака в комнате и вторично собранных мной катулей.

— Не спишь? — спросил он.

— Да, — призналась я и, к своему ужасу, хохотнула.

Тартен удивленно посмотрел на меня. Я взяла себя в руки и предложила посидеть на подоконнике перед сном.

— Как на службе? — спросила я, забираясь на подоконник с ногами.

— В прошлую ночь Алехис поставил на мост своих людей. Сейчас ему докладывают напрямую. Пока я полностью не вернусь на работу, узнать ничего не смогу.

— Может быть это из-за Олегдарана? Помнишь, как на моем суде он его отчитал? — предположила я, прекрасно понимая, что причина не только в этом.

— Узнаю, только когда полностью приму дела, — подумав, повторил он.

Да, и о моих родных в том числе. Интересно, сможет ли он простить мне сегодняшний побег, когда поймет, в чем дело?

Прекратив дурацкую болтовню, я уставилась в окно — время прощания наступило. Тартен заметил перемену в моем настроении и наблюдал за мной. Мы молчали.

Я задумалась, — было ли когда-то напряжение между нами? Может быть только во время допросов с применением силы, — усмехнулась я. Хотя и тогда не помню, чтобы не доверяла ему. Что-то сразу сроднило меня с Тартеном, еще до объяснений и лишних слов. И он тоже хотел мне доверять, иначе к чему все эти игры с допросами — сдал бы меня властям и забыл!

Интересно, когда я повзрослею и перестану принимать желаемое за действительное?

Молчание лилось, как река — медленно, нежно, ничто нам не мешало; я глядела на квадратики участков и темнеющий пятнами сад перед Замком, вспоминая, как же я тогда боялась по нему идти!

— Как ты нашел меня в саду, когда я потерялась? — спросила я.

— Тебя не оказалось дома, и я решил, что ты снова пошла на ту поляну, — подумав, ответил он. — Помнишь, на которую ты прибежала после разговора с Дарианом?

— А, точно!

Как я тогда истерила! — вспомнила я. — А теперь сама согласилась на любые условия. А как же иначе?

Воспоминание о дурацко-банальной легенде об избранности, вернуло к идее моих посиделок. Что бы сказать ему на память? Нет, не могу подобрать слов... хреновый из меня писатель, прости, Тартен!

Сумерки становились все гуще, время кончилось.

— Ну, мне пора спать! — заявила я и быстро слезла с подоконника, чтобы убрать с глаз то, что им мило.

— Постой секунду, — хрипло попросил он.

Я замерла. Хотелось побежать к дверям и не оглядываться! Но на меня вдруг напала такая тяжесть, что с места не сдвинуться!

Тартен протянул бронированную руку.

— Возьми, — снова, еле слышно, попросил он.

Меня колотила дрожь, но я подчинилась — мне в ладонь упала его пуговица.

Сжав подарок в кулак, я бросилась в спальню и захлопнула дверь.

Я выскользнула из комнаты сразу, как за Тартеном закрылась дверь. Чувствовала, что если буду медлить, то сорвусь! Не знаю, слышал ли он, как я на цыпочках прошла по холлу и как просунулась вместе с сумками в проход, — в любом случае, препятствовать он не стал.

Выйдя из башни, я побежала вниз по ступеням, останавливаясь только чтобы перевести дыхание; любую мысль о Тартене я отгоняла фактом того, что во что бы то ни стало нужно спасти родных!

Когда я спустилась на первый этаж, Дариан уже был там; за его спиной стояли два киборга. Дариан разговаривал с каким-то человеком, приглядевшись, я поняла, что это один из главных городских чиновников, тот, который в день моего суда не произнес ни слова. По обрывочным фразам было похоже на то, что Дариан возлагает на него часть своих обязанностей, и сообщает о том, что сам должен срочно уехать.

Я встала в сторонке и, дождавшись, пока молчаливый чиновник раскланяется, подошла к Дариану. Старый чиновник мельком на меня взглянул и жестом велел двигаться за ним; было заметно, что он сильно возбужден, — Дариан почти бежал к темницам, киборги и я еле поспевали за ним, толпясь на узкой лесенке.

Оказавшись на этаже с темницами, Дариан остановился и прислушался. Я поглядела на его сопровождающих. Может, виной было скудное освещение, но мне показалось, что их броня иная, чем у Тартена — она отливала коричневым цветом и была какая-то пористая. Времени раздумывать, что бы это могло значить не было, но я надеялась, что киборги были телохранителями Дариана, ведь им придется оберегать и моих родителей!

В коридоре показалась тень, следом за ней появился владелец — киборг-тюремщик. Дариан двинулся ему на встречу. Заметив его, охранник встал по стойке смирно.

— Трех новых заключенных передать нам. — Без лишних предисловий, велел Дариан.

Но киборг не двинулся с места.

— Их перевели, — отрапортовал он.

— Что? — ахнула я не сумев сдержаться.

Дариан махнул своему телохранителю. Меня тут же сжали в тиски и заткнули металлической рукой рот.

Не обращая внимания на мои попытки вырваться, Дариан подошел к охраннику и тихо что-то у него спросил.

— Второй советник Властителя, — ответил охранник, — господин Алехис.

Значит, их увезли! И все из-за интриг двух зажавшихся властью старикашек! Я безвольно обвисла в руках киборга, мне вдруг стало по-настоящему страшно.

Но Дариан и глазом не моргнул — он продолжал допрашивать одинокого охранника:

— Олий, — вдруг мягко сказал он (видно, это было имя стражника), — ты помнишь, как я навел тебя в Лаборатории?

— Да, господин, — медленно кивнул Олий.

— Помнишь, что я сказал тебе?

— Вы сказали, что, когда боль пройдет окончательно, я освобожусь от оков.

— Что еще?

Олий нерешительно помолчал, а потом медленно и торжественно произнес:

— Боль и оковы освободят меня и однажды найдут тех, кто мне их подарил!

— Ты хочешь этого?

Олий кивнул.

— Тогда скажи мне, где заключенные.

Повисла долгая пауза, затем тюремщик повернулся и повел нас через коридор. Дариан велел меня освободить и, поравнявшись со мной, объяснил:

— Он еще мальчишка и вышел на службу совсем недавно.

— Вы действительно его навещали?

— Я приходил к каждому, кто прошел отравление кислотой. — Сказал Дариан. — И каждому из этих детей я обещал, что когда-нибудь они освободятся.

В стариковских глазах промелькнула искра, от чего морщины под слоями грима стали еще заметнее; в эту секунду я поняла, почему лично он затеял революцию.

Олий провел нас к нужной камере и отпер дверь.

— У тебя есть минута, — сказал Дариан, — они должны вести себя тихо, иначе... — договаривать он не стал, и я влетела в камеру.

Папа сидел в дальнем конце темницы, мама положила голову ему на колени. Сашка стоял рядом с ними, но как только увидел меня, тут же бросился на встречу!

— Тише, тише! — зашипела я, и одной рукой обняв Сашку, потянулась к подбежавшим родителям. — Я все расскажу, все объясню, но только молчите. Молчите все!

На меня уставились три пары испуганных, озадаченных глаз.

— Прощу вас! Нам нужно быстро уходить отсюда, здесь очень опасно!

Отец первый взял себя в руки и, обняв маму, оттащил ее от меня.

— Каков план? — спросил он.

Я чуть не прослезилась, услышав его голос!

— Сейчас мы тихо выйдем, нужно держаться рядом, — сказала я очевидное, дальше не знала я сама. — Идите за мной!

Дариан ждал нас у входа. Даже не взглянув на моих родных, он кивнул мне и направился обратно к лестнице. Олий остался стоять у дверей. Несмотря на многочисленные слои брони, в позе мальчишки чувствовалась растерянность. Я не хотела думать, какое наказание ждет его за то, что он отпустил заключенных, — врать он явно не умел. Но сделать для него я ничего не могла, если Дариан не берет его с собой, значит, так безопасней для всех нас!

Сашка нашел мою руку и сжал ее, прикосновение отчего-то показалось чужим, но я не стала его отталкивать. Мы поднялись на первый этаж, здесь было также пусто, почему-то от этого я напрягалась еще больше. Что задумал Алехис? Раз он желал спрятать моих родных, то он ожидал чего-то от Дариана, почему же тогда он не выставил охрану?

На улице нас ждала машина с виду напоминавшая обычный пафосный лимузин, но вблизи я разглядела обшивку из первоклассной брони, что меня очень порадовало. Забравшись в салон, я заметила, что Дариан тоже с подозрением оглядывается на Замок. Я хотела высказать ему собственные опасения, но при и так перенервничавших родителях не стоило затевать подобный разговор. У нас еще будет время. Надеюсь.

Машина тронулась и я, наконец, осознала, что все получилось! Я могу говорить!

— Мама! — ахнула я и мы стали обниматься.

Руки — мои, мамины, папины и Сашкины сплелись между собой, и мы боялись отпустить друг друга! Мы причитали что-то нечленораздельное и нам просто было хорошо,

что мы, наконец, вместе!

Когда все немного успокоились, я вкратце объяснила, как сюда попала и что здесь происходит. Мама прижала ладонь ко рту и только качала головой из стороны в сторону; отец молча слушал, я видела, что он запоминает информацию, чтобы дальше ею воспользоваться, даже в таких странных обстоятельствах; лица Сашки я не видела — только чувствовала его объятия, которые становились все сильнее.

— А как вы сюда попали? — отдышавшись от быстрого монолога, спросила я. — Что произошло со мной там, дома? — неловко сформулировала я главное, о чем думала все последние дни.

Все молчали. Мама заплакала, Сашка тоже не нашелся. Мне ответил отец:

— Ты не проснулась. — Сказал он. — Когда мы пытались тебя разбудить, ты не двигалась, не реагировала. — Он вздохнул, чтобы не рассказывать остальных подробностей, я и сама видела их — родители кричат, толкают меня, вызывают скорую и пьют корвалол, чтобы не сойти с ума. — Нам сказали, что ты впала в кому и тебя отвезли в больницу.

Что же, чего-то подобного следовало ожидать.

— Наверное, я слишком глубоко заснула... — Сказала я после паузы. — Но что тогда с вами? Как вы-то оказались здесь?!

На этот раз стал рассказывать Сашка; голос у него был охрипший, будто он болел.

— После того, как тебя увезли, я и твоя мама дежурили в больнице по очереди. И вот, через несколько дней, она позвонила мне и сказала, что нашла у тебя какие-то странные записи...

— Твой дневник, — пояснила мама. — но, когда Сашка приехал, я уже прочла про зеркало или как ты это называешь? И тоже заснула.

— Просто прочла и оказалась здесь?!

— Нет, в тот день я, видимо, приняла много успокоительных и меня потянуло в сон. После звонка Саше, я легла с дневником в руках и, когда заснула, оказалась в той белой комнате, что ты описывала.

— А потом пришел я и чуть не умер от страха! — нервно хохотнул Сашка.

Отец присоединился к нему раскатистым хохотом.

— Больше всего напугался я, когда, придя с работы, после бессонной ночи и в полубезумном состоянии, увидел вас обоих, лежащих без памяти!

Они засмеялись. Я глядела на искаженные истерическим смехом лица родных и от этого становилось еще страшней. Значит, в реальности мы все в коме. Но кто тогда найдет их тела? Я-то в больнице под капельницей, а они?!

— Папа, ты закрыл дверь, когда пришел домой? — перекрывая шум криком, спросила я.

— Что? — не понял он.

От смеха на глазах отца выступили слезы.

— Кто найдет вас и отвезет в больницу, раз вы тоже в коме?

Смех мгновенно прекратился.

— Может соседка зайдет, — сказала мама, — она собиралась прийти на чай, чтобы поддержать меня...

Я закусила губу. Нужно скорее отправлять их обратно!

— Скоро первый пост, — напомнил о нашей цели Дариан.

Старый чиновник не отрывал глаз от окна, не обращая на нас никакого внимания.

Я осторожно высвободилась из объятий Сашки и нагнулась к нему.

— Спасибо вам.

Дариан не стал достаивать меня взглядом. Я понимала, что он и не должен испытывать теплых чувств к моей семье, и постаралась загнать обиду подальше, — ведь на самом деле он помогал их спасти!

— Что нам делать, когда подъедем к посту? — спросила я.

На этот раз, Дариан повернулся и сощурил глаза.

— Вести себя очень тихо, — ответил он. — Сделаем вид, что спим, ночью это вполне логично. За этот пост я почти не волнуюсь...

Мне показалось, что он не договорил, но за окном уже замерцали горящие факелы стражников, поэтому уточнять я не стала.

Шины громко заскользили по щебенке, которой был выложен подъезд к посту. Сады кончались за несколько десятков метров до трехметровой стены, которая отделяла следующий квартал и перед ним были только дикие поля, пересеченные дорогой.

— А где ваша охрана? — быстро спросила я.

— Следуют за нами по воздуху, — шепнул чиновник и прибавил уже громче, обращаясь ко всем нам: — Пожалуйста, сделайте вид, что все вы спите! И ничего не говорите, очень вас прошу!

Отец что-то буркнул, но спорить не стал, пересев к нам, он обнял маму и застыл в полулежащей позе. Сашка положил мою голову себе на плечо и прижал меня к себе. Я настолько отвыкла от самого обыденного прикосновения, что мне снова захотелось отодвинуться, но я заставила себя замереть на месте.

Впереди раздался скрежет, наверное, стражники открывали ворота. В окна сначала с одной, а потом и со второй стороны упали яркие лучи света. Я слепила веки, чтобы не выдать себя, да и просто потому что было страшно — ведь мы оказались в той части Далетании, где персонажи жили и развивались сами по себе!

Один из телохранителей что-то сказал, но стражник с факелом все не хотел уходить. Я тихонько приоткрыла глаза, охранник пялился прямо на маму, которая лежала рядом со мной в своем домашнем махровом халате. Мы же забыли переодеться! — внутренне закричала я и задрожала. Телохранитель снова что-то сказал, на этот раз в его голосе послышалась грубость, и стражник, наконец, отошел. Через минуту машина снова двинулась.

Я боялась шевельнуться и оторвалась от Сашиного плеча, только когда Дариан сообщил, что мы проехали.

— Только тише, — напомнил он. — Сейчас мы едем по земле трущобников, — пояснил он мне.

Мы оторвались друг от друга, и потрясли задеревеневшими от нервного напряжения конечностями.

— Что дальше? — спросила мама.

— Скоро вернемся домой, — пообещала я, и, встретившись взглядом с Дарианом, незаметно ему кивнула, стиснув про себя челюсти.

Я потеряла счет времени; мы преодолели еще несколько постов и пока все шло так же гладко. Родители немного расслабились, только Сашка не отрывал от меня рук и молчал. Я старалась разглядеть что-то в окнах, но кроме мрачной ночи и моего отражения на стекле,

ничего не было видно.

— Здесь мы ненадолго остановимся, — вдруг сказал Дариан, я уже начинала засыпать и не сразу поняла, чего он хочет. — Мне нужно кое с кем встретиться.

— Нет! — возразила я охрипшим голосом, и села прямо. — Сначала вы сделайте то, о чем мы договорились. Все остальное потом!

— Настя, как ты разговариваешь! — забеспокоилась мама, но отец остановил ее — еще не понимая, о чем речь, он, как и я, почувствовал, что старый чиновник лукавит.

Дариан заскрежетал зубами, его парик опять съехал куда-то на сторону, как всегда, когда он был зол.

— Я и делаю то, о чем мы договорились. — Сверкая глазами, выплюнул он. — Но мы остановимся, переговорим с моим человеком и потом поедем дальше!

Понимая, что мне нечего предложить ему взамен, я все равно не хотела терять своих позиций — подчиниться ему, значило, пойти у него на поводу и потерять контроль ситуации, а это... я даже представить боялась, чем это грозило моим родным!

Поэтому я вовремя вспомнила мастер-классы Тартена по допросам и, засунув свой страх и бессильную неуверенность куда подальше, смерила Дариана пустым прямым взглядом.

— Для чего эта встреча? — бесстрастно спросила я.

Дариан наклонил голову на бок, изучая мое изменившееся поведение. Конечно, я не могла его обмануть, что я сильная и умная, но я рассчитывала хотя бы на то, чтобы он понял, что я сделаю все, что угодно, чтобы спасти родных!

— Для дела, о котором мы говорили, — ответил он.

— Почему нельзя встретиться позже?

Он почесал подбородок, размышляя, насколько быть со мной откровенным. Я ждала.

— Эта встреча планировалась десять лет, — наконец, ответил он. — Если мы просто проедем мимо, ВСЕ, — он подчеркнул последнее слово, — мои усилия будут бесполезны.

Ясно, — он говорит о революции. Но, черт! Как же мне хотелось скорее отправить маму с папой домой! И Сашку тоже! Я не могу спокойно смотреть на них, пока они в такой опасности!

— И еще, — вдруг разоткровенничался Дариан, — мне очень не нравится, что нас так легко везде пропустили.

— Мне тоже, — призналась я, вынужденно теряя свой напыщенный щит. — Вы не считаете, что это интриги Алехиса?

— Именно так я и думаю. — Ответил Дариан и, осмотрев мою семью, сказал то, чего я никак не ожидала: — Ну, давайте знакомиться!

Когда мы доехали до места, Дариан велел водителю остановиться и вышел из машины. На улице была сплошная темень, я удивилась, что старик хоть что-то смог в ней рассмотреть. Чиновник выжидательно глянул на меня, и, к своему удивлению, я поняла, что встреча назначена не только для него!

Ну ладно, только родных я больше не оставлю! Вместе с родителями и Сашкой мы выбрались из машины и присоединились к Дариану. Я взяла маму под руку, и мы пошли вслед за чиновником.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я различила впереди какие-то неказистые строения — на дома элитников они были не похожи, а, значит, мы оказались на земле трущобников! Интересно, зачем первому советнику Властителя встреча с местным жителем?

На чернильном небосклоне задвигались облака и между ними показался просвет. Странно, для рассвета еще было далеко. Мне на нос упала капля, смахнув ее, я вспомнила наши, земные, грибные дожди! Сейчас лето и для них самая пора...

До домов оставалось не больше десяти шагов; я глазела по сторонам — отчего-то местность выглядела странно знакомой: вот дорожка между грядками, крохотный заборчик из прогнивших деревяшек, отделяющий огороды трущобников. Я вскинула голову и увидела старый дом с перекошенной на бок крышей...

На нос упали еще несколько капель, я прикрыла лицо ладонью и тут до меня дошло...

— Бежим! — закричала я.

Дариан замер и я подтолкнула его в спину, торопясь утащить маму подальше. Затянув ее на ближайшее крыльцо, я влетела сама и помогла забраться отцу и Сашке. Старый чиновник запутался в своих одеждах и ковылял за нами, но он опоздал — сверху уже лилась поблескивающая в темноте желтая кислота!

Телохранители куда-то разлетелись и помощи Дариану ждать было неоткуда! От крыльца его отделяли всего пара шагов, но он был не в силах их сделать. Прямо на наших глазах он стал медленно оседать на землю...

Я не могла этого видеть!

— Дай халат! — закричала я маме.

Она не поняла, что я хочу сделать, но мне было уже все равно! Рывком стянув с нее халат, я хотела прыгнуть под дождь, но меня перехватил Сашка. Он выхватил халат и, прикрыв голову и плечи, ринулся за еле стоявшим на ногах Дарианом! Сашка схватил чиновника и в несколько секунд втолкнул его на крыльцо.

Старик кричал и плакал от боли; оказавшись под навесом, он все еще пытался высвободиться от одежд, но силы покидали его — он был на грани обморока. Удерживая Дариана под крышей, я старательно избегала участков его тела, пораженных кислотой, они дымились и шкворчали, вызывая неприятную ассоциацию с яичницей на сковородке.

Сашка стягивал толстовку, на которую сквозь халат просочились капли кислоты, сам он только чудом не пострадал! И о чем я только думала, желая броситься под дождь?!

Неожиданно, над головой что-то треснуло. Я подняла глаза и увидела струйку желтой кислоты, стекающую сквозь доски. Как в замедленной съемке две тягучие лимонные капли упали вниз и прожгли мою руку!

Охнув, я попятилась к стене. Руку пронзила невыносимо острая боль, казалось будто ее резали раскаленными добела ножами! От кислоты на коже образовывались пузыри, которые жадно обволакивали пальцы, а затем лопались и дымились, разбрасывая в стороны жгучие желтые искры, на месте каждого из пузырей расцветали ядовитые язвы!

— Уберите, не могу!

Я лихорадочно трясла рукой, но от каждого движения ее жгло все сильнее! Вконец обезумев от боли, я упала лицом в пол и вцепилась зубами в мокрые грязные доски!

Сейчас все кончится! Точно, все! Разве можно после этого выжить? Конечно нет! Еще немного и все прекратится!

Краем сознания я уловила, что сзади открылась дверь, и чьи-то руки спешно заносят мое извивающееся и вопящее изо всех сил тело в дом.

Очнулась я под утро; за крохотным окном серело небо, и в полумраке свет падал прямо мне на лицо. Воздух в доме был чердачный — сухой, как в помещении, где постоянно гуляют сквозняки, и вместе с тем насыщенный ароматами старых вещей, которые давно лежат без движения; крыша над головой тоже вызывала ассоциацию с чердаком — голые серые доски поддерживали высокий двухскатный свод.

Первым делом я вытащила правую руку из-под одеяла и уставилась на нее — вся кисть была замотана бинтами, но пальцами я немного могла пошевелить. Это обнадеживало! Всю ночь мне снилась вчерашняя боль — ничего хорошего я уже даже подсознательно не ожидала!

Я попыталась приподняться и подо мной заныли пружины — оказывается я лежала на раскладушке; стараясь не создавать лишних звуков, я огляделась. Сашка дремал сбоку на стуле, родители рядом, устроившись на дырявом матрасе, папа сжимал маму в защитных объятиях даже во сне. Посередине крохотной серой комнатки, которая оказалась кухней, на столе лежал Дариан — вот, кто пострадал по-настоящему!

Шея, плечи и спина чиновника были перебинтованы, от кожи неприятно пахло даже на расстоянии. Я понюхала свою руку — тот же кислый запах, видимо, это мазь или какое-то самодельное лекарство. Дариан лежал без движения, но в тишине слышалось его прерывистое дыхание. Значит, он жив и борется. Впрочем, по задумке (моей или Лаборатории) кислота не должна убивать — главная идея в том, чтобы поработить, заставить страдать и обратиться за помощью, а там на тебя наденут доспехи, и ты будешь служить, сколько скажут.

Вот уроды!

Но почему же дождь полил сейчас? Обычно они действовали, когда народу было больше — это ведь один из «эффективнейших способов» воздействия на трущобников: мятеж — кислотный дождик, не хотят работать — еще дождик, просто так, чтобы закрыть вакансию стражника — дождик. Казалось, мой язык сам стал ядовитым, когда я проговаривала про себя эти слова! Мне захотелось выплюнуть, забыть их, но я продолжала смотреть на Дариана и множила свою ненависть к Лаборатории!

Как только я попыталась встать, боль в руке снова запульсировала. Я прикусила губу и, не давая себе поблажки, поднялась с раскладушки и выбежала за дверь. Оказавшись на улице, я, что есть мочи, стиснула предплечье и выдохнула, стараясь не издать ни звука — при малейшем движении края лопнувшей кожи цеплялись за бинт. Казалось, что язвы живые и намеренно двигаются, причиняя мучения!

Я стояла и стояла на крыльце, стараясь свыкнуться с болью, принять ее, как новую часть себя, но становилось только хуже. Мне хотелось выть и кусать себя. Это невозможно терпеть!

За спиной послышалось движение, на крыльцо вышла немолодая женщина в длинном темно-сером платье, в руках она держала кувшин. Заметив мои муки, она, ничего не говоря, облила мою правую руку водой.

«Движение» язв тут же прекратилось. Я что-то захрипела и закрыла глаза.

— Ты Избранная? — без предисловий спросила женщина.

Я кивнула, — я согласилась бы со всем, что бы она не сказала, только бы она еще раз плеснула на меня водой!

— Хорошо. Заходи в дом. Будем знакомы — меня зовут Арона.

Пока мы завтракали, мать Тартена обрабатывала раны Дариана. Не в силах оторвать от нее глаз, я следила за ее уверенными движениями — вот она разворачивает одной рукой бинт, а второй уже льет воду, следом накладывает слой зеленоватой мази и сразу же заворачивает повязку обратно. Сколько раз она делала это раньше? Может, в свое время она лечила и Тартена, прежде чем его отобрали?

На лице Арона не отображались эмоции, но, несмотря на это, в нем не чувствовалось равнодушия, скорее спокойное участие, которое она выражала своей посильной помощью. Я глядела на нее и пыталась угадать, какие из ее черт, кроме сосредоточенных серых глаз, достались Тартену — может немного вытянутая форма лица или тонкая полоска напряженно сведенных губ?

И еще я гадала, зачем она понадобилась Дариану. Раз Арона знала про «Избранную», их связь была очевидна, и своим визитом он запустил процесс, о котором упомянул в машине. Но, черт возьми, почему именно она, почему мать того, кого мне следует как можно скорее забыть?!

Когда Арона закончила с Дарианом, она принялась за меня — развязала бинт (я отвернулась, чтобы этого не видеть) и тоже наложила мне слой мази. В первую секунду стало еще больней, а потом язвы будто «замедлили движение».

— Водой пока не мочи. — Сказала мать Тартена. Ее волевой тон напомнил мне речь Дариана. — Надолго это не поможет, но как только мы найдем запчасти, тебя залатают.

Я не поняла, что она имела в виду, но, прежде, чем успела спросить, Арона заговорила о другом:

— Познакомь меня со своими спутниками (я представила ей родителей и Сашку). Хорошо. Куда вы направлялись?

— В Лабораторию, — осторожно сказала я. Не зная, как объяснить ей свои цели, при этом не выдав их родителям, я добавила: — Мы должны воспользоваться порталом, после этого все остальное.

Мать Тартена задумалась, задержав на мне взгляд. Я не могла определить, правильный ли смысл взяла она из моих слов, — глубина ее дымчатых глаз — глаз Тартена — была так же скрыта.

— С вами был еще кто-то? — наконец, спросила она.

— Да, два телохранителя-киборга и водитель. У нас еще была машина — там все вещи для прикрытия.

— Хорошо. — Повторила она. — Итак, сейчас ты, Саша, поможешь мне принести вещи, ладно? А тебя, Настя, я попрошу поискать киборгов — обойди вокруг дома, если они не успели сбежать от дождя, их броня могла повредиться. Вы не против? — спросила она моих родителей.

Мама неуверенно пожала плечами и взглянула на отца. Тот кивнул.

— Спасибо, что вы нас приютили. Мы вам очень обязаны, — добавил он.

Я вышла на улицу и, оставив Сашку с Ароной, спустилась на тропинку и пошла искать трусливых киборгов. Удивительно, но кислота никак не повредила землю, не разъела здания или какие-то предметы, кроме человеческой кожи! Видно, ее состав был запрограммирован

только на это. Но почему тогда Арона сказала, что кислота опасна для киборгов? Мне вспомнилась «пористая» коричневато-золотистая броня, возможно из-за крошечных отверстий кислота может проникнуть внутрь? Но даже, если так, почему они бросили Дариана? Ведь задача телохранителя и состоит в том, чтобы, рискуя жизнью, спасти своего нанимателя!

Не увидев киборгов, я обогнула дом Ароны и подошла к главной улице местных трущоб; здания здесь стояли плотно друг к другу — сломай один неказистый домик и все остальные повалятся следом, как ряд домино.

Вокруг тоже никого не было видно. Меня начинал напрягать этот факт. Я топала вперед, и крутила в голове пришедшую еще в машине мысль, не подстроил ли что-нибудь нам Алехис?

Что-нибудь?! — вдруг, будто крикнул голос внутри меня. — А разве кислотный дождь, как только мы вышли на улицу, не достойный план, чтобы всех нас разом прикончить?! Я замерла посреди тропы. С его точки зрения, и впрямь отличный!

Но как он узнал? И дождь — это ведь оружие Лаборатории, получается, Алехис с ней как-то связан?

Бросив бесполезные поиски, я поспешила обратно. Мне нужно поговорить с Дарианом! Перепугав родителей тем, что резко влетела в дом, я поняла, что старый чиновник еще не пришел в сознание. Но мне срочно нужен совет! В этот момент в дом вошла Арона, она несла сумку с вещами Мии. Вот, кому нужно все рассказать!

Я боялась говорить о своих подозрениях при родителях, чтобы еще больше их не волновать и, предложив Ароне помощь, вышла с ней на улицу.

— Мне надо с вами поговорить, — сказала я, когда мы оказались на крыльце.

— Хорошо, — ответила мать Тартена и повела меня за дом.

Когда она остановилась, я рассказала о своих догадках. Арона озадаченно сжала губы.

— А еще... они как-то должны были выследить нас, — добавила я. — Мы отмечались на постах, может стражники как-то передали это Алехису? Или, — вдруг поняла я, — это телохранители предали нас? Они ведь скрылись сразу же, как начался дождь!

— Нет, киборги вас не предали, — подумав, ответила Арона. Я хотела возразить, но она остановила меня жестом. — Тебе нужно кое-что понять о киборгах, — стала объяснять она. — Каждый из них однажды испытал страшное и болезненное потрясение. Ты же сама испытываешь часть этой боли, — она кивнула на мою руку, которую я держала перед собой на весу, чтобы не тревожить раны. — Увидев снова кислотный дождь они вспомнили, все, через что им пришлось пройти и... думаю, они просто испугались.

Я подумала о Тартене... Нет, нет, не сейчас! Мне нужно сосредоточиться!

— Как же тогда... — начала я, но Арона меня снова прервала:

— Я боюсь, что он знал, куда вы должны поехать.

— Откуда...

— А об этом спросишь у Дариана. К вечеру я его подлечу. — Сказала Арона и по ее тону стало ясно, что больше объяснять она ничего не намерена. — После работы придут люди и вместе мы решим, как действовать дальше.

Я нахмурилась — я не собираюсь ни думать, ни разговаривать ни о чем, кроме как о спасении родных! Арона заметила это.

— Сейчас у нас образовался небольшой запас времени, — объяснила она. — Пока Алехис думает, что вы ранены и не можете действовать. Сейчас вам неразумно убежать, —

добавила она и взглянула на меня пронизывающими глазами Тартена. — Скоро твоя рука будет болеть еще больше, если ее не залечить. Так что думай пока только об этом!

Я вернулась в дом за новой порцией вонючей мази, а потом снова отправилась искать киборгов. Сама пусть думает о моей чертовой руке! — злилась я на Арону. Мне не понравилось, что она не приняла моих догадок на счет предательства — в этом мире нельзя было верить никому, даже, если они казались невинными солнечными зайчиками!

Я так распалилась, что не заметила, как меня догнал отец. Он окликнул меня и пошел рядом. По его внимательному взгляду я поняла, что меня ждет серьезный разговор и не ошиблась!

— Настюша, раз мы пока одни, без нервничающей мамы и без твоего старого внимательного спутника, давай-ка ты введешь меня в курс дела, чтобы я не валялся на кровати пол дня, а начал что-то делать!

Узнаю своего тактичного папочку... Как же я по нему соскучилась!

— Пока мы здесь застряли, — неохотно призналась я. — Чтобы вернуться домой, нам нужно к порталу, через который мы все прошли в белой комнате. Но на пути туда у нас много постов и огромная преграда в виде строго охраняемого озера, а главный наш проводник — мой внимательный спутник, — пояснила я, — теперь не может двигаться.

— Давай сами! Ночью, тихонько...

— Пап, я боюсь, — честно призналась я, как только можно признаться отцу. — Хоть я тут и напридумывала всякого, но на практике я не знаю, чего ждать. Теперь я здесь не хозяйка, — неохотно подытожила я.

— Да, намудрила ты много...

Я закатила глаза.

— Если бы я знала! Ладно, давай пока не напрягаться — вечером Арона обещала собрать у себя народ, они могут нам помочь.

— Как я понял, здесь в основном живут бедняки, думаешь им нужны проблемы с правительством? Зачем им нам помогать?

Этого вопроса я и боялась. Как же обойти тему избранности?

— Затем, — осторожно начала врать я, — что, когда я вернусь домой, я смогу все исправить — переписать их судьбы, изменить жизнь к лучшему. В общем, устроить революцию! — последнее слово я употребила намеренно, чтобы в дальнейшем, если отец его еще услышит, он бы связывал его только с тем объяснением, которое я дала.

По его лицу мне показалось, что он поверил, но не до конца. Ну и ладно, это лучшее, на что я могла рассчитывать! Пока они с мамой должны быть спокойны, все равно втравливать в свои планы я их не собираюсь, а лишние нервы в их возрасте только опасны!

Я заметила, что мы дошли до конца главной улицы — впереди снова были огороды с чахлой зеленью. Я уже хотела было повернуть за угол, как отец схватил меня за руку и показал на грудку металла, валяющуюся посреди одной из грядок. Приглядевшись я узнала киборгов.

Арона была права — телохранители Дариана не успели скрыться от кислотного дождя.

Отец и Сашка с трудом перетаскивали тела — каждый телохранитель в полном обмундировании весил больше ста пятидесяти килограмм. В работе им помогал водитель Дариана, который к этому времени вернулся от соседей, где провел ночь; перед дождем он чудом не успел выйти из машины и это спасло ему жизнь. Взгромоздив тела на повозку, мужчины отвезли их в самый старый дом — серое здание без окон, где обрабатывали покойников.

Почему же они погибли? — недоумевала я, провожая взглядом повозку. — Они же так защищены, как любой воин и мечтать не мог, один удар мощного кулака способен разрушить бетонную стену! Что же стало причиной? Неужели все дело в пористой структуре брони? Но почему же у телохранителей она такая... ранимая, что ли? Они же, наоборот, должны быть сильнее — ведь они защищали первого советника Властителя!

Арона позвала соседку, чтобы вместе с ней снять с тел броню — в трущобах ничто не пропадало даром — самые различные части железа, утерянные стражниками или выменянные у них же за еду, использовались в строительстве, в быту и даже в лечении. Мне стало худо, и я убежала подальше от дома без окон; теперь я понимала, что все, что о них говорила мать Тартена — правда. Они не были предателями — они были всего лишь запуганными мальчишками.

Зайдя за чей-то дом, я села на груды досок. Не хотелось никого видеть, ведь, если кто-то из родных спросит, зачем я это сочинила, что я смогу ответить?!

Две таких быстрых смерти... а я даже не знала их имен... Проходные персонажи-эпизодники...

Я глядела на пустынные улицы и мне хотелось раствориться, исчезнуть, и чтобы этот жесткосердечный мир испарился вместе со мной!

Не знаю, как долго я так сидела. Часов ни у меня, ни, тем более здесь, не было. Свет не менялся — небо, после вчерашнего дождя, было затянуто облаками. Может облака специально сгоняют-сдувают на трущобы от элитных земель? Этого я не знала, а мои герои теперь могли делать все, что угодно — я перестала участвовать в их решениях. Теперь я только могла вспоминать мои небольшие отрывки из их грубо начертанных судеб.

Ко времени пришло и воспоминание о последнем вечере дома, когда я зарисовывала жизнь матери Тартена. Было это совсем недавно, поэтому записи еще не успели закрепиться в памяти, и, как факт, всплыли только сейчас. Думать о ее жизни, когда теперь я знала ее и Тартена лично, было тяжело, но мне нужны были эти сведения, чтобы спасти родных и, быть может, для чего-то еще, о чем я пока сама боялась думать всерьез.

Арона, как и другие родители, у которых отобрали детей, получила компенсацию от правительства — теперь ей регулярно выдавали талоны на еду и покупку необходимого минимума товаров. С самого дальнего расстояния эта «плата за ребенка», могла выглядеть сожалением правительства, но на деле — это была его страховка — одиноких родителей намеренно отстраняли от производства и вообще от каких-либо дел, чтобы они не вздумали взбунтоваться или затеять какую-то месть. Такой вывод был сделан, после многочисленных исследований психологами Лаборатории. Поэтому, люди, потерявшие детей, любыми способами отстранялись от всякой деятельности и медленно затухали, сидя дома и получая

скудное, но регулярное питание.

Мне представились мыши, которых держат в обычных земных лабораториях для потомства — их кормят, поят, убирают за ними экскременты, потом формируют меж ними пары и размножают, а детей отдают на эксперименты. Что чувствуют эти мыши? Им тоже дают пенсию-компенсацию от администрации по окончании их трудов?

Прервав мои размышления, подошел Сашка и молча покосившись на меня, примостился на доски рядом.

Какой он угрюмый... Никогда не видела его таким...

Сколько же лет мы знакомы? Никогда раньше не задумывалась об этом — Сашка будто всегда был рядом, я привыкла воспринимать наши плавные, спокойные отношения как что-то само собой разумеющееся. Конечно, страсть между нами тоже случалась, но была ли она вызвана влюбленностью или это просто гормоны?

Я остановила себя, — нельзя так думать! Когда я впала в кому, он за меня беспокоился, навещал моих родных, помогал, чем мог. Думаю, окажись я на его месте, я сделала бы все тоже самое, ведь Сашка мне такой же родной человек, как мама и папа!

Другой вопрос, что воспринимаю ли я отношения с ним как... серьезные? Я не знала, как ответить. А внутренний голос будто пытал меня! И Сашка, сидящий рядом, все молчал, казалось, он слышит мои размышления и ждет вердикта.

Я подумала о Тартене и сердце предательски кольнуло. Умом я понимала, что с ним мне не быть — здесь я не останусь, ведь тогда я умру в реальном мире! А Тартен не сможет попасть ко мне — его там просто нет, он — это карандашные наброски на бумаге, как бы жестоко это не звучало! Он навсегда останется в моей книге и, время от времени, я буду навещать его и читать любимые строки, буду вспоминать наши разговоры и его допросы... Я сжала пуговицу Тартена, которую подвесила на цепочку на шею. Как хорошо, что он догадался мне ее отдать! Он так долго проносил ее у сердца, что мне казалось, что это оно бьется рядом с моим! Позволят ли мне всеильные высшие силы забрать с собой хотя бы эту его часть?

Ладно, хватит нытья, так только хуже!

— Как там дела? — спросила я.

— Дариан очнулся, — не сразу отозвался Сашка. — Он очень плох, но говорить может.

— Правда?! — обрадовалась я и вскочила с места. — Мне нужно срочно его увидеть!

— Придется подождать — Арона его обрабатывает и попросила всех нас выйти.

Видимо, вначале она сама с ним поговорит.

— Ясно.

Неохотно я уселась обратно. Мы снова замолчали. Неуютное напряжение между нами росло. Вряд ли сейчас я могу сказать что-то обнадеживающее, — подумала я. — Так что, пусть уж лучше помолчим!

Чтобы отвлечься, я уставилась на неровные ряды трущобных переулков. После нескольких дней, проведенных в помпезном Замке и в элитных садах, они казались мертвыми, давным-давно покинутыми людьми. От нечего делать я глядела дальше, и постепенно стала различать детали — забытые игрушки в высокой, некошенной траве, крохотные клумбы с полевыми цветами, обложенные бульжниками, вырезанные из бумаги фигурки на стеклах окон — трущобники создавали уют из всего, что попадалось под руку.

Неожиданно, где-то вдалеке послышался громкий сигнал. Я в панике встрепенулась, но

Сашка остановил меня.

— Смотри, это просто конец рабочего дня, — сказал он и кивнул вперед.

И правда! Из-за угла потянулась стайка людей в застиранных рабочих робах, они заполняли улицы и переговаривались между собой. Между рабочими мелькали дети — они были одеты немного веселее — в выцветшие и потрепанные костюмчики, я узнала пестрые элитные расцветки, видимо, бывшие в употреблении наряды элиты отправлялись сюда. Детишки буйствовали, веселились и, бегая между взрослыми, спешили на ужин.

Заразившись их озорством, я улыбнулась.

— Пойдем, — предложила я и Сашка, наконец, сбросил с себя унылую маску.

Он тряхнул головой и протянул мне руку. Поджав губы, я приняла ее, и мы двинулись к дому Ароны.

Мама с папой ждали нас на крыльце, у них был взволнованный вид.

— Дариан хочет поговорить с тобой, — сказал отец. — Сделай это, а потом соберемся вместе и придумаем, как нам быть. Нам нельзя здесь больше оставаться.

По его тону ясно, что игры с моим воображением он намерен прекратить. Я и не против! Только как?

Я оставила родных на крыльце и вошла в дом.

Дариан по-прежнему лежал на столе. Мазью от него воняло еще больше, чем с утра, но, памятуя о своей боли, я стиснула зубы и подошла ближе.

— Здравствуйте, Дариан! Как вы?

Могла и не спрашивать — сразу видно, что плохо. Чиновник почти не двигался — вся верхняя часть тела замотана, половина лица тоже — голову спас плотный парик, но нижняя часть носа и подбородок тоже поражены.

Я встала рядом с ним, не зная, чем помочь. А ведь он нам нужен! Без него мне родных отсюда не выгнать!

— Арона сказала, что мои киборги мертвы. — Тихим, с присвистом, вырывающимся сквозь бинты, голосом сказал он.

— Да. Мне очень жаль их. — Ответила я, но Дариан меня не слушал.

— Я обещал вскоре освободить их, — сказал он. — Они носили облегченную броню и были уже практически здоровы.

Вот, значит, как... Я не стала ему говорить, что из-за пористой брони они и погибли.

— Что думаешь о предстоящем собрании, — сменил тему Дариан. — Ты готова?

Опять начинается!

— Дариан, отправьте моих родных домой, только после этого я выполню все, что захотите! — сказала я, стараясь не кричать.

Раненный чиновник попытался повернуться, но только рванулся вперед, издал болезненный вопль и рухнул обратно.

— Знаешь, ты меня разочаровываешь, — ответил он, после того, как немного отдышался. — Я столько лет ждал тебя, столько сил потратил, а что я вижу?

— Лучше бы вы в это время сами устроили революцию! — не смогла сдержаться я. — Думайте я — обычная девчонка вас всех спасу? Вот, сейчас махну рукой и все получится?!

Меня начинал бесить этот дед! Я не могу тратить время на жизнь своих персонажей, пока не спасу родных!

— Отправьте меня домой! — заявила я. — Я перепису ваш мир и все! Никаких революций не нужно! Никаких страданий больше не будет!

— Ты все еще думаешь, что ты в своей книге?

— Естественно! — я злилась все больше, хотя чувствовала, что он пользуется этим и манипулирует мной, чтобы склонить к своему. — Я и вас выписывала, как главного подпевалу Властителя! — снова не сдержалась я. — По сюжету вы постоянно устраивайте интриги и исподтишка управляете всеми вокруг, и еще, — вспомнила я что-то неотчетливое, — с вами связана какая-то тайна, но, хоть убейте, не помню, какая...

— Отличное объяснение «обычной девчонки»! — похвалил Дариан, пропустив большую часть моего эмоционального монолога мимо ушей. — А теперь ответь мне или, даже лучше, не отвечай, просто подумай сама как-нибудь: ты действительно думаешь, что если бы тебя не волновал этот мир, не волновало бы в нем что-то так, что ты бы жизнь отдала за это, ты бы смогла попасть сюда? Разве есть такие силы, которые могли бы заставить тебя оказаться здесь?

И, Настя, — продолжил Дариан, — ты действительно думаешь, что ты не знала бы любую деталь в тобою придуманном мире досконально и, как ты выражаешься, «махнув рукой» не могла бы поменять ее? Ты действительно до сих пор полагаешь, что наш мир — это всего лишь текст, заключенный в плоскую книжку?

Даже сквозь слой повязок я чувствовала его довольную ухмылку...

— Скоро подойдут люди, — объявила Арона, заглянув в дверь из второй комнаты.

Я тяжело дышала, стоя у стола с Дарианом; чиновник поблагодарил хозяйку и попросил ее помочь ему немного приподняться.

Мне нужно было прийти в себя. Я направилась к двери, но распахнув ее, увидела Сашку. Он стоял совсем рядом и по выражению его лица, я поняла, что он слышал каждое слово!

— Ты соврала! — рассвирепел он.

(Почему все вокруг обвиняют меня во вранье? А, ну, да, потому что я вру на каждом шагу!)

— Тише! — испугалась я и, схватив его за руку, потащила подальше. — Молчи, только ничего не говори сейчас!

Когда мы отбежали на значительное расстояние от дома, он вырвался и зло взглянул на меня.

— Что ты задумала?! Немедленно признавайся, иначе я сейчас же все расскажу твоим предкам!

— Саша, не кричи, пожалуйста! — умоляла я, наскоро придумывая спасительное вранье. — Мне пришлось сказать Дариану, что я сделаю, все, что они хотят. Иначе, зачем нам им помогать?

— Почему ты?

— Не знаю!

Сашка сузил глаза.

— Они считают меня «избранной». — Сдалась я. — Обычная байда про предопределение и все такое... Но я придумаю, как отвертеться, ты же меня знаешь!

Сашка вскинул голову, чтобы не смотреть на меня; я заметила в его глазах боль.

— Думал, что знаю. — Ответил он и зашагал обратно к дому.

Это было хуже пощечины!

Я встряхнула головой, чтобы отделаться от нехороших мыслей. Я все исправлю, — сказала я себе, — все будет хорошо!

— Подожди меня! — закричала я и догнала его. Сашка молчал. — Не говори

родителям, — умоляюще попросила я.

— А почему нет? — он резко остановился и уставился на меня. — Думаешь, мы такие неудачники, что не справимся?!

Раньше Сашка никогда не позволял себе так мне грубить. Я смотрела на озлобленное лицо с кривой ухмылкой и не узнавала его!

— Боишься за предков? Отправь мать назад — она все уладит с нашими телами, а мы с твоим отцом тебе поможем. Или ты считаешь, что сама лучше справишься?

Я попятилась от него.

— Нельзя, я не могу вами рисковать... — хотела объяснить я, но он меня прервал:

— Не хочешь? Тогда на хрен предков, пусть только я останусь! Иди в портал, а я скажу, что я избранный! У меня ведь по-любому лучше получится! Я хоть что-то смыслю в военной херне!

— Прекрати! — закричала я. — Не дави на меня! Это мой мир, я решаю! Я не буду рисковать ни одним из вас!

— А я, значит, должен тебя им отдать? А твоим врать, что все хорошо?! — выплюнул он мне в лицо.

Мы оба тяжело дышали. К моему горлу подкатил комок, мне хотелось рыдать и куда-то бежать.

— Настя, — откуда-то позвала мама. — Ты нужна, деточка! Подойди к нам!

Я отвернулась от него и поспешила к дому.

В дом втиснулись не меньше тридцати человек, но внутри было тихо. Дариан переместился на кровать, Арона устроила чиновника на подушках, чтобы он мог всех видеть, а сама стояла рядом, словно верный сержант возле раненного генерала. В ненужный момент у меня возник страх толпы — все казалось слишком реальным: полумрак кухни с тускло мерцающими лампами над головой, толпа незнакомцев, которых связывало предстоящее незаконное действие, терпкая смесь запахов пота, страха и возбуждения.

В тишине старого дома, где слышалось лишь дыхание присутствующих, Дариан начал свою речь:

— Первый шаг сделан. — Без приветствия, предисловия и других лишних деталей начал он.

По моей коже пробежала дрожь. Люди вокруг чувствовали то же, я знала это.

— Лаборатория боится. Иначе на меня бы не напали. — Продолжил Дариан. — Она чувствует, что движение началось...

Я обратила внимание, что он не назвал руководителя, а только объект — Лабораторию. Почему? Может они тоже не знают что внутри? Но ведь Дариан там завсегда!

— ...Сегодня нам нужно быть осмотрительными. Не допускать того, чтобы информация стала известна раньше срока. Только один человек предупредит всех, и в назначенный день мы выступим разом!

По комнате раздались одобрительные возгласы и хлопки.

Не я ли этот человек? — пугливо подумала я. Но к счастью, никто не вызвал меня на «сцену».

— Будем действовать тихо. — Повторил Дариан и обвел каждого внушающим взглядом. — Чем больше Лаборатория боится, тем больше зла причинит. Сделаем неосмотрительное сейчас и все рухнет.

Чем тише он говорил, тем больше окружающие к нему наклонялись и прислушивались. Никогда не думала, что революционные речи произносятся шепотом, но я чувствовала возбужденную дрожь людей и сама невольно заражалась ей.

— Пять дней. — Еле слышно шептал старый чиновник. — Три, чтобы предупредить людей, два на подготовку. И мы сделаем свой ход. — Он помолчал, глядя на готовых ринуться в бой. — Победим или умрем, но все кончится ровно через пять дней.

Больше Дариан не произнес ни слова. Арона стояла не шелохнувшись, она будто заранее знала содержание речи и сосредоточенно смотрела перед собой, не обращая ни на кого внимания.

Люди зашевелились — одни ждали продолжения, другие начали переговариваться.

— Кто станет проводником? — спросил мужчина, стоящий в первом ряду.

На всякий случай я притаилась за спинами, но меня не позвали. Из толпы вышел мальчишка лет десяти-двенадцати, задиристо поглядел на собравшихся и забрался на кровать Дариана вместе с ногами. Арона тут же смахнула его подзатыльником. Мальчишка пожал плечами и, вызывающе выпятив худенький живот, встал рядом.

— Рик? — удивился тот же мужчина.

Дариан кивнул.

— Он знает все лазейки и его знают все, — чиновник чуть ли не с обожанием взглянул на пацаненка. — Однажды он пробрался даже ко мне в башню! — рассмеялся Дариан, но тут же поморщился от боли. — Все его любят, прячут от правительства, освободили от школы, а он забрался ко мне и нагло выпросил пирожных. Я чуть не помер, когда обнаружил его в своем шкафу!

Собравшиеся засмеялись; кто-то стал рассказывать о других приключениях Рика и новый взрыв хохота огласил старенький дом. Мальчишка изображал на лице скуку, но я заметила, что от гордости он все больше выпячивает нижнюю губу.

— Но разве можно отправить его одного? — вырвалась вперед сердобольная женщина. — Это же опасно!

Мальш громко хмыкнул и, сунув в рот зубочистку на манер папиросы, продолжил равнодушно пялиться в окно.

— Один он не пойдет, — ответил Дариан. — Но больше я ничего не могу сказать. Любое распространение информации раньше срока, приведет к краху! Доверьтесь мне, — попросил он.

Я задумалась, а почему? Кто он им, чтобы верить его слову? И вообще, почему Дариан явился именно сюда? Как он связан с матерью Тартена?

Но логичные вопросы, которые вертелись у меня в голове, никто не задал. Про «избранность» речь тоже так и не зашла, хотя Арона первым делом спросила именно об этом. Доверившись словам Дариана, люди стали расходиться, а чиновник поманил меня:

— Настя, познакомься с Риком.

Я подошла к ним. Мальчишка смерил меня равнодушным взглядом и снова уселся на кровать (Арона уже вышла и не могла этого видеть).

— Он будет вашим проводником, — пояснил Дариан. — С ним дойдете до моста, а когда минет пятый день, мост освободится, и вы сможете пройти в Лабораторию.

Какой-то короткий план, — подумала я, но не стала высказывать подозрения вслух. Что я еще могла попросить? Отряд телохранителей? Или чтобы Дариан сам за ручку повел нас к Лаборатории?

Я пожала плечами.

— Когда можно уходить?

Дариан скривил незабинтованную часть лица.

— Вначале тебе залечат руку.

— А разве здесь можно еще что-то сделать?

Мальчишка снова хмыкнул. Я и забыла о его присутствии!

— Покажи, — велел чиновник.

Пацаненок лениво переложил ногу на ногу, и на той, что оказалась сверху, подтянул штанину к себе. Я охнула — вся видимая часть его левой ноги была покрыта слоем тонкой бронированной чешуи!

— Как вторая кожа, — чванливо бросил Рик.

Голос у мальчишки был грубым, он явно гордился полу-искусственной ногой.

И тут до меня дошло, что меня ждет та же участь!

— Нет! — я изо всех сил замотала головой. — Я вылечусь дома. Там мази, доктора и все остальное!

Мальчишка пренебрежительно фыркнул.

— Неженка!

Я хотела ответить, но Дариан нас прервал:

— Спасибо, Рик, ты мне очень помог. А теперь отправляйся домой, тебе нужно хорошенько выспаться! — попросил Дариан и легонько толкнул малыша, тот еще раз фыркнул на прощанье, злорадно ухмыльнулся мне, и вышел за дверь. — Рик попал под кислотный дождь еще крохой, — пояснил чиновник (по его спокойному тону было ясно, что он старается отвлечь меня от предстоящей операции), — большую часть его тела заслонила собою мать, которая вскоре умерла от отравления. Мальчишка растил отец — он солгал сотрудникам Лаборатории, что Рик умер, а в доказательство привел разлагающийся труп жены, как она велела сделать перед смертью. Но через несколько лет умер и отец Рика, мальчишку подкармливали общиной, потихоньку учили — ведь в школу ему нельзя. Жить Рик ни у кого не стал — не терпит, когда слишком опекают, очень самостоятельный... — Дариан помолчал. — Он не первый, кто хотел проникнуть сквозь посты, но пока единственный, кому удалось — только он знает все лазейки, всех стражников, лучшего проводника и представить сложно!

— Но вдруг нас поймают?

— Тогда оставайтесь здесь и сражайтесь с нами! — любезно предложил Дариан.

Родителей я нашла на улице. Они о чем-то эмоционально спорили с Сашкой. Я неуверенно подошла к ним. Неужели, он все им рассказал?

— Детка! — крикнула мне мама, приглашая присоединиться к ним. — Как рука?

Я и сама не заметила, что снова сжимаю предплечье — только так становилось легче, мазь действовала все меньше, а язвы, наоборот, разрастались!

— Скоро меня починят, — загадочно сказала я и уселась к ним в кружок. — Что обсуждаем?

— Твоему отцу не нравится Дариан, — ответила мама и неуверенно пожала плечами.

— Да, — подтвердил папа. — Он слишком крутит всеми вокруг, он задумал что-то, знаю я таких!

— У нас нет выбора, — сказала я. — Но скоро мы уйдем отсюда, наш проводник... (я не решилась рассказать о нем подробнее) проведет нас до моста, а там и в Лабораторию попадем — место, где портал.

— А ты уверена, что это на самом деле весь его план? — напрямую спросил отец и я поняла, что Сашка меня не выдал.

Я глянула на него, но он отвернулся, чтобы не видеть ликующей благодарности на моем лице.

— Даже если и не весь, то мы будем далеко и сами решим, как поступить. — Уверенно заявила я. — Главное дойти до моста, а там разберемся! У нас есть пять дней!

— Так много! — ахнула мама.

Я испугалась новых споров и поспешила заверить, что срок с запасом — чтобы двигаться в безопасное время суток и не спешить.

— Что будет с твоей рукой? — вдруг поинтересовался Сашка.

Я скривила гримасу.

— Вам с папой понравится, — буркнула я, и попыталась выкинуть из головы предстоящую операцию.

На крыльце показалась Арона.

— Пора. — Просто сказала она.

Под подозрительными взглядами родных я направилась к дому, но дойдя до двери не сдержалась и позвала Сашку с собой. Пусть чертово лечение неизбежно, но одна я терпеть не намерена!

Арона пропустила нас в комнату, которая располагалась позади кухни. Оказавшись на пороге я невольно попятилась — на меня разом глазели не меньше трех киборгов! Но глаза быстро привыкли к полумраку и я различила многочисленные костюмы и запчасти, а не живых воинов. Прямо как в доме у Тартена! Хотя, не исключено, что это и есть его бывшая комната. Вполне возможно, что он спал на той же узкой койке, на которую сейчас указывала мне Арона!

Быстро проскользнувшее, словно комета по небу, воспоминание о Тартене заставило сердце биться чаще. Но когда я увидела инструменты Ароны, я забыла даже о нем!

Я осторожно легла на койку.

— Хорошо. — Сказала Арона и придвинула ко мне небольшой столик. — Теперь вытяни руку.

Арона дезинфицировала приборы, считала необходимые запчасти и настраивала свет, а я пыталась удержаться и не закатить истерику. Колени дрожали. Я не могла унять их и они подпрыгивали на койке, отбивая жалкий панический ритм. Чтобы отвлечься, я пялилась в окно, но боковое зрение дарило по-настоящему незабываемые виды — Арона протирала спиртом угольные чешуйки и складировала их в ряд, все ближе и ближе к моей перевязанной руке...

Сашка встал сбоку и взял меня за здоровую руку, его голубые глаза так же неотрывно следили за действиями Ароны.

— И это должно мне понравиться? — скривился он.

Я пробормотала что-то неразборчивое.

— Готова? — спросила мать Тартена.

У меня отнялся язык, не в силах ответить что-то членораздельное, я кивнула.

— Хорошо.

Ее постоянное «хорошо», которое она говорила и к месту и просто, как бы подытоживая, начинало бесить!

— Сейчас разверну повязку и сниму мазь. — Объяснила Арона. — Придется терпеть — обезболивающее дам только перед вживлением, иначе оно перестанет действовать раньше, чем закончу!

Судорожно дергая ногами, я проглотила комок в горле и кивнула. Сашка тяжело вздохнул и сдвинул мою руку.

— Жми, когда будет больно, — предложил он то единственное, чем мог помочь.

И тут началось! Противоестественные жаркие и жесткие прикосновения к отравленной коже, заставляли извиваться и содрогаться каждый долгий миг, пока Арона снимала очередной слой мази и гнойных извержений! Я мычала от боли! Руку Сашки я сжимала изо всех сил, но почти не чувствовала его — все мое существо будто теперь было заперто в правой руке, она заставляла меня стонать и проклинать всю Далетанию вместе взятую!

— Хорошо, — перекрывая мое мычание, сказала Арона. — Еще раз промою и дам обезболивающее.

Она была так противно спокойна, что я чуть не послала и ее!

И вдруг холодок!

— Аааааааа...

Прохладная жидкость свободно полилась по руке, останавливая движение открытых воздуха язв. Арона взяла чистую кисточку и стала смазывать их изумрудно-черной мазью, смесь совершенно не чувствовалась. Я расслабилась. Сердце перестало скакать и ноги свободно растянулись на лежанке. Сашка неуверенно подмигнул:

— Скоро все закончиться.

Я не стала объяснять, что самое интересное впереди...

— Говори, если что-то почувствуешь. — Предостерегла Арона.

Доверчиво подняв глаза, я увидела огромную иглу, которую она быстро протягивает ее к моей руке!

— Нееееет! — закричала я, но было поздно!

Словно вилку в мясо, она воткнула иглу в руку!

К горлу подступила тошнота. Я задыхалась, не в силах сдвинуть с места руку с пронзившей ее иглой. В глазах потемнело; сознание ускользало, все окружающее сливалось в пятно.

— Чувствуешь?! — Спросил Сашка.

В его интонации звучали нотки восторга.

— Что? — сквозь бред полубморочного состояния, переспросила я.

— Тебе больно?

Нет! Я всего лишь умираю!

Меня затрясли за плечи, кто-то влил в губы что-то холодное. С трудом приподняв веки, я увидела, взволнованное Сашино лицо и по-прежнему невозмутимое Арона.

— Действует. — Сказала она.

— Вы уверены? — спросил Сашка.

— Да, пора начинать, иначе не успею закончить и тогда действительно придется терпеть!

Я почувствовала, что кисть правой руки передвинули, но не предала этому значения. Я оказалась в каком-то спасительном полубреду, и была этому чрезвычайно благодарна! Пусть делают со мной все, что хотят! А я просто посплю, — решила я и, прикрыв тяжелые веки, провалилась в теплую полутьму.

Я проснулась с громким выдохом, будто только что вырвалась из водоема; сердце громко стучало; серое небо по-прежнему взирало из окна, но что-то изменилось. Зажмурившись, я вытащила правую руку из-под одеяла и пошевелила пальцами — это оказалось нелегко, будто я держала что-то громоздкое, но главное — металлический скрежет, от которого похолодело в ушах. Поборов страх, я открыла глаза и впервые взглянула на новую угольно-черную клешню.

Вот я и киборг...

Тихо встав с раскладушки, я натянула балетки (одежда с вечера была на мне) и вышла во двор. Клешню взяла с собой — я действительно несла ее в левой руке — вдруг отвалится?! Это было не просто непривычно, это было... фантастически, только не сказочно, как я всегда мечтала, а по-другому, это была какая-то извращенная фантастика, в которой девушке-героине не дарит наряды фея, а уродует ее, превращает в чудовище, которое не изменится даже после поцелуя принца!

Смогу ли я с этим смириться? — спрашивала я себя, оглядывая клешню со всех сторон. Хорошо что в разговоре с самим собой не нужно отвечать вслух — «нет» сказанное и услышанное отобрало бы последнюю надежду! Ну, конечно, я смирюсь с этой уродливой клешней! И дальше все будет только лучше и прекрасней!

Из глаз потекли слезы. И рядом не было никого, кто мог хотя бы молча обнять!

Хорошо! Черт, привязалось Аронино словечко! Ладно! Причин для нытья и так предостаточно, нужно успокоиться!

Я положила клешню на колени и стала рассматривать ее будто незнакомого зверька: при самом далеком взгляде все было не так плохо — мне не поставили полноценную, в несколько килограммов броневую лапищу как у Тартена, которой можно щелчком пальца пробить кирпичную стену, меня напротив, будто зашили чешуйками металла поверх язв, при хорошем освещении они даже давали небольшой кокетливый отблеск...

Господи, что я несу?! У меня металлическая лапа!

Уняв очередной приступ пессимизма, я попыталась снова пошевелить пальцами; на троих из них — указательном, среднем и безымянном тоже были чешуйки, более тонкие, чем на кисти, но идеально подходящие — я могу брать что-то и пользоваться рукой как раньше, а может... может даже сил у меня прибавится!

На тропинке во двор показался Рик. Он шел напрямик ко мне и так самодовольно ухмылялся будто сам сделал мне апгрейд.

— Пробовала уже? — без приветствия поинтересовался он, загоревшимся взглядом осматривая лапу, которую я все еще держала на коленях. — Давай, не тяни!

Быстро оглядевшись, он отломил с забора небольшую доску и сунул мне ее под нос.

— Ну же!

Я хотела сказать, что еще и двигаться толком не научилась, но заикнись я об этом — авторитет в глазах мальчишки был бы утерян до конца жизни! Пришлось рискнуть. (Признаюсь, мне и самой этого жутко хотелось!)

Плюнув на внутренний страх, я крикнула и с балбеса долбанула по доске. Она разлетелась на ошметки!

Малец одобрительно заржал. Я вскочила и от счастья завертелась на месте — что бы еще раздолбать?

Я подбежала к скамейке, на которой мы вчера сидели с родителями, возле нее валялись дырявые глиняные горшки. Некогда было спрашивать нужны они Ароне или нет, и я по очереди вдарила в каждый кулаком сопровождая удары боевыми воплями. И горшки тоже разлетелись!

Что еще? — азартно искала подходящие жертвы я. — Пальцы так и чесались! Лапа перестала казаться наказанием!

Рик довольно наблюдал за мной, выпятив худенький живот как вчера на собрании. Черт, да мальчишка спас меня от идиотской истерики!

Мои вопли разбудили маму. Позевывая и сонно жмурясь, она вышла на крыльцо и удивленно уставилась на меня сияющую улыбкой во весь рот. Видимо, Сашка ничего не сказал ей на счет операции...

— Твой... Дариан просил всех нас подойти к нему после завтрака, — продолжая подозрительно меня осматривать, передала она.

— Ага! — невинно отозвалась я.

Совсем забыла, что сегодня мы уходим! Не скажу, что успела прикипеть к дому матери Тартена, но выходить в незнакомую часть Далетании было страшно, тем более теперь со мной родители, а единственный ориентир — мальчишка с ногой киборга. Хотя, мне ли говорить об этом...

Мама воспользовалась тем, что я задумалась и спустилась ко мне.

— А что у тебя на руке, милая? — почти с нежностью спросила она.

И, прежде чем я успела отскочить, схватила меня за локоть.

Все, трепки не избежать!

— Мы бы нашли лекарства! — голосила мама. Ее лицо покраснело, на глаза навернулись слезы. — А теперь что делать? Как это снять?!

Мама орала уже минут десять, на звуки истерики из дома выбежал отец и сейчас я пряталась у него за спиной.

— Ну рука же у тебя не болит? — спросил папа.

— Нет, — пискнула я.

— Вот, а с остальным дома разберемся...

— Вы уже разобрались! — снова заверещала мама. — Лежим все в коме, а сколько еще продержимся?! Может, мы уже мертвы... — тихо закончила она и зарыдала.

Папа подбежал к ней и обнял, пытаясь утешить. Мы стояли неровной группой и думали об одном — мама права. Я совершенно забыла о реальности пока играла с клешней и думала о предстоящем пути, как о приключении. Но разве можно так рисковать родными? Они ведь только чудом тоже не попали под кислотный дождь! А что, если бы на месте Дариана был кто-то из них или Сашка? Что бы я тогда делала?

Нельзя быть глупой! Нельзя. Я ответственна за них. Я должна вернуть их домой любой ценой!

— Мама, — позвала я и подошла к родителям. — Мы скоро доберемся до Лаборатории и попадем домой. А с рукой все будет в порядке. Может даже я окажусь полностью здорова — ведь сейчас мы всего лишь... спим?

Папа прижимая зареванную маму к груди, еле заметно кивнул.

— Пойдем, — я взяла ее за руку, — Дариан ждет. Он поможет нам поскорей выбраться! Мы вошли в дом. Сашка был на кухне, я заметила, что у него грязные руки.

— Подправил немного, — объяснил он, махнув на обеденный стол, где некоторое время лежал Дариан.

Сашка ополоснул руки под умывальником и подошел к нам. Мы все переглянулись.

— Идем, — сказала я и постучалась в комнату Арона.

— Войдите. — Разрешил Дариан.

Я распахнула дверь. Старый чиновник лежал на той же койке, что и я вчера. Лицо и грудь у него все еще были забинтованы, но по шее и плечам «расползлась» чешуя. Видимо Арона провозилась с ним большую часть ночи. Кстати, его криков я не слышала, неужели изнеженный чиновник сдерживался? Вспомнив свои муки, я содрогнулась.

В любом случае, сейчас он выглядел заметно бодрее и даже смог жестом приветствовать нас.

— Поможешь? — спросил он меня.

Вместе с Сашкой мы подняли Дариана в койке, а стол, на котором вчера лежали «пыточные» инструменты, придвинули к нему. Я была ужасно благодарна Ароне, что она не оставила следов своих трудов — вряд ли я сдержала бы истерику, заметив кровавые ошметки или обрывки кожи. Бррр... нельзя думать об этом!

Дариан оглядел нас четверых.

— А где Рик?

— Тута!

Обернувшись, я увидела мальчишку, который пробрался в комнату за нами. Я совсем забыла о нем, а ведь теперь он наш провожатый!

— Отлично! Подай-ка мне те бумаги, — попросил Дариан Рика, указывая на шкаф с запчастями и каким-то хламом внизу.

Мальчишка вытащил потрепанный рулон из кучи и подойдя к нам, развернул его на столе. Схема Далетании, которая дома казалась пестрым лоскутным одеялом, предстала в виде карты. Я затаила дыхание — даже в самых смелых мечтах, я не могла представить такого богатства!

Родные кварды, которых, как я и задумывала было шестнадцать, располагались в виде большого квадрата, с двух противоположных сторон его «венчали» Замок с садом и Лаборатория, с ведущим к ней мостом через озеро. Меня охватило непередаваемо острое желание расспросить Дариана, что находится за стенами, которые окружали квадрат, из чего состоит остальной мир? Но у чиновника, да и у остальных, были такие напряженные лица, что пришлось сдержаться.

— Сейчас мы здесь, — Дариан протянул перебинтованную руку и указал на темный невзрачный квадратик ближе к середине карты (он значился под номером семь). — Пройдете восемь квардов, и вы у озера!

— Почему не напрямик? — без обиняков спросил отец. — Так всего два!

Ох! Папа же не был на вчерашнем собрании — он не в курсе планов Дариана о связующем, который должен предупредить всех о решающем дне. И что же делать — убеждать Дариана идти быстрым путем или убеждать отца рисковать всеми нами ради «светлого будущего»?

— Я проведу их где безопасней всего, — вмешался Рик. Меня удивила его поддержка. — По всем не выйдет — охрана заметит, но совсем напрямик, — он кивнул

отцу, — тоже не прокатит.

Отец и Дариан, избегая взглядов друг друга, посмотрели на мальчишку, который небрежно пожевывая самодельную зубочистку, делился своим замыслом:

— Перейдем в Восьмой, в Двенадцатый, потом в Десятый, Четырнадцатый и оттуда переберемся в Пятнадцатый — там есть доступ к мосту. А потом я вернусь назад — обойду ближние и первые шесть кварталов.

Пять переходов вместо восьми Дариана и двух отца. Согласятся?

Сашка придвинулся ближе к карте.

— Как будем идти? — сменив тему, спросил он Рика. — Полезем через стены ночью или попытаемся обмануть охрану?

Загордившийся было собой мальчишка вмиг посерьезнел.

— Везде по-разному, но самое удачное время — утренний выход на работу и вечерний уход с заводов; до этого мы должны проникнуть за стену и смешаться с толпой.

— С кем связаться, ты знаешь, — отозвался Дариан. — Доверяй только тем, о которых мне рассказывал — любая утечка приведет к краху, — повторил вчерашнее предостережение он.

Я поглядела на кварталы, в которые предстояло проникнуть — Восьмой и Четырнадцатый были элитными, Двенадцатый, Десятый и Пятнадцатый — рабочими.

— А выберемся ли мы на мост с Пятнадцатого? — засомневалась я. — Разве он не лучше охраняется?

— В назначенный день это уже будет неважно, — убежденно заявил Дариан. — Если все получится — стражники оставят посты.

В лице отца я заметила тот же скептицизм, который мучал и меня. Но что я еще могу требовать от Дариана? Придется решать все на месте. Главное, дойти туда и не разделяться!

— Нам понадобится одежда, — заметила я.

— Да, — кивнул Дариан. — Арона собрала все что уцелело. Косметика и остальное для маскировки тоже там, вместе с рабочими робами и едой в дорогу.

— Спасибо вам, — подала голос мама.

— Да. — Сказала я.

— Когда выдвигаемся? — спросил отец.

— По вечернему звонку. — Ответил Дариан; на миг в глазах старика проскользнуло недовольство.

Когда родные разошлись, я задержалась в комнате.

— Берегите мальчишку, — попросил чиновник.

Я в очередной раз задумалась, почему он так тепло относится к Рику. Не сын ли он ему? Хотя нет — его отец умер, да и у бывшего первого советника Властителя вряд ли мог быть тут сын.

Не зная, что сказать «ободряющего», я еще раз поблагодарила Дариана. От чего-то казалось что мы с ним знакомы давным-давно, быть может из-за того, что Дариан видел мои планы насквозь? Не знаю. Но мне жаль было покидать его в таком вот раненном и беспомощном состоянии, за несколько дней я успела привыкнуть к его парикку и богатой одежде, хотя со включенными волосами посреди своей забитой хламом башни он тоже выглядел впечатляюще!

— Прощайте, Дариан, — сказала я, наконец.

Старый чиновник в последний раз проникательно взглянул на меня и кивнул; в его

глазах светилась непоколебимая уверенность.

Вечером мы собрались во дворе; рядом лежали две сумки с припасами. Мы переоделись в безразмерные рабочие формы и выглядели несколько потерянно — страшно было уходить в неизвестность. Я чувствовала неуверенность и дрожь от одной мысли уйти подальше от этого дома.

Рик сидел на крыльце и пялился в серое небо — для него переход был не впервой, но даже он казался взбудораженным — раньше он пробирался через посты один, а когда ты долговязый мальчишка — это не так сложно. А теперь с ним будет компания взрослых, да еще и «важных» взрослых, которых нужно доставить на место в сохранности. Хотя он и старался не показывать этого, я чувствовала, что он нервничает не меньше моего.

На крыльцо вышла Арона. Все эти дни она помогала нам чем могла, но в то же время держалась отстраненно, не проявляя теплоты. Не стала она менять своих правил и сейчас. А чего я хотела? Чем она мне обязана? Про то, что мы знакомы с Тартеном, она не знает, да и если бы знала, что бы это изменило? Ничего хорошего о его жизни я сказать не могу, а остальное она и сама знает. Но все-таки судьба закинула меня к ней. Зачем? Чтобы в очередной раз причинить боль от осознания того, что я никогда больше не увижу Тартена?

Я сжала пуговицу на шее, может я должна отдать ее Ароне? Как весточку от сына? Нет. Пусть я слабачка, но на это я не способна! Может после революции они встретятся. Будь я хозяйкой сюжета, я бы дала им такую возможность.

— Спасибо вам, — сказала я Ароне.

Она кивнула и спустилась с крыльца чтобы нас проводить.

Я бросила последний взгляд на дом с перекошенной крышей и подмигнула ожидавшему Рикю — пора. Мы сгруппировались неровным строем и направились по улице к сереющей вдалеке стене.

Ядром жизни Седьмого квартала был металлургический завод — комплекс грязно-коричневых зданий, объединенных переходами и эскалаторами; предприятие занимало треть территории квартала. На дальнем от трущоб здании возвышались закоптелые трубы, которые не переставая посылали в небо клубы дыма — туда и направлялся Рик.

У мальчишки не было часов, но сигнал окончания рабочего дня он подметил верно — как только мы притаились в тени ближайшего здания, квартал огласила сирена и из дверей хлынул народ. Мы вписались в толпу, но, чтобы нас не заметили, двигались на расстоянии друг от друга, следуя за клетчатой кепкой Рика.

— Сюда! — махнул мальчишка и нырнул в узкий переулочек между помещениями завода. — Сейчас охрана смотрит, чтобы все ушли, — объяснил Рик, — затем пойдут проверять, а мы пролезем...

Он перекинул за спину узелок, который прятал под робой. Сашка и отец прикрепили сумки с нашими запасами под одеждой, поэтому лезть через стену им предстояло вместе с грузом. Чтобы облегчить вес сумок, мы с мамой предварительно одели несколько вещей под рабочую форму и теперь казались на три размера больше.

Мальчишка остановился и прислушался. В полумраке сырого прохода были видны только его блестящие глаза и очертания поднятого пальца — сигнала остановиться; кругом была тишина. Может, здесь надо родиться, чтобы различать какие-то звуки?

— Идем, — наконец сказал Рик, и мы двинулись дальше.

Преодолев темный проем, мы повернули за угол и уперлись в стену. Я подумала, что это тупик, но тут Рик спустился на корточки и стал быстро разбирать кирпичную кладку у самого асфальта. Сашка нагнулся к нему. Я и отец переглянулись. Я ждала осуждения в его глазах — ведь я доверила наши жизни двенадцатилетнему мальчишке, но встретила только спокойную готовность к действиям.

— Готово! — шикнул Рик и первый скользнул в проход.

За лазейкой оказалась крохотная кладовка, забитая средствами и швабрами. Когда все зашли, Рик высунулся, чтобы снова заделать дыру. Закончив, он вытащил из кармана тоненький ножичек и, поковырявшись в замке, открыл дверь.

— Не лучше ли подождать, пока завод проверят? — спросил отец.

— Не — потом все перекроют. У нас десять минут!

Мне будто укол адреналина вкололи — значит, сейчас мы пойдём по тем же помещениям, которые в эту минуту обследуют стражники? Он не мог предупредить раньше?!

Рик ухмыльнулся, подметив испуганные лица.

— За мной! — велел он и, без лишних объяснений двинулся вперед.

Покинув комнатку, мы вышли в раздевалку, соединенную с душем и туалетом; здесь было душно и влажно — рабочие всего лишь несколько минут назад покинули помещение. Рик подошел к следующей двери и прижал к ней ухо. Не заметив ничего подозрительного, он выглянул и поманил нас.

За душевой оказался полутемный коридор, свет постепенно отключали и лампы мигали, теряя энергию. Я заторопилась, предчувствуя, что скоро свет должны вырубить на всем

заводе.

Мы прошли через высокую арку и очутились в просторном цехе — здесь стояли многотонные машины, в которых обрабатывали металл. В цехе было очень тихо и эхо шагов гулко отдавалось на весь зал. Стражников видно не было, но я то и дело оглядывалась — притаиться на заводе, полном других железяк, киборгу труда бы не составило. Рик провел нас до поворота, затем мы поднялись в следующий цех, который пересекали конвейерные ленты и огромные кованные чаши, в которых поблескивали остатки металла. Рик направился к металлической лестнице — она круто уходила в высокий потолок и заканчивалась узким решетчатым мостом, который нависал над залом. Мрачно переглянувшись, мы полезли за ним.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Колени дрожали — мало того, что через решетку моста просматривался весь цех, до которого падать и падать, так еще по ногам струились пары не остывшего до конца металла! Судорожно вцепившись в хлипкие перилла, я глядела на кепку Рика и пыталась отвлечься, но то и дело взгляд падал вниз и мне хотелось сжаться в комок и спрятаться.

В один из таких моментов, я и увидела его — темная фигура, притаившаяся у стены. Забывшись, я охнула, и все разом пригнулись, будто через секунду над головами должна была раздаться пулеметная очередь.

— Что? — психанул Рик.

— Внизу кто-то есть!

Он посмотрел на меня как на полную идиотку.

— Это машины! — Рик пихнул меня в бок и кивнул на то, что меня испугало. — Здесь делают простые запчасти. Киборги сюда и не ходят — здесь слишком жарко для них!

Что ж, экскурсия ко времени!

Я еще раз выглянула вниз — фигура не шевелилась, приглядевшись я разглядела, что это печь. Мальчишка смерил меня убийственным взглядом и поманил всех дальше. Я покраснела — только задержала всех!

После моста мы поднялись еще на пару этажей выше и прошли несколько цехов, я уже хотела спросить, сколько нам еще идти, как Рик остановился посреди безликого коридора и кивнул на окно.

— Пришли, — довольно выдохнув, сказал он.

Не понимая, что мальчишка имеет в виду, я выглянула на улицу — в нескольких метрах под окном шла стена, ограждающая узкий туннель киборгов, за которым лежал Восьмой квартал.

Мы что, должны прыгать?

— Да! — ухмыляясь, ответил Рик, хотя никто не произнес вопроса вслух. — Другого пути нет. Хотите, возвращайтесь, но у нас есть минуты четыре, не больше!

Мальчишка подпер ножом раму и открыл окно. Повеяло освежающим вечерним духом и по коже поползли мурашки, хотя сегодня было тепло.

— Нет! — пискнула мама.

Это придало мне сил. Я сжала кулаки — нормальной рукой и рукой киборга.

— Как? — спросила я.

Рик снова ухмыльнулся. Я убью этого мальчишку!

— По лестнице, — подмигнул он мне.

Лестница — это было очень сильно сказано! Я выглянула, куда показал мальчишка —

прямо под нашим окном на стене завода виднелись остатки пожарной лестницы — металлические выступы длинной с палец и кое-где отверстия в кирпичной кладке. Для мальчишки, это конечно же лестница! Но что делать остальным?

— Я пойду первая! — неожиданно для себя самой вызвалась я.

— Нет! — крикнула мама и прижала ладонь к губам.

— Я спущусь и останусь там совсем одна, если ты ко мне не придешь! — пообещала я и переглянулась с папой.

А как еще можно ее заставить?!

Стена была рядом с окном — ну, относительно, конечно, — прыгать я побоюсь, но заняв ногой хорошую опору на здании, можно достать ее ногой и зацепиться. Хорошо, что я надела рабочую одежду, а не платье!

— Когда встанешь на самый широкий уступ — прыгай на стену — только с него можно туда попасть. — Объяснил Рик.

Я села на подоконник и высунула ноги в окно. Первая подходящая опора — торчащий металлический штырь был в полуметре от подоконника. На землю, до которой метров десять лучше не смотреть! Сама стена высотой три метра и мне до нее нужно преодолеть нехилое расстояние! А уж как с нее слезать думать и вовсе не хотелось!

Сашка коснулся моей руки.

— Давай я, — милостиво предложил он, и, не дождавшись ответа, перемахнул подоконник и полез вниз.

Как у него легко получилось! Я завистливо поджала губы.

Сашка принял меня внизу, а отец придержал мои руки, пока я разворачивалась и медленно нащупывала ногой первые опоры. Оказавшись на стене здания, я почувствовала себя уверенней и, стараясь двигаться быстрее, поползла вниз. Сашка остался на том же месте, и они с отцом стали спускать маму.

Сверху свесился Рик.

— Не падай! — подмигнув, предупредил он. — Оттуда не выбраться — лестница заканчивается высоко над землей.

Вот черт!

Впечатавшись лицом в кирпичную кладку, и растянув конечности, как морская звезда, я продвигалась вниз. Сверху нервно ныла мама, но мне было не до нее — я достигла уступа, о котором говорил Рик.

— Прыгай, — шикнул мальчишка.

Я попыталась развернуться, но по бокам не было никаких упор! Впившись пальцами в трещины между кирпичей, я глубоко вздохнула и, плюнув на все страшные слова, которые вертелись в голове, медленно развернулась на носках. До стены был метр с небольшим, перед спуском он казался куда меньшим расстоянием, но все же, для перехода это возможно. Правда, до земли еще три метра, и упади я туда — заработаю перелом обеих ног!

— Настя, скорей! — напомнил Сашка.

Мама уже была надо мной.

Ничего я не смогу! Я закрыла глаза — пусть все исчезнет, и я проснусь! Боже, пожалуйста, ничего не хочу, пусть будет только теплая постелька! Мама, я не хочу больше!

— Прыгай! Быстрее! Сейчас явится охрана! — шикали на меня разные голоса.

Я открыла глаза — стена не исчезла.

— Черт бы вас всех побрал!

Набрав в грудь побольше воздуха, я сцепила челюсти и оторвала руки от стены и тут же, покачнувшись, чуть не гробанулась вниз! Еще раз. К черту голоса! — хотела крикнуть я, тем кто подгонял меня сверху, но сознание вдруг само их отключило — я видела только стену перед собой — все было настолько реально... медленно... неизбежно... включился какой-то механизм внутри и я, сама боясь и ожидая этого движения, потянула правую ногу к стене, а затем, будто кто-то управлял моим телом, подтянула в комок себя и рывком перекинулась на стену, сев на нее, как на лошадь!

Внутреннюю поверхность бедер жгло от адреналина, от резко растянутых мышц, от содранной в спешке кожи, но я видела обе руки, вцепившиеся в бетон и понимала, что выжила. Я смогла!

Не в силах осознать своего счастья, я глядела на безликое бетонное сооружение и лыбилась во весь рот.

— Отойди! — шикнул Сашка, и я увидела, что мама готовится повторить мой подвиг.

Я отползла назад.

Боже, — думала я, видя ее несчастное лицо и понимая муки, которые сама только что испытала, — чем ей помочь? Я усиленней сжала ногами бетон, — не оторвусь, хоть за голову тяни! — и протянула руки:

— Переходи, — шепнула я, — я тебя схвачу!

Но мама только мотала головой.

В окне зашевелился Рик.

— Я слышу шаги! — сказал он и все на миг замерли.

В окно вылез папа и быстро спустился вниз, затем он прыгнул ко мне (я удивилась его молодецкой прыти) и жестом велел Саше передать ему маму. Мама закрыла глаза. Сашка толкнул ее, и она сделала шаг вперед, но промахнулась! Папа метнулся вперед и, стиснув челюсти, схватил ее за руку. Вместе мы подняли почти невменяемую от страха маму на стену, и я обняла ее за плечи. Сашка таким же резвым прыжком, как папа, присоединился к нам. Рик вылез из окна, осторожно его прикрыл и, быстро спустившись, грациозно «перепорхнул» к нам.

— Кстати, там пока никого нет! — нагло ухмыльнувшись, шепнул он мне на ухо.

Туннель между стенами был не больше метра и, к счастью, Рик верно рассчитал время — сейчас все ближайшие стражники были заняты осмотром завода. Спустились мы тоже легко — вдоль стены Восьмого квартала росли пышные кусты, и папа с Сашкой поймали нас на руки; мама больше не сопротивлялась, она даже перестала плакать от осознания того, что все происходит на самом деле. У меня же было такое прекрасное и смелое настроение, что я только перешучивалась с Риком и думать ни о чем не хотела!

— Кстати, здесь мы и останемся. — Вдруг заявил он.

— Как? — удивился отец. — Они же нас заметили!

Рик уверенно помотал головой.

— Нет, все в порядке! Нужно тихонько высидеть здесь — проверено. — Ответственно, без пафоса, заявил он. — Я все прикрыл, следов мы не оставили. Если выйдем сейчас нас точно заметят! Даже, если переоденемся.

— Значит сидим до темноты? — спросила я.

— Да, — подтвердил Рик. — Здесь предупреждать никого не надо — это элитный квартал. Ночью переберемся в Двенадцатый, там я найду народ.

Значит мы, возможно, доберемся еще раньше, чем планировал Дариан!

Мне вдруг стало жаль мальчишку — взяв нас в попутчики, он очень тормозит и рискует. Но по его поведению, я заметила, что ему хорошо с нами — Рик с удовольствием смаковал подробности перехода с Сашкой, который тоже понял прикол про охрану.

Черт, похоже я, как и Дариан, начинаю обожать этого парнишку!

Часть 2. Глава 15 (начало)

Мы устроились в кустах. Начинало темнеть, но Рик боялся застать в садах запозднвших элитных детишек. Я вспоминала, как сама засиделась на дереве и пришлось блуждать почти в полной темноте. Как тогда было страшно! А потом меня нашел Тартен и устроил допрос... А потом были молнии — это мои родные проникли сюда. Как же все было давно! Как жаль, что их не взял Тартен, тогда бы все было по-другому! Я бы убедила их спасти, и уже была бы дома. И с Тартеном не нужно было бы расставаться... нет, конечно же, пришлось бы... но... по-другому. Мы бы попрощались по-человечески что ли... и ему не пришлось бы читать решение по моему лицу и доверять моему молчанию, я бы все сказала словами... наверное... Нет, такое расставание далось бы мне тяжелей! Лучше уж, как получилось — оборвалось и конец.

Я вздохнула и откинулась спиной на бетонную стену, — пусть меня пронизывает холод, пусть он двигается по моей коже и поглощает меня по частям, продвигаясь все глубже, пусть он поглотит и заморозит мое сердце, чтобы оно перестало так болезненно ныть...

Хочу и не хочу думать о нем! И больно и приятно... и страшно и грустно... и понимаю, что все! И все же ищу выход...

И как я, еще сидя у себя в комнате над исписанными листами, догадалась назначить Тартена начальником стражи моста? Ведь теперь — минимальная — но возможность встречи существует! Пусть мельком — это больше, чем нужно! Кинуть на него последний взгляд, почувствовать, что он существует, что он продолжает жить, что он не плод моего воображения! Если я и готова поверить во что-нибудь в этом бумажном мире, то только в него!

— Холодно? — тихо поинтересовался Сашка.

Он сидел рядом, но не касался меня, безмолвно наблюдая за моими размышлениями.

— Нет, — соврала я.

Принимать его объятия стало как-то неудобно...

Последние дни я держала дистанцию между нами, принимая его помощь, но не отвечая на ласку и ничем этого не объясняя. Интересно, что теперь он обо мне думает? Злится? Нет. Обиделся? Наверное. Будь я на его месте, я бы не только обиделась, но развернулась и ушла, чтобы никогда не видеть предателя!

За что я его так? Ведь он ни в чем не виноват! Но что мне сделать с собой, если я не чувствую прежней связи с ним? точнее, чувствую, но эта связь стала другой — так я могла бы относиться к кому-то из родных, к брату, например. Не думаю, что его это устроит. Хотя он продолжает мне помогать и молчит.

Неужели, он так серьезно ко мне относится?

Сашка поднял на меня взгляд, будто услышал мой вопрос, и улыбнулся. Мне вспомнились наши поездки на великах и плескание в озере, разговоры и долгие поцелуи у моего подъезда... Почему меня так изменило знакомство с Тартеном, что я вдруг бросила своего парня, своего лучшего друга, свою родную, близкую, понимающую частичку души?

Я вымучила улыбку в ответ и, медленно, неуверенно, протянула к нему руку. Сашка сжал ее в своей широкой ладони и склонил голову на бок, будто спрашивая — все? Успокоилась? Мы снова вместе? Я погладила его теплые, родные пальцы, но кивать не

спешила. Не знаю. Мне нужно время! — мысленно ответила я, и отвернулась, продолжая всматриваться в чернеющие вдалеке элитные сады.

— Долго еще? — спросил Рика отец.

Мальчишка оторвался от деревяшки, из которой вытачивал новую зубочистку, и взглянул в сторону домов; по его лицу пробежала не детская сосредоточенность.

— Пол часа, может больше, — тихо отозвался он. — Огни на стене еще не зажгли, а это странно.

— Думаешь, они нас ищут? — пискнула я.

Рик пожал худенькими плечами.

— Тогда бы прочесывали местность, объявили тревогу... Нет, здесь что-то другое.

Я оторвалась от стены и, обойдя родителей, высунулась из кустов. Вокруг была абсолютная тишина — листья спали, как и в прошлый раз. Я силилась вспомнить, слышала ли я тогда, как приблизился Тартен? — да, был тихий металлический скрежет его суставов, но поступь совсем неслышная — сейчас подобных звуков не было вовсе, даже со стены, которую охраняли стражники. Но от этого было еще беспокойней — лучше видеть врага, чем ожидать внезапного нападения.

По правой руке пробежали мурашки — металлические чешуйки не брали тепла тела и оставались отстраненно холодными; я снова почувствовала, что рука не принадлежит мне, она опять стала диким зверьком, который лишь на время прикинулся дружелюбным.

— Что будем делать, если их не зажгут? — спросила я.

— Попроberемся к лазейке, — подумав, ответил Рик. — Обрато всем не пролезть, а здесь нас рано или поздно обнаружат.

Он аккуратно сложил деревяшку в свой кулек и крепко-накрепко прицепил его к спине.

— Что за лазейка? — поинтересовался Сашка, тоже выглядывая из кустов.

— На этот раз прокатимся с ветерком, — неопределенно ухмыльнулся Рик.

— Это как? — испугалась я.

— Восьмой — квадрат Искусств. — Продолжая хитро лыбиться, начал объяснять Рик. — Элитники здесь пишат, малюют, лепят... Но сама увидишь... И живет тут один, — Рик хохотнул, — старый хрен, который как смерти боится, что кто-то сворует его идеи! Он поселился дальше от всех, прямо рядом со стеной, постоянно следит за своей территорией и регулярно требует от правительства дополнительную охрану!

— А не опасно к нему подходить?

— Не! — махнул на меня Рик. — К нему вообще никто не ходит! Он же чокнутый!

— Это обнадеживает, — отозвался отец.

— И слепил он одну штуку, — пропустив замечание мимо ушей, продолжил Рик. — Хотел Властителю подарить, но тот что-то не взял пока... Жуть страшная, но удобная — мигом перепорхнем к Полевым!

— К кому? — не поняла я.

— В Двенадцатый — они занимаются сельским хозяйством и животными, так же, как и все крайние — Четвертый, Пятый и Тринадцатый.

Этого я не знала. Мне вспомнилась пестрое полотно карты — значит, каждый квадрат ответственен за что-то свое — здесь не просто элитники и трущобники, как я думала. Эх, разузнать бы подробней!

— Все, скоро выдвигаемся, — объявил Рик. — Переодевайтесь!

Чтобы не тащить одежду в руках, мы снова поменяли ее местами — рабочую вниз,

элитные наряды наверх, — легкие платица топорщились довольно подозрительно, но этот вариант был лучше, чем если бы мы таскали набитые сумки.

Приготовившись, мы переглянулись, и, друг за другом, вышли на поле, поросшее дикими цветами.

Огни на стене еще не зажгли. Сейчас, пока мы шли по открытой местности (трава едва прикрывала колени), это было нам на руку, но внутренне я напрягалась — любое нарушение заведенного порядка в Далетании означало непредсказуемые последствия!

Мы медленно приближались к садам — в Восьмом кварде, их было раза в три меньше, чем у Замка, но несмотря на это, они были такими же чудесными! Сонные ветви клонились к мягкой, шелковистой траве; мама ахнула, впервые наступив на нее — я поняла ее ощущения — это походило на то, как если вступить на живой плюшевый ковер. Тихо любуясь и вдыхая еле слышные ароматы, мы крадучись пробирались через заросли и мосты, пересекающие приятно журчащие ручейки. Меня захватывало странное, неуместное ощущение — такое возникает от родного дома, когда ты там давно не был и вдруг наконец вернулся; теплый уют, радушие природы — они будто встречали и обволакивали, маня к себе и приглашая остаться.

— Зажигают! — вдруг шикнул Рик.

Я будто очнулась от сна и уставилась туда, куда показывал пальцем мальчишка. Вдалеке, за неровными, чернеющими на темно-синем небосклоне силуэтами домов, мерцал огонек. Прошло несколько мгновений, и вся стена осветилась точно такими же.

— Значит, все в порядке? — спросила я, не справившись с дрожью в голосе — за несколько минут прогулки по саду, я успела позабыть о нашей небезопасной затее.

— Не думаю, — не стал юлить Рик. — Но связана заминка не с нами, здесь что-то другое, повторил он свое недавно высказанное предположение.

По мере того, как мы приближались к домам, магия сада затихала, но возникало что-то другое, еще более захватывающее... какие-то яркие, переливчатые, безумно гармоничные и поблескивающие в ночном небосклоне цвета...

— Что это? — зачарованно прошептала я, но Рик, идущий за несколько метров от меня, услышал.

— Дома, что же еще? — деланно презрительно ответил он, но я услышала довольную ухмылку в его голосе.

Не в силах противостоять необычайной красоте, я оторвалась от Сашки и обогнала родителей, мне хотелось первой увидеть это!

— Это еще что! — гордо заявил мальчишка. Он схватил меня за руку и потащил за собой: — Пойдем, покажу!

Забыв об опасности, о возможном преследовании, о том, что дорога каждая минута, я очумело пялилась по сторонам и не верила своим глазам! Жилища элиты Искусств были... Боже, как же подобрать слова?... Это были не стены, не крыши, не балконы, нет, не было никаких привычных элементов, никакого удобства, практичности... это была сплошь красота — одно единственное слово, которое объединяло эти странные, невесомые, необычайные строения! Не в силах удержаться, я прикоснулась к поверхности ближайшего дома — на фоне ночи он был, как отдельная галактика, прочерченный с мельчайшими подробностями, со звездной пылью, которая оставалась на пальцах! Моя рука коснулась чего-то прохладного, с нежной, подвижной текстурой...

— Это краска! — догадалась я.

— Тише! — шикнул Рик.

Он пихнул меня дальше и махнул остальным, чтобы нас догоняли.

— Они красят дома вручную, — пояснил мальчишка. — Я был здесь несколько раз и каждый они были разные!

Хотела бы я это увидеть!

— Краску, вместе с другой химией, на все кварды готовят в Десятом. Но сюда ее закупают больше всего — не могут наши «маляры» сидеть в одинаковых домиках, надоедает, видно!

В мальчишеском голосе проскользнула глубоко запрятанная обида. Мой взгляд упал на его лохмотья, но Рик тут же потащил меня дальше, показывая остальные дома: радужные, блекло-пастельные, перламутровые, алмазно-призрачные, ало-закатные... За обилием толстых слоев масляных красок разглядеть их форму было нереально, и я просто погружалась в чистые, гармоничные моря оттенков и полутонов. Как выглядело это при дневном свете не хотелось даже думать, наверное, я бы ослепла, увидев эти шедевры в полную силу!

Обалдев от обилия красоты, я не сразу заметила, что впереди возвышается огромное темное здание, похожее на бочонок.

— Не врежься, — снисходительно предупредил Рик и остановился в двух шагах от деревянной стены.

— Что это? — спросила я.

Бочонок был в несколько раз шире и выше любого дома, так что это вряд ли было жилое строение.

— Луковица, — ухмыльнулся мальчишка и, вдоволь отсмеявшись над моим недоуменным выражением лица, объявил, что огромный бочонок — это Лабиринт литераторов, который по форме внутреннего устройства действительно напоминает обычную луковицу. — Заходишь, задаешь любой вопрос и к тебе прилетает книга, — все еще смеясь, объяснял он мне и подошедшим родителям, — и ты носишься туда-сюда по Лабиринту, пока не прочитаешь до конца, а в это время тебя глючит не по-детски!

— Что за ерунда? — спросил отец.

— Давайте зайдем! — одновременно с ним, предложила я. — Ну правда! Я на одну секунду, а вы пока обойдете и подождете меня с той стороны!

— Только через мой труп! — подала голос из-за его плеча мама. — А вдруг ты потеряешься?

— Но как?... — мой голос оборвался от переизбытка чувств. — Это же лучшее... это же мое! Я не могу так уйти!

Я так перевозбудилась, что готова была бросить их, только бы попасть внутрь! Одним глазком заглянуть в сердце Далетании — ведь там настоящее царство — книги, творчество, искусство и все это оживает на глазах! Да, многое в этом мире устроено неправильно, аморально, но в Лабиринте книг... может, там я найду ответ, что мне делать?! Может, это именно то место, куда я должна попасть, для чего судьба и закинула меня сюда! Это даже не мечта, это... как часть моей души!

Я уже готова была улизнуть, как Сашка предугадал мой маневр и настойчиво сжал за руку.

— Нельзя задерживаться! — шепнул он мне на ухо. — Это слишком опасно!

Я знала, знала! Но идите одни, отпустите меня, черт возьми!

Он предугадал и это:

— Без тебя мы никогда не уйдем! Хочешь, чтобы нас всех поймали?

Гадкие, слишком правдивые слова! А как хочется просто окунуться в мечту и обо всем позабыть! Этот квадрат, это, наверное, лучшее творение моего подсознания ну, или лучшее, что сумели изобрести созданные мною персонажи... Если бы я только могла проникнуть внутрь Лабиринта!

Я бросила последний взгляд на бочонок и с кислой миной двинулась вслед за Риком, который без интереса ждал, когда кончится семейная стычка.

Пока мы обходили Лабиринт, я завистливо поглядывала на непроницаемые сцены и сжимала челюсти, чтобы не нагрубить родителям. Вспомнилась библиотека в Замке, — интересно, книгам там тоже задают вопросы или их просто читают? И почему я не потратила хотя бы несколько минут, чтобы это выяснить?! Ведь у меня была куча возможностей, а вместо этого я гонялась за Мией и торчала в садах!

Видно Рик спиной чувствовал мой настрой потому что, когда он обернулся, на его губах играла понимающая ухмылка. На него точно не было повода злиться, но все же я почувствовала некую обиду — мы проторчали столько часов в кустах у стены, а могли бы проникнуть сюда пораньше и все нормально рассмотреть!

Стоп! Остановись! Мы же совершаем секретный побег! — велела противно-рациональная часть меня. Вторая половина тут же показала ей язык.

— Сейчас будет тоже кое-что интересное, — заговорчески прошептал Рик и подмигнул.

Вначале я не поняла, что он имеет в виду — за бочонком и несколькими домами литераторов (они были узкие и напоминали книжные корешки), снова открывался такой же сад, как мы прошли в начале. Я без интереса пожала плечами, но мальчишка, продолжая надменно ухмыляться, пропустил меня вперед. Я вступила на ближайшую тропу и пошла по направлению к мерцающим за густыми кронами огонькам. Все вокруг было симметрично (насколько я могла судить) предыдущему саду, за исключением нескольких строений, которые были искусно спрятаны между деревьев; эти дома по праву принадлежали скульпторам — однотонно-белоснежные или легкого молочного оттенка (в полутьме было сложно различить), в отличие от жилищ художников, они были словно вырезаны из кости или подобного цельного материала — каждая линия, каждый ярус этажа и лестницы были словно прочерчены скальпелем, нежелезные прибиты или прикручены, — все говорило о том, что, прежде, чем стать домом, огромный кусок монолитного материала был доставлен на место и дальше в нем прорезывались комнаты, балконы, колонны, окна...

Мне снова мучительно захотелось прикоснуться к чудесному творению, но как только я соскользнула с тропы на траву, то споткнулась о что-то твердое и чуть не упала! Я схватилась за куст, чтобы удержаться на месте, но рука захватила не листья, а их неподвижные ледяные копии! Это был не настоящий куст, а виртуозно выполненная подделка! Трава под ногами тоже оказалась сделана из какого-то твердого материала, не камня, но чего-то похожего.

Получается, весь сад, по которому мы шли, всего лишь имитация? Дело скульпторов или лепщиков, как их называл Рик?

Я обернулась на родных, которые тоже поняли в чем дело и, не в силах противостоять магии мгновения, остановились разглядеть чудесный сад.

— Зря ты нас сюда привел, — сказала я Рикю. — Еще пара минут и мы не захотим отсюда уйти!

Подоспевший за мной Сашка воспринял невинную шутку по-своему и, стиснув челюсти, попросил всех поторапливаться.

Тесной кучкой мы продолжили путь к стене.

— Еще сюрпризы будут? — спросила я Рика, вспомнив замечание про «полет с ветерком».

Вместо ответа он сунул зубочистку в рот и довольно зашагал к открывавшемуся за деревьями полю.

Часть 2. Глава 15 (окончание)

До рассвета оставалось еще полно времени, но мне казалось, что уже светлеет. Может быть это было связано с тем, что мы опять шли по открытой местности, а, может, потому, что к горлу опять подкатил страх — мы снова должны были покинуть ставший привычным мир (пусть даже на пару часов) и попасть неизвестно куда. Про следующий, Двенадцатый квадрант, Рик обмолвился только, что это территория рабочих и что там занимаются сельским хозяйством и животными. Допустим, сейчас мы переберемся через лазейку, но что мы будем делать там? К кому пойдём? А вдруг нас обнаружат или вообще выдадут?

Оглядываясь на сад скульпторов, мне казалось, что я прощаюсь с чем-то привычным, родным, похожим на то, что считается домом. Останься мы здесь и, быть может, я бы нашла здесь единомышленников или, по крайней мере, персонажей, говорящих со мной на одном языке — творчества, вдохновения, быть может, они бы даже приютили нас! Мне надоело делить персонажей на элитников и труппников — ведь все они личности и не могут быть только плохими или хорошими, тупыми или умными, равнодушными или сострадательными, в зависимости лишь от материального положения!

Но Рик продолжал вести нас вперед, и я понимала, что должна довериться ему — он знает Далетанию лучше, как бы мне и не хотелось этого признавать! Пока из элитников я близко знакома только с Мией, и ей я бы уж точно не доверила свое спасение! Хотя и пыталась, признаюсь! Дариан — другое дело. Но его все же нельзя назвать полноценным элитником... с ним связана какая-то тайна... да и с Ароной он общался и революцию планирует, нет, он точно не элитник! Получается, довериться можно только рабочим! Пора смириться!

Я бросила последний взгляд на отдаляющиеся сады — пусть обстоятельства не дают здесь остаться, но кто помешает проникнуть сюда в моих снах, фантазиях, когда я окажусь дома? Конечно, я не буду снова доводить себя до комы, но одним глазком я все же подгляжу! — твердо заявила я себе и отвернулась, чтобы не дразнить себя планированием побега от родных.

Впереди замаячил дом Чокнутого. Объяснение были излишни — даже будь тут десятки жилищ, я бы распознала дом этого персонажа — так живо расписал его личность Рик.

Несмотря на то, что Чокнутый (как я поняла) был скульптором, он не воспользовался традиционными здесь мотивами — не стал вырезать комнаты из монолита, а вместо этого надстраивал их друг на друга в какой-то безумной манере: строение, в котором он жил и творил, напоминало небрежно сложенные друг на друга ящики из-под фруктов (только каждый ящик был размером с пол этажа и из неведомого, но явно дорогого материала), между бесконечными балконами, которые были перемешаны с разномастными окнами и внешними лестницами, тут и там виднелись впихнутые фигурки уродливых горгулий, большинство из которых висели столь ненадежно, что создавалось ощущение, что они вот-вот рухнут на землю.

Кстати, приглядевшись я и правда заметила в траве возле дома несколько развалившихся каменных глыб — то ли это были заготовки для будущих работ, то ли дом действительно частично извергал чудных каменных зверюшек со своего фасада.

Не приближаясь к хрупкому и откровенно уродливому строению, мы обошли его, и

попали в сад в исполнении увлеченного скульптора: вместо деревьев и растений здесь располагались многочисленные постаменты с памятниками людей, при ближайшем рассмотрении больше напоминающие злостные шаржи, чем натуру.

В реальном мире за такие работы он бы получал неплохие деньги (конечно, если бы не изображал высокопоставленных фигур) — силуэты из камня были высечены грубовато, но смотрелись добротнo; в отличие от пугающих горгулий, в каждом из этих изваяний была своя душа, даже некое обаяние. Природное любопытство не позволило мне проскользнуть вслед за остальными к стене, и я остановилась, рассматривая дружелюбных, смеющихся и корчащих рожи, памятники.

И вдруг... ох ты!.. да это же Дариан! Собственной персоной, в своем громадном парике с пышными буклями и в расшитом камзоле!

— Рик! — позвала я, показывая на постамент с возвышающимся изваянием старого чиновника.

Мальчишка подошел и взглянул на скульптуру, затем нахмурился и кивнул, указав на стену.

— Теперь ясно, почему они не зажгли огни вовремя!

— Что? — переспросила я.

Как костры стражников могут быть связаны со скульптурой в саду?

Сощурившись и склонив голову на бок, Рик рассматривал статую.

— Думаю, по Дариану сегодня была панихида, — наконец высказал свое предположение он.

— Но он же жив!

— Ага, только кто это знает? — отозвался мальчишка и, пораскинув мозгами я поняла, что он прав — Алехису, который скорее всего и устроил покушение на нас, чрезвычайно выгоден «уход со сцены» первого советника, — раз Дариан официально мертв, значит, Алехис уже наверняка получил повышение!

— Но нам ведь это тоже на руку? — осторожно спросила я. — Алехис на время успокоится, не будет нас искать, да и про революцию раньше времени не узнает?

Рик взглянул на меня и мне очень не понравился взрослый блеск в его глазах.

— Теперь вскроется прошлое Дариана и, когда он вернется, а по плану он должен это сделать, — очень тихо объяснял Рик, — отношение к нему может снова стать... как это сказать... ну, когда на тебя смотрят как на букашку, которая мешается под ногами.

— Но он же приближенный, он же сидел рядом с Властителем?!

Рик быстро осмотрелся по сторонам (родители с Сашкой были заняты обсуждением перехода через стену), и зашептал мне в ухо:

— Дариан — бывший киборг (я ахнула и прикрыла рот ладонью — представить старого разнеженного чиновника в металлической броне было нереально!), а верхушку пролез таким странным способом, что сам не рассказывает, как. — Рик помолчал. — Знаю только, что, когда он латы снимал, его родные... в общем, он многое в жертву принес...

Мы синхронно вздохнули и взглянули на каменную улыбку, навечно застывшую на губах Дариана.

— Так что теперь будет, ну, если они вновь все это вспомнят? — спросила я.

Рик дернул худеньким плечом.

— Все зависит от главного.

— От Олегадарана?

Он кивнул.

— Если по злему его проводят — ну, сплетни всякие, тогда он вряд ли сможет вернуться.

У меня промелькнула обнадеживающая мысль.

— Но огни ведь долго не зажигали и потом... этот памятник... это ведь почести, дань памяти?

— Может быть. Ладно, идем! — напомнил мальчишка и направился к стене.

Я в последний раз взглянула на двухметровое изваяние. Эту ли тайну я имела в виду, когда задумывала Дариана? Но нет, что-то еще крутилось в голове... очень-очень рядом... И хорошо! Может быть эта тайна и станет его козырем в рукаве, ведь, в конце концов, я действительно хочу, чтобы его план революции удался!

Через стену мы перепорхнули за несколько минут — умений не понадобилось никаких — помогла очередная скульптура Чокнутого. Это оказался его собственный автопортрет метров в пять высотой, вытесанный из камня с применением других подручных материалов — одежды, волос и грубой кожи, из которой в частности были сделаны сапоги.словно муравьишки, мы легко взобрались на фигуру.

На автомате, все еще не в силах отделаться от мыслей о Дариане, я повторяла движения других и очнулась только тогда, когда оказалась на земле на противоположной стороне. Папа как раз на руках спускал маму, которую внизу принимал Сашка. Всполошившись, я быстро оглядела стену, но не увидела ни одного охранника — даже у ближайших костров никого не было видно. Но почему? Разве они не должны строго выполнять свои обязанности?

Рик, спустившийся последним, махнул чтобы мы пригнулись и следовали за ним. Я молча подчинилась, но не могла отделаться от цепких панических пальцев, которые словно поглаживали мою спину, заставляя то и дело оглядываться. Мы проследовали вдоль стены, но не в направлении к центру квадрата (на сколько я могла ориентироваться в темноте), а, наоборот, к его краю — туда, где собственно кончался населенный мир и начинались поля.

Охранников на стене по-прежнему не было.

Мы дошли до угла Двенадцатого квадрата и остановились. Впереди виднелись какие-то машины или автобусы, издалека я не могла разобрать.

— Сейчас вернусь! — шепнул Рик, и, быстрой тенью отбежал от нас. Через несколько минут он подал нам сигнал и, по одному, мы подбежали к нему.

Прямо у стены, в нескольких десятках метров от охраняемого выхода из квадрата, действительно стояли несколько автобусов и грузовые машины, от которых пахло соляжкой и сеном. Следуя за мальчишкой, мы проскользнули в крытый кузов одного из грузовиков.

Наступив на что-то мягкое я чуть было не заорала, но это оказались всего лишь пустые мешки из-под овощей; в полной темноте, хватаясь друг за друга, мы устроились прямо на полу.

— Здесь я вас оставляю, — в пол голоса сказал Рик. — Вернусь через пару часов.

— А не опасно сидеть здесь под носом у охраны? — спросил Сашка.

— Они здесь не появляются, — заверил Рик. — По ночам для полива урожая на полях и в ближайших землях проходят дожди.

Дальнейшие объяснения были излишни — я помнила реакцию бедных киборгов, когда они панически заметались при первых каплях, упавших с неба.

— Ладно, спасибо, ты молодец привел нас сюда! — поблагодарил отец. — Будь

осторожен!

Даже в темноте я почувствовала смущение Рика, смешанное с мальчишеской гордостью, подобное которому он испытывал на собрании Дариана. Я мысленно похвалила отца — Рик действительно здорово нас провел!

Мальчишка уже было стал продвигаться к выходу, но внезапно у меня в груди сильно забилось сердце — я представила, как сейчас устроюсь на пыльных грязных мешках и просплю всю свою жизнь, все свои возможности, всю сказку, которую мне подарили высшие силы!

— Рик, — шепнула я, пытаясь нащупать его руку, но вместо этого схватила за нос.

— Ох!

— Прости! Рик, возьми меня с собой!

— Ты что, с ума сошла? — даже наперед мамы успел высказаться Сашка и, прежде, чем я успела оправдаться, мертвой хваткой схватил меня за ногу. — Мы еще не выбрались, охранники рядом, что ты опять задумала?

— Он прав, — ехидно отозвался мальчишка, — один я мигом всех оббегу, а ты застрянешь еще где-нибудь!

Он специально меня дразнит?!

— А я осторожно, — настойчиво уговаривала я того и другого. — Мне нужно там побывать!

Я нежно провела по Сашиной руке.

— Тогда и я с тобой!

— Этого не хватало! Все, мне пора! — сказал Рик и вылез наружу, но через щелку я видела, что уходить он не спешит. Черт, я действительно его обожаю!

— Саша, ты же понимаешь, что я должна!

Мама хотела встрять, но Сашка, вопреки воспитанию, перебил ее на полуслове:

— Ты вбила себе все это в голову, но ты ничего не должна. Ты же не хочешь, чтобы я... — он не договорил, но по опасной интонации я поняла, что он намекает на то, что может меня выдать.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась я, вопреки моей злости от обиды, в голосе зазвучали слезы. Ну и пусть, пусть я буду плаксой, но он не сможет меня удержать!

— Я очень хочу пойти! И я буду очень осторожной, — как можно спокойней сказала я.

— И я с тобой!

— Нет! Ты должен быть здесь. Втроем нас точно заметят!

— Довольно, иди уже! — рыкнул отец, и как я забыла, что он не терпит женское нытье (чем частенько пользуется мама, выпрашивая обновку)? — Ты, парень, останешься, — велел он и обратился напрямую ко мне, не терпя никаких возражений: — даю тебе два часа. Не вернешься — пойдем все тебя искать, а так нас точно заметят и схватят. Если не хочешь этого — возвращайся вовремя и невредимая!

— Ага!

Радостная, я вырвалась из ослабшей хватки Сашки и спустилась с грузовика на землю.

Конечно, по возвращении мне придется с ним объясниться, но сейчас, сейчас я отправляюсь в путешествие в гости к своим персонажам! И ничто и никто мне не помешает! Я снова вольная героиня в своей сказке! И пусть только на пару часов! Уууууррррраааааа!

Рик действительно меня поджидал.

— Пошли! — подмигнул он и шмыгнул за грузовик.

Я думала, что мы сразу направимся в глубь квартала, но мальчишка, повел меня на стоянку автобусов. Выбрав самый дальний, он остановился около водительской кабинки и принялся там ковыряться, затем медленно, стараясь не создавать шума, приоткрыл дверь. Вслед за ним я поднялась в автобус и, пробравшись мимо руля и коробки передач, пролезла в салон.

В окна едва проникал отсвет темно-синего ночного неба, отчего ряды кресел казались наполнены живыми тенями. Я уже немного пожалела, что залезла за мальчишкой — на улице было не так страшно!

— Чего уставилась? Иди сюда! — поторопил Рик и махнул с заднего ряда.

Стараясь не вглядываться в черноту, наполнявшую кресла, я поспешила к нему.

Плюхнувшись рядом с Риком, я заметила, что сиденья довольно просторные — вдвоем мы поместились на одном кресле и еще осталось место. Мелькнула мысль — зачем рабочим такой комфорт? Но меня отвлек Рик, который юркнул под сиденье и исчез в темноте. Сидеть одной в пустом автобусе жутко не хотелось!

— Что там? — спросила я.

Мальчишка ответил что-то неразборчивое, я закатила глаза, и стала нервозно вглядываться в окна — не выслеживают ли нас киборги? Сейчас было идеальное время, чтобы схватить нас с поличным!

Спустя пару нервных минут, Рик вылез. В его руках виднелись пара свертков. Мальчишка разложил их между нами и стал разворачивать — в одном оказались яблоки и бугорчатый огурец, а в другом крохотный кусок жареного мяса.

В животе призывно заурчало. Мальчишка ухмыльнулся:

— Подзакусим и пойдем, — шепнул он, кивая на снесь. — У меня еще есть лепешки!

Поковырявшись в своем узелке, он достал сильно пахнущие маслом и жареным луком лепешки и крохотный коробок с солью.

— Ну чего сидишь? — подбодрил он (мне было неудобно отбирать у парнишки еду, зная, как ее нелегко добыть). — Хватит кривляться, иначе с собой не возьму! — властно добавил он.

— Ладно! — я взяла лепешку и с удовольствием вдохнула запах — такой когда-то был у меня, когда я пыталась готовить (обычно все подгорало). — А кто это тебе оставил?

— Местные, — невнятно откликнулся Рик, уплетая нехитрый поек. — Я им помог когда-то с сыном из Первого связаться, да и так — весточки передаю иногда, вот люди и оставляют! Когда что с полей, а когда орехи... — мечтательно произнес он.

С удовольствием уписывая ужин, мальчишка рассказал, как он подружился с мужиком из полевых и позже с его женой, которые угощали его настоящим мясом — в квартале они отвечали за коров.

— Их сын работает в Первом — Придворном квартале, связаться с ним они не могут, вот и используют меня, когда я туда попадаю.

— Постой! — не поняла я. — А разве трущобники, ну, то есть, рабочие, не живут и не

работают там же, где живут?

— Только основная часть, а разнорабочих — уборщиков, мастеров ремонта и других дел, берут из ближайших кварталов. — Рик помолчал, смакуя особенно вкусный кусок. — По деньгам — это лучше, но работа не стабильная — что-то хозяину не понравилось — сразу уволит, а твое место в родном квартале уже занято!

— Но Двенадцатый ведь далеко от Замка? — возразила я, вспомнив карту.

— Тут другая история. Давай по дороге расскажу! — предложил он.

Покончив с едой, Рик снова велел переодеться. Я сняла элитное платье и оставила только рабочую форму, которую, чтобы та не висела, подвязала шелковым кушаком от бывшего наряда Мии. В робе было сподручней передвигаться и лишние слои одежды не будут шелестеть, когда мы будем пробираться вдоль жилых домов — трущобники наверняка спят более чутко, нежели элитники, а кто знает, вдруг они поднимут панику если нас заметят?

Рик убрал остатки еды и, снова проскользнув через кабинку водителя, мы оказались на улице. В этот самый момент над нашими головами раздались первые раскаты грома — Лаборатория сгущала тучи над полями, чтобы подпитать их ночной влагой.

В первые секунды я инстинктивно схватилась за правую руку, которая все еще помнила прикосновение кислоты.

— Дождь не опасен, — пояснил Рик.

Я кивнула и постаралась не думать о каплях, которые уже падали мне на лицо — Рик ведь не боится, а на его ноге гораздо большая чешуйчатая заплатка! Да и показывать свой страх мальчишке не стоит — слабачку он с собой не возьмет!

Я гордо распрямилась и, не теряя времени, мы двинулись вдоль стены. У меня проскользнула мысль заглянуть к родным, чтобы убедить их, что все в порядке, но я сразу ее отвергла — тогда они точно отговорят меня идти. А ведь я буквально в нескольких шагах от нового приключения!

Догнав Рика, я напомнила ему об обещанном рассказе — разбушевавшаяся стихия давала хорошее прикрытие, и мы могли говорить чуть громче шепота, не опасаясь киборгов.

— Ладно! Только молчи об этом, — посерьезнев, предупредил он. — Все, что я узнал в своих вылазках — под запретом. Слышала про Выставку?

Я отрицательно помотала головой.

— В Первом квартале несколько раз за год устраивают Выставку — это такой показ детей богачей перед правительством. Там есть судьи и мастера — они проводят конкурсы и выбирают победителей, кто-то берет себе детей в подмастерья. Правительство тоже выбирает — самых красивых делают пажами в Замке. — Рик замолк и затравлено огляделся, не заметив ничего подозрительного в жидких кустах, он продолжил: — Но есть и отдельный конкурс, для тех, кто хочет работать в Лаборатории.

Я еще больше прислушалась — все, что касалось Лаборатории, я должна выучить на зубок, чтобы выбраться отсюда!

— Туда отбирают самых способных, которые хорошо учатся или могут долго работать и не выпендриваться.

Трудолюбивых, — подумала я.

— Их тоже берут в подмастерья — вначале они прислуживают, выполняют всю грязную и тяжелую работу и если справляются, то их забирают насовсем.

— Как это насовсем? — громче, чем надо спросила я.

— Тише! — пригрозил Рик и продолжил: — Если туда берут — это очень престижно. Выше только советники и Властитель. — Шепотом пояснил он. — Все хотят туда попасть — там ведь и лечат и опыты всякие проводят, а все хотят узнать, как это происходит! — Почти с восторгом произнес он (я с сожалением сжала свою клешню — я бы тоже хотела узнать кое-что про их опыты!). — Но, чтобы все секреты не узнали остальные, прошедшие отбор расстаются с семьями и больше в квардах не появляются — всю оставшуюся жизнь они живут Там.

Как же надо любить свое дело, чтобы бросить родных? Я бы так никогда не поступила!

И вдруг я поняла, что кое-что в рассказе Рика не сходится:

— погоди, а этот мужик из полевых, ты ведь сказал, что его сын живет в предзамковых землях, значит, для детей рабочих тоже устраивается Выставка?

Рик довольно подмигнул — ему явно польстила моя внимательность.

— Они — бывшие элитники. — Ответил он.

— Как это?

— Их старшего сына еще мелким забрали в пажи, а двух его братьев отправили в Лабораторию. Полевые были очень привязаны к детям, просили их оставить, даже препятствовали сыновьям, которые служили при Лаборатории. А у элитников не принято возмущаться, слушаться правительство, вот Властитель и испугался (еле слышно сказал Рик) и прогнал их сюда.

— Ого! — охнула я.

По моей задумке элитники были неприкосновенны; но, честно говоря, большей частью я и не задумывалась об их образе жизни — для сюжета они были фоном, картонной декорацией, который я раскрасила в пестрые цвета и забыла.

Мне снова стало стыдно.

— Так ты помогаешь им общаться с тем сыном, который в Замке? — спросила я, чтобы сменить тему и прогнать подступившую тошноту.

— Да, — пожал плечами Рик. — Как их прогнали, сразу запретили с ним общаться, чтобы они ему ничего не рассказали... и сами не замыслили ничего...

— А они...? — хотела спросить я, но Рик прижал поднятый палец к губам, и я поняла, что пора заткнуться. Нашла время для расспросов о революции!

Пока мы болтали, впереди показались первые дома — это были постройки для сельскохозяйственных животных — из отверстий между досками слышалось тихое сопение и фырканье. Проскочив ряды хлевов, мы вступили на извилистую улочку. За спиной слышался уверенный шум дождя, я надеялась, что он заглушит наши шаги — расстояние между домами было такое узкое, что приходилось двигаться боком, хорошо еще, что в домах рабочих не было открытых окон!

Рик скользил вперед неслышно, как дворовый кот на охоте, я старалась вторить ему, но меня то и дело отвлекали любопытные детали маленьких ветхих домиков, и я просто не могла идти ровно, пялясь себе под ноги! Жители Двенадцатого или «полевые», как о них обмолвился Рик, единственные из рабочих, кто имел право выходить в поля, правда, об этом можно было догадаться, даже если бы я не знала, чем занимаются в этом кварде — на каждом доме, на стеклах, крыльце или просто на стенах были прикреплены букетики цветов, пучки трав, рядом с большинством домов виднелись клумбы с ромашками, лютиками, зверобоем, заботливо пересаженными с полей. Это выглядело наивно, по-детски, и напоминало гербарии в детском саду; мне представились местные жители, наверное, это

очень мягкие, романтичные персонажи, кто еще мог, вместо того, чтобы отремонтировать дом, украсить его букетами? Несмотря на явную нелогичность, здесь было безумно приятно находиться — Двенадцатый напоминал заброшенную деревеньку, с полуразвалившимися домами, которая постепенно зарастает сорняками и милыми, нежными полевыми цветами.

Заглядевшись на очередную клумбу, я не заметила, что Рик остановился и чуть не налетела на него. Он в это время пальцем тихо стучался в окно. Через несколько секунд в доме послышался шум, мы поднялись на крыльцо и затаились.

— Только не пялься на них! — через плечо шикнул Рик.

— Что? — переспросила я, но тут дверь приоткрылась, и я приглушенно охнула — в мерцающих бликах свечи над нами возвышалось нечто огромное...

Мальчишка пихнул меня в бок и юркнул в дом, я опустила голову и, смотря себе под ноги, прошла следом. С тихим шелестом за спиной затворилась дверь; в полумраке я отыскала худенькую фигуру мальчишки и встала рядом.

Громадина прошла через комнату и поставила лампу на широкий обеденный стол, затем принялась копаться на соседних полках. Я во все глаза пялилась на фигуру: жутко мускулистые конечности и торс выглядели непропорционально, будто для скорости их «надули» стероидами — мышцы топорщились в разных направлениях. Лицо скрывалось за раздутой шеей, но, когда туша развернулась, я чуть не прикусила язык от натуги — это оказалась женщина! Я вспомнила предупреждение Рика и быстро опустила глаза в пол.

В отличии от меня, мальчишка не чувствовал никакого смущения — приветливо крякнув, он улыбнулся во весь рот.

— Как поживаешь, Адра?

— Хорошо! Сейчас поставлю чайник! Устал с дороги?

Голос у женщины оказался очень нежный, — не увидь я ее, представила бы перед собой симпатичную и очень мягкую женщину лет сорока-пятидесяти.

— Нет, мы сыты. — Быстро сказал Рик. — Я здесь по поручению Дариана, мне бы Вайлю словечко сказать...

— Да, да.

Хлопая ресницами, туша подалась к двери в соседнюю комнату, но Рик ее остановил:

— И еще... Дай нам карту на пару дней. Очень прошу!

Женщина обернулась, но исполнять просьбу не спешила. Впервые со времени нашего прихода, она смерила меня коротким оценивающим взглядом и отрицательно мотнула головой. Рик хотел возразить, но вдруг за ее спиной послышался треск и дверь в комнату открылась. Под жалкий свет керосиновой лампы вышла еще одна перекачанная глыба — на этот раз мужчина.

На маленькой кухне стало невыносимо тесно; я инстинктивно вжалась в стену.

— Рик! — смачным басом взревел мужчина и протиснулся к мальчишке, хватая его руку. — Дружище! Мы только тебя вспоминали!

Мужичище подхватил Рика и стал его тормозить, мальчишка засмеялся. Видя его расслабленность в руках чудовища, я тоже попыталась изобразить улыбку, но вряд ли вышло очень удачно. Что это со мной? Ведь Вайль и Адра лишились обоих сыновей, поэтому они и прониклись нежностью к Рику. Неужели я могу быть настолько бесчувственной? Не виноваты же они, что у них видок, как у пары ходячих монстров!

— А ты кто? — внезапно обратил на меня внимание Вайль.

— Это Настя, она со мной! — прохрипел мальчишка, пытаясь нанести удар Вайлю,

который все равно ничего бы не почувствовал.

Вайль наклонил ко мне голову и скорчил неприятную рожу, пытаясь, видно, меня повеселить. Я сделала вид, что смеюсь.

— Какая хорошенькая! Оставишь нам ее, а я дам тебе буханку хлеба?

На этот раз я засмеялась, чтобы скрыть смущение и избежать себя от ответа. Кстати, не одна чувствовала себя некомфортно — Адра тоже жалась в угол, насколько позволяли ее размеры. Не знаю, почему, но я ей не нравилась... хотя, может она просто стеснялась своего внешнего вида?

— Вайль, дашь карту? — спросил Рик, когда мужчина наконец опустил его на пол.

— Конечно! Адра?

Но его жена не двинулась с места.

— Адрочка! Ну не бойся! Ребята, — сказал он, обращаясь к нам. — не обижайтесь! Она просто не в духе — на этой неделе День рождения нашего старшего...

Мы с Риком понимающе закивали.

— Адрочка! Принеси карту! — уже настойчивей велел Вайль. — Ребята не так просто ее просят! Конечно? — взглянул он на нас.

Рик снова кивнул, но уточнить для чего нам карта, не стал.

Адра, наконец, вышла и вернулась уже со свертком. Вайль тут же передал его нам.

— За одно дело боремся! — сказал он.

Вспомнив поручение Дариана, Рик передал Вайлю, через сколько дней состоится восстание.

— Хорошо! Наконец-то! Я подниму всех! — громогласно объявил Вайль. — Рик, я чиркну пару слов сыну? — спросил он.

— Да, мы подождем!

Адра вышла вместе с мужем, видимо, чтобы не оставаться с нами наедине. Меня смущало ее недоверие — мы что, выкрадем эту дурацкую карту что ли?

— Не обижайся, — толкнул меня Рик. — После того, как их прогнали, она стала очень подозрительная.

— Ага!

— Но Вайль не такой, он классный мужик! Его все слушаются, как Дариана! Слышала бы ты, какие речи он произносит!

Но меня больше интересовал сверток, который мальчишка зажал в руках.

— Покажешь? — с горящим взглядом, спросила я.

Рик усмехнулся. У нас была пара минут, поэтому он подошел к столу и расстелил на нем карту. И я снова увидела мир моей мечты полностью! Здесь были все кварды, ровными квадратами, располагавшиеся посередине; сверху Замок, окруженный садами, ближе всего к нашему краю стола — Лаборатория; по сторонам — справа и слева от квардов — равнины полей, а дальше...

— Что это? — спросила я, тыкая в края карты, обозначенные синей гладью без подписей.

— Океан. — Пожал плечами Рик.

— А дальше?

— А дальше карта кончается!

Для убедительности, мальчишка стукнул по столу.

— Там никто не был, а других карт нет. Эту-то с трудом удалось добыть благодаря

старым связям Вайля!

Интересно... А есть ли еще острова или другие миры в океане? — думала я, зачарованно вглядываясь в пеструю канву.

Супруги пока не показывались, и я решила удовлетворить еще один вопрос любопытства:

— Рик? А почему они такие... крупные? — шепотом спросила я, кивнув на дверь.

Мальчишка удивленно на меня уставился, но затем чертыхнулся и махнул рукой:

— Все время забываю, что ты ничего не знаешь! — Объяснил он.

Да уж, о собственноручно сочиненном мире можно было знать и побольше... — внутренне согласилась я с ним.

— Это мутация. Ученые из Лаборатории проводят эксперименты в каждом кварде, — просто сказал он. — Например, в полевых — разными добавками к еде и воде стимулируют рост мышечной массы, чтобы они лучше справлялись с работой, а в Десятом — в кварде Бытовой химии, у людей твердая кожа и нечувствительность к химикатам. А те, кто подрабатывает в Четырнадцатом — кварде Кондитеров — заражены аллергией на сласти, у них прямо горло изнутри прыщами покрывается, стоит только конфету проглотить!

Я ошарашенно прикрыла рот ладонью. Такого я не планировала!

— Но элитники тоже страдают, — не поняв моей реакции, заверил мальчишка. — В квардах, которые располагаются рядом, часто встречаются похожие симптомы, но в более легкой форме. Никто не знает, почему... От этого Лаборатория напридумывала множество лекарств, так что элитники прям захлебываются ими! — Он улыбнулся. — И, кстати, они очень боятся таких как я... и как ты! — загадочно добавил он.

— Это еще почему? — удивилась я.

— Мы меченные. — Он показал на мою правую руку, закованную металлической чешуей. — А, значит, заразные!

Но узнать, что это значит, я не успела — в дверь опять протиснулся Вайль, с небольшим конвертом в одной ручище и свертком с чем-то вкусным, в другой.

— Выручай, друг! — сказал он Рик и снова от души потрепал его по макушке.

От изгоев мы вышли, когда уже начинало светать. Рик заторопился; его волнение чувствовалось на расстоянии — дождь прекратился и киборги, очевидно, вновь заняли посты. Чтобы не терять время попусту, он решил в одиночку оббегать остальных, а я только притаившись ждала его у дверей в серые домишки. Кому-то он тоже передавал весточки, кому-то только сообщение; когда мальчишка наконец закончил, я обнаружила, что его узелок увеличился втрое.

Не мешкая, мы двинулись в обратный путь. По дороге молчали; Рик вел меня позади себя, зорко осматривая стену, иногда мы пережидали опасные минуты в кустах. В предутренних сумерках лично я не видела ничего, даже очертаний стражников, — если бы я сейчас была одна, я бы просто перебежала всю дорогу к стоянке, и, естественно, меня бы сразу поймали. В конце концов, когда мы оказались на месте, я была полностью измотана, но зато Рик выполнил обещание, данное мною отцу, и доставил нас невредимыми вовремя.

Оказавшись у грузовика, в котором спали родители и Сашка, я прислушалась — внутри было тихо — то ли они шифровались, то ли заснули.

— Эй, вы там живы? — шепотом поинтересовалась я, втайне надеясь, что они спят, и мне не придется встречаться с обвинительным взглядом Сашки.

— Наконец-то, — спросонок охнул отец и помог мне забраться внутрь. — Набегались?

— Ага!

Сквозь брезент постепенно начинал проникать утренний свет; я разглядела маму, которая мирно посапывала, уткнувшись лицом в мешок. Рик быстро уложился в дальнем углу и мгновенно уснул.

— А где Саша? — вдруг напугалась я.

Отец, который ложился обратно к маме, недовольно крикнул. Отвечать он не спешил, подкладывая под себя мешки и накрываясь рабочей формой. Пауза натягивалась; внизу живота у меня что-то задрожало, я уже не хотела слышать ответ.

— Я запретил парню за тобой ходить, мы повздорили немного... Он сказал, что подождет тебя в сарае около стоянки.

У меня отлегло от сердца — главное, что Сашка не пошел за нами! Но...

— Повздорили?

— Придется тебе поговорить с ним, доча, — нравоучительно выдавил отец, — и не тяни с этим. Не мучай ни его, ни себя.

Закончив свою речь, отец отвернулся и накрылся с головой. Мне не понравились его слова — ни их смысл, ни тон, после них остался какой-то неприятный осадок. Что отец такое подумал? Как он вообще о чем-то догадался? Я и сама в себе еще не разобралась! С каких пор он вообще лезет в мою личную жизнь?!

Вместо того, чтобы «прочувствоваться» его словами, я разозлилась. Спать мгновенно расхотелось. Хочет, чтобы я с ним поговорила? Отлично, вот сейчас и займусь! Зло смерив взглядом кучку спящих, я пнула приготовленный мне мешок и, высоко подняв подбородок, двинулась к выходу.

Двенадцатый квадрат наполнил ползучий туман. Я выскользнула из грузовика и тело сразу обволокло влажной ледяной дымкой. Если бы я не была так зла нравоучением отца, я бы точно вернулась обратно в тепло, но пусть я лучше вовсе промерзну, чем буду слушать новые наставления!

Я юркнула за машину и поискала глазами сарай. Где он там спрятался? Может на крыше? Мелкими перебежками, прижимаясь к встречным машинам, я пробралась к серому деревянному зданию, и, осторожно приоткрыв дверь, протиснулась вовнутрь.

Из дальнего угла послышался шорох, я вздрогнула, но в ту же секунду на фоне маленького оконца обозначился силуэт Сашки. Он быстро подошел ко мне и обнял. Замершее тело и стучащие зубы не позволили мне оторваться.

— Сделала, что хотела? — каким-то отстраненным голосом спросил он.

— Да, — клацнула челюстями я.

Сашка согревая потер мне плечи и, когда я перестала дрожать, отнял руки и двинулся обратно в тень.

Повисла пауза. Я чувствовала, что главный разговор назрел и внутренне готовилась к долгой и упорной обороне. Я хотела начать, но Сашка меня опередил:

— Ты хочешь вернуться домой? — неожиданно прямо спросил он.

— Что? — не поняла я; слова, готовившиеся вырваться наружу, заставили меня неловко поперхнуться. — Да, конечно! Я очень осторожна, — залепетала, оправдываясь я, но Сашка меня прервал:

— Никогда не думал, что ты способна на вранье.

Он поднял руку, препятствуя ответной реакции, но зря — я застыла на месте и

удивленно глядела на его холодное, застывшее, словно маска, лицо.

— Я давно понял, что ты желаешь здесь остаться, ты намеренно цепляешься за любую возможность. Хотя... — вдруг резко оборвал фразу он, и заговорил каким-то совершенно чужим голосом: — ...кто я такой? Всего лишь твой дружок, который попал не к месту? Мешаю тебе развлекаться и рисковать — ты же в сказке и все, конечно, будет хорошо! — Он помолчал, пронизывая меня взглядом, в котором плескалось что-то напоминающее отвращение. — Видимо четыре тела на койке с капельницами — это верх осторожности! Так держать!

Мне захотелось врезать по этой твердой, застывшей физиономии! Он извратил все так, будто я во всем виновата!

— Не я тебя сюда привела! — зашипела я. — Сидел бы дома! Без всех вас я бы уже давно выбралась!

Холодная маска треснула и исказилась в какой-то неестественной, кривой усмешке, но, затем, снова вернулась в прежнее состояние.

— Ты бессердечная. — На сей раз очень тихо сказал он.

— Это я-то?!

— Ты оказалась, где хотела, и все остальное для тебя перестало быть важным. Видимо, только в этом мире ты не прикидываешься, кто ты есть на самом деле.

Сказав это, он быстро прошел к двери и вышел.

Я обхватила себя руками. Как только дверь хлопнула, моя злоба ушла и осталось только тупое бессилие. Каким-то погано-честным чувством я понимала, что Сашка прав. Я действительно «цеплялась»... Но просто ли это «туристское» любопытство или нечто большее, как считает он?

Прежде в моей жизни не было ничего «из вон выходящего» — в школе я была простой хорошисткой, я боролась с проблемами, разбиралась в отношениях, что-то получалось, что-то нет — все шло своим чередом, но, когда мне взбрело в голову написать про Далетанию, все будничное, привычное осталось где-то во вне... Для меня открылся новый, объемный, живой мир, и мне захотелось приключений, по-настоящему захотелось! Чтобы настоящая опасность боролась со смекалкой, чтобы каждый поступок был рискованным и от него трепетало в животе, чтобы любовь была выстраданной, честной, волшебной! Я писала и главным моим желанием было прочувствовать хотя бы малую часть через главную героиню — видеть ее глазами, ощущать ее кожей, чувствовать ее сердцем...

Вот почему меня поглотила мечта — я сама отдалась ей. Без остатка и сожалений. Может именно при таком раскладе случается чудо?

Я с наслаждением вдохнула запах старых влажных досок и свежей травы, которая прорастала сквозь них, укрываясь под крышей сарая. Мне вспомнилась карта — родные контуры Далетании, которые родились у меня в руках... а персонажи... ведь на самом деле они вовсе не пустые конфетные фантики, а полноценные личности — злые, добрые, разные, у которых есть тайны даже от меня!

Нет, конечно, это не просто любопытство... Для меня драгоценна каждая минута, проведенная здесь!

Но почему же он не может этого понять? И принять? Неужели в погоне за спасением наших жизней я должна терять бесценные мгновения и ходить с кислым лицом? И он стал такой злой... Да, я знала, что как бы я не была обижена на слова Сашки, я не должна ранить его — он ни в чем не виноват, он заботится обо мне... но значит ли это, что я должна забыть

о своих интересах и поступать так, как удобно ему?

Ответа не было. Я знала только одно — если и существует лазейка в этом вопросе, найти ее сможет только такой жулик как я.

Часть 2. Глава 17 (начало)

Как только я вернулась в грузовик, накрылась пыльным мешком и устроилась, чтобы ничто не кололо и не впивалось в бока, Рик потянулся и объявил, что пора вставать. Прорывав что-то нечленораздельное, я слушала, как поднимались родные, как рылись в вещах и доставали еду, как позевывали сонные мужчины. Мама сунула мне под нос бутерброд, и пришлось признать, что поспать мне больше не удастся. С силой подняв себя в сидячее положение, я стала жевать, не открывая глаз.

Покончив с едой, Рик развернул карту, и родители с интересом уткнулись в «лоскутное одеяло»; чтобы не встречаться взглядом с Сашкой, я последовала их примеру. Путь, который нам предстоял, по словам Рика, был не сложным: из Двенадцатого на грузовике мы должны были попасть в Одиннадцатый — квартал Парфюмеров и Косметологов, проехать его полностью и выбраться только в Десятом — квартале Бытовой химии. Оттуда Рик собирался провести нас к Кондитерам в Четырнадцатый, а потом и сразу в Пятнадцатый.

— Короче пути нет, — ответил он на немой вопрос отца. — Стены вокруг кварталов, рядом с мостом охраняются особенно строго.

— То есть придется потратить больше времени, — осторожно спросила мама, смотря на притихших мужчину и мальчика, которые уткнулись в карту.

— Да, — отозвался отец. — Больше времени — больше риска. Но, — отец дотронулся до худенького плеча мальчишки, — я тебе верю.

Рик снисходительно кивнул, но сквозь показное равнодушие сложно было не заметить удовольствия от похвалы, проскользнувшие на его обгорелом лице.

Собрав вещи и скрыв следы нашего присутствия, мы пошли искать грузовик, который вскоре должен был направиться на развоз продуктов; Рик объяснил, что доставкой провианта занимаются люди, которые пользуются относительным доверием властей. Грузовик нашелся быстро, но места в нем оказалось немного — приходилось стоять вплотную друг к другу и на полусогнутых ногах, вытянуться в полный рост низкий потолок не позволил никому. После скудного завтрака, я с завистью смотрела на ящики, но в них, вопреки ожиданию, оказался только ранний урожай картофеля.

Пока мы ждали отправления, мои конечности затекли. Металлическая рука могла разрушить хрупкие конструкции или кого-то задеть и приходилось держать ее на весу; к тому же на меня давило спертое пространство — в реальности подобное со мной иногда случалось в метро, когда вагон останавливался в тоннеле, но тогда по крайней мере можно было встать, свободно пошевелиться, а сейчас, большее, что я могла себе позволить — это глубоко вздохнуть, чтобы замедлить сердцебиение и шум в ушах, да и к тому же, мне стало казаться, что кислород заканчивается! Остальные справлялись не лучше; я была удивлена, что мама совсем не возмущалась, наверное, это отчасти было связано с ее небольшим ростом — она стояла, лишь немного согнув колени.

Рик расположился ближе всего к проходу, казалось, что его уши двигаются, так внимательно он прислушивался. Вот с кем мы точно не пропадем! Внезапно он насторожился, мы тоже замерли; дыхание пятерых человек стало еле слышным. Через пару секунд рядом с грузовиком раздались шаги; тент приглушал звуки улицы, но мне показалось, что они не принадлежат громиле — скорее всего это был обычный человек. Вполне логично,

учитывая, что он пользуется привилегией властей, зачем же тогда подвергать его мутациям? Водитель протопал к кузову, открыл двери, громко зевнул и снова запер, гремя затворами. Затем хлопнул по тенту и направился к кабине. Я позволила себе выдохнуть; мы облегченно переглянулись, хотя в полумраке могли различить только очертания друг друга. Рик по-прежнему прислушивался и, лишь, когда раздался звук двигателя и нагруженный грузовик тронулся с места, потряс головой, чтобы снять напряжение.

По мере приближения к глубине кварда, нарастал гул голосов — это рабочие собирались на очередную смену. Кроме голосов их можно было отличить и по недвусмысленно тяжелым шагам — будто бы на землю с равномерными паузами падали десятки бульжников.

На первом посту грузовик стоял не больше пары минут, киборги символически осмотрели товар, а затем с неприятным лязгом и тяжелым гулом, открылись ворота, и водитель проехал внутрь Одиннадцатого кварда. И тут началась магия...

Несмотря на полумрак, я сумела разглядеть очертания лиц окружающих, которые разом подняли носы к потолку и зачарованно принюхались. Это было необъяснимо, но казалось, что сотни самых восхитительных ароматов одновременно окутали нас, легко проникнув сквозь преграду толстого тента! При том, волшебная смесь была удивительно гармоничной и последовательной — по мере движения бренчащего на ходу грузовика, она развивалась и распускалась десятками различных композиций, будто бы мы ехали сквозь огромный цветущий сад или слушали удивительно гармоничную мелодию, в которой каждая нота занимает строго определенное место. Без всяких объяснений Рика, я поняла, что мы проникли в царство Парфюмерии и Косметики!

Неожиданно грузовик снова остановился. Дверь заскрипела и открылась. Сквозь щели в ящиках я разглядела грузчиков, которые столпились у кузова. Водитель — полненький человечек с толстой, короткой и обгорелой от солнца шеей, стоял тут же и, указав пальцем на нужные ящики, велел уносить их, а сам стал сверяться с накладными. За фигурами грузчиков я разглядела краешек яркого магазинчика, обвешанного цветочными вазонами.

В маминых глазах блеснул страстный огонек. Впервые со дня нашего путешествия она оживилась. И я понимала ее! Ароматы витали кругом и словно околдовывали! Открытая дверь лишь усилила их очарование! Но видно наслаждаться ими издали ей было мало — казалось, она вообще позабыла всякую осторожность и медленно потянулась к выходу! Боясь ее напугать, я легонько ухватила ее за локоть, но промахнулась! На счастье, водитель закончил с выгрузкой; рабочие унесли последние ящики в магазин, и он присоединился к ним, громко хлопнув дверью магазинчика. Мама тут же подскочила к выходу.

Шепча ругательства, я кинулась за ней.

— Обалдела! Он сейчас вернется!

Но мама была непреклонна. Со страстью заядлого шопоголика, она выглядывала из кузова и тянула носом восхитительно-призывный аромат.

Рядом с магазином стояли лавки, забитые слоем душистых баночек, сотен сортов мыла, духов, косметических масел и других ингредиентов! Продавцов еще не было. Ближе всего к грузовику стояла лавка с духами. Тысячи крохотных флакончиков! Наверняка парфюмеры работали в содружестве с художниками и скульпторами — каждый флакон был отдельным произведением искусства — миниатюрные цветы, травы, романтические ангелочки и животные на баночках переплетались с драгоценными камнями и кованными металлическими вкраплениями.

Отвлечшись, я не заметила, что мама чуть ли не по пояс вытянулась из кузова, пытаюсь схватить ближайший флакончик. Я грубо втянула ее обратно.

— Мама, нас поймают!

От напряжения она даже глаз от лавки не могла оторвать:

— Там нет продавца! — шепнула она. — Я быстро достану! Когда мы еще такое увидим? — сказала она и снова с силой потянулась вперед, я еле ее удержала!

Сзади послышался шорох и к нам проскользнул Рик.

— Помоги ее оторвать! — шепнула я — мама вцепилась в край кузова.

Время уходило. Сколько еще водитель будет торчать в магазине?

На худом лице Рика напряглись скулы; помочь мне он стеснялся, а решение принимать нужно было быстро. Уж лучше бы пришел папа или хотя бы Сашка, вдвоем мы бы втиснули маму обратно.

— Я только один флакончик! — уже хныкала она.

У меня глаза полезли на лоб, и это меня вчера Сашка ругал за страсть к риску?!

— Я достану, — наконец, принял решение Рик.

— Нет! — попыталась удержать его я, но не смогла, потому что все силы уходили на маму.

Мальчишка бросил свой узелок на пол и юркнул мне за спину, не прошло и секунды, как он оказался на земле. В пару шагов он приблизился к прилавку и замер, вглядываясь сквозь витрину магазина — пока водителя видно не было. Затем, все еще не отрывая взгляд от двери, набрал флаконов и быстро распределил их по карманам. Внезапно, слева от магазина послышались шаги и показался водитель! Видно он зачем-то вышел через заднюю дверь, и теперь, неторопливо направлялся к грузовику! Рик согнулся за прилавком.

Пригнувшись к полу, мы с мамой отползли назад. Сашка схватил мою руку и завел к себе за спину; в полумраке я разглядела, как отец недовольно мотает головой. Мы напряженно ждали.

Беззаботно насвистывая, водитель закрыл кузов и двинулся к кабинке. Я хотела рвануться вперед, но Сашка прошипел сквозь стиснутые зубы, чтобы я оставалась на месте. Он сам прошел к выходу и притаился у двери. Через мгновение она приоткрылась с той стороны; в отличие от водителя, Рик действовал полностью бесшумно. Сашка помог ему взобраться, потом они вдвоем прикрыли дверь.

— Прости, прости меня! Это я виновата! — бессвязно шептала я, протягивая руки к мальчишке.

— Ладно, будет! — смущенно отмахиваясь, буркнул Рик.

Но не тут-то было! Мама тоже полезла его обнимать!

Когда мы покончили с нежностями, грузовик уже во всю ехал — теперь водитель вез нас к перевалочному пункту из Одиннадцатого в Десятый.

— Кстати, они могут пригодиться в будущем, — сказал Рик, наощупь передавая маме флакончики, — их можно продать на Ярмарке и купить еду или то, что еще...

Мама протестующее замотала головой, но ее прервал:

— Выходить придется раньше, чем начнется разгрузка, — предупредил Рик. — Дверь я толком не запер, водила это заметит и сразу заглянет внутрь...

Договаривать не требовалось и так ясно, что увидит водитель в кузове с товаром.

— Как же мы успеем? — поинтересовался отец.

— Нужен отвлекающий маневр... — начал Рик.

Но он не успел договорить — водитель затормозил у пункта досмотра и мы притихли. Как и в прошлый раз, громко открылись ворота, и грузовик проехал на проходную. Мне надоело нервничать — я прижалась к стене кузова и закрыла глаза; Сашка до сих пор держал меня за руку и не хотелось его отпускать — прикосновение будто заряжало теплом и уверенностью. Водитель хлопнул дверью кабины. Прислушиваясь, я отметила, что киборги не спешат осматривать грузовик — на прежнем пункте они сработали оперативней. Еще пару минут была тишина, но, наконец, рядом раздался лязг и шлепанье водителя. Я уже расслабилась — оставшиеся ящики отлично прикрывали нас, как внезапно раздался визгливый голос:

— Он там!

Я очумело уставилась в темноту. Никто не произнес ни слова и даже не успел пошевелиться. И кузов открылся! Снаружи, на фоне бронированного тела охранника, стоял пузатый водитель и пальцем показывал на дверь.

— Вот, я же говорил, что точно запираю ее! А потом увидел в зеркало, как рубаха мелькнула. Он там! Тащите его, он же весь товар помнет!

Внезапно мне в руку уткнулся какой-то сверток.

— Держи, — еле слышно сказал Рик. — Осталось немного, ты справишься!

И, прежде чем я успела отрыть рот, он стал выбираться наружу! На бегу мальчишка сбил несколько ящиков и корнеплоды с грохотом застучали по полу.

— Ага! — задорно крикнул он и выпрыгнул из грузовика, при этом (непонятно, когда он успел), но штанина на его левой ноге оказалась разорванной — оголившей чешуйчатую заплатку от начала до конца.

— Меченный! — взвизгнул толстяк и пугливо попятился.

Он кричал так, будто боялся заразиться от него! Рик показал ему язык. Но киборг-то был умнее и двинулся на мальчишку растопырив стальные ручки! Недолго думая, Рик метнулся обратно в грузовик, схватил ящик с картошкой и метнул сразу штук пять в охранника, полностью залепив ему шлем! В это время от страха очнулся водитель — портили его товар! — он осторожно двинулся к мальчишке и тут же получил метнувшийся картошкой по носу. Толстяк отшатнулся и с глупо-удивленным видом уселся на пятую точку. Рик снова издал победный вопль, но сзади приближались другие стражники! Оценив обстановку, он мельком взглянул на нас и кивнул, а затем, захватив еще снарядов, побежал к воротам.

Оставшись без обзора, я вслушивалась в звуки борьбы, но вскоре молодецкий гогот стих и в тихом гуле тоннелей раздавался только лязг. Я диву давалась, как мальчишке удалось сбежать! Хотя тут же ужаснулась, вспомнив, что киборги способны летать! Нет, нельзя сейчас об этом думать! Рик должен выбраться, ведь это не первая переделка, в которую он попадает!

Водитель очнулся и, собрав остатки овощей в ящики, вновь сел за баранку. Я разжала пальцы и ощупала предмет, который передал Рик — это была карта... Если бы он мог вернуться, то ни за что не доверил мне эту ценность! Своим побегом Рик спас нас, но теперь мы остались одни!

Часть 2. Глава 17 (окончание)

Грузовик тронулся.

— Когда выходим? — спросила мама.

Я устала на нее, не в силах выговорить ни слова. Сашка о чем-то заспорил с папой. Плохо соображая, я глядела на их склонившиеся друг к другу головы. Чтобы пересечь квартал без остановок требовалось минут двадцать, но сообразить, что нам делать, в эту минуту я просто не могла!

Внезапно толстяк дал по тормозам и грузовик притих. Кряхтя, водитель прошел к кузову и открыл его. Разгружаться он не спешил — вместо этого расстроено созерцал испорченные продукты, потом цокнул языком и поторопился к сереющему впереди зданию.

— Пойду первым! — шепнул Сашка. — Вылезайте следом, а увижу водилу — свистну.

Он пересек кузов и быстро выбрался наружу. Оглядевшись, Сашка махнул рукой и скрылся за тентом.

Все происходило слишком быстро!

— Идем, — подтолкнул меня отец и двинулся вперед.

Очувтившись на земле, я оглянулась на здание, в которое направился толстяк, скорее всего, это был очередной завод — длинное обшарпанное многоэтажное здание тянулось в обе стороны, а прямо напротив грузовика располагался главный вход. Опасаясь, что водитель сейчас выйдет, я стала помогать спускаться маме, но вдруг за спиной раздался свист!

Я хотела влезть обратно, но стормозила и, заметавшись на месте, побежала за грузовик и вдруг оказалась на полностью открытой местности! Проклиная свою тупость, я прижалась к кабине. Хорошо хоть, что на мне не яркая одежда, может стражники сейчас так заняты поисками Рика и не будут пристально следить, что происходит в соседнем квартале? Застыв у грузовика, я панически кусала губы — и пары минут не прошло, а мы все разделились, Рик бы меня проклял!

Меж тем, к грузовику подоспели люди. Судя по разговору, водитель старался сбыть рабочим испорченный товар. Я огляделась в поисках укрытия: в сотне метров от грузовика, посреди поля с пожухлой прошлогодней травой, стояло одинокое одноэтажное кирпичное строение; окон у него не было, только узкая дверь, которая располагалась с дальнего от меня бока. Спрятаться за него? А вдруг это школа или еще какое-нибудь помещение для рабочих, где сейчас куча народу? Но был ли у меня выбор — до завода не добежать — сразу заметят, до трущоб, которые чернели вдалеке, тоже слишком опасно, а оставаться здесь вообще полное безумие! Но как же страшно оторвать хотя бы от временной защиты грузовика, и даже посоветоваться не с кем!

Пока я мешкала, голоса становились громче — торговля шла полным ходом. Пора решаться! Только... стоп, а что же с родителями, которые застряли в кузове? Спасет ли их Сашка? В этот момент за грузовиком что-то хлопнуло и заскрипели передвигаемые ящики. Ненавидя себя за бессилие, я понимала, что иного выхода нет — придется бежать! В крайнем случае, я отвлеку внимание толстяка и киборгов и поймают меня, а родители с Сашкой смогут скрыться!

Обернувшись к грузовику спиной, я глубоко вздохнула и побежала! Какая-то сотня

метров, но, не пробежав и половины, я успела вся пропотеть! Достигнув здания, я обогнула его с дальней стороны, где виднелись редкие кусты, и кулем упала на землю, прижавшись к стене. Похоже, никто не заметил моего побега — рабочие складывали в ящик остатки овощей, толстяк, следя за ними, делал пометки в накладных.

Я нетерпеливо заерзала на месте, представляя, что сейчас чувствовали родители — мама, наверное, сжалась в комок, а отец просчитал все возможные способы, как уложить толстяка на лопатки! Когда рабочие, наконец, выбрали продукты и понесли их в здание, а один из работяг рассчитался с водителем, толстяк сунул деньги в задний карман штанов и повернулся, чтобы закрыть кузов. Но неожиданно раздался звон бьющегося стекла — в кабину водителя кто-то очень метко кинул камень! Толстяк подбежал к кабине и суетливо забегал вокруг, не замечая, что с другой стороны грузовика, быстрехонько выбираются наружу его тайные пассажиры!

Я была так, счастлива, что лыбилась во весь рот! Скорей бы увидеть их всех!

Встать я смогла, только когда водитель с ругательствами вытряхнул остатки стекол с сидений и уехал. Пришлось ждать не меньше часа, пока кончится его обидчивая истерика! Да, хорошенький мы денек ему устроили — сначала Рик попортил половину товара, потом Сашка раздолбал машину... Бедный толстяк! Встав на ноги, я покачнулась — тело чуть ли не примерзло к земле, хоть сейчас и было лето, но почва все равно не прогрелась до конца. Только металлической руке все ни по чем, она даже не затекла! Кстати, я так и не спросила у Ароны, ни у Рика, нужно ли ее смазывать специальным маслом, вдруг заржавеет?!

Я приготовилась перебраться к заводу, но внезапно из-за стены сбоку, показалась миниатюрная фигура мамы. Быстро оглядевшись, она побежала ко мне. Я застыла на месте, боясь пошевелиться — я же не выяснила, что находится в этом здании, а они уже идут ко мне! Вот идиотка, у меня было столько времени, почему же я просто развалилась на земле, а не занялась делом?!

Мама подбежала и вцепилась в меня.

— Там опасно, постоянно рабочие ходят! — задыхаясь от быстрого бега, сообщила она.

Но я не успела ответить, к нам уже подбегал папа. Последним присоединился Сашка: лицо у него было напряженное, я поймала его руку и сжала ее.

— Спасибо, что выгацил их!

Он улыбнулся.

— Есть там кто? — спросил отец и кивнул на здание.

Пришлось признаться, что все это время я валяла дурака.

— Я проверю, — бросил Сашка.

Он направился вдоль задней стороны здания, но обойдя его, остановился у двери.

— Окон нет, — шепнул он.

Получив утвердительный кивок отца, Сашка открыл дверь и решительно вошел внутрь. Прошло меньше минуты, он высунулся и махнул нам, чтобы мы заходили следом. Внутри домика было очень жарко, влажно и светло — крыша была полностью прозрачная; помещение делилось на два отсека, в каждом располагались несколько рядов душевых, открытых и смежных, как в бассейне.

— Думаю, можно немного переждать здесь, — подумав, сказала я. — Вряд ли рабочие придут сюда до вечера.

— Уверена? — серьезно спросил отец.

Я пожалала плечами.

— Здесь они моются после смены, — предположила я, — ну, смывают с себя все химикаты.

Сразу вспомнился рассказ Рика о мутациях в этом кварде — супертвердая кожа, сквозь которую почти не проникали химикаты, скорее всего им и защитные костюмы не нужны — достаточно хорошенько помыться.

— Ладно, — согласился отец. — Давайте пока подумаем, что делать дальше.

В помещении не было другого выхода, поэтому мы собрались в дальнем углу, а, для верности, оставили дежурного — первой пошла мама.

Я развернула на полу карту.

— Сейчас мы в Десятом, — я ткнула пальцем в квард Бытовой химии. — Рик говорил, что отсюда можно проникнуть в Четырнадцатый.

Отец нахмурился. Мне не понравился лихорадочный блеск в его глазах, и я не ошиблась:

— А что, если перелезть сразу в Пятнадцатый?

Я завертела головой:

— Рик бы не...

— Детка, его сейчас с нами нет — самим надо думать! Или ты надеешься, что он приедет за нами на следующем грузовике и проведет на место за ручку?

Я зло насупилась.

— Нет, конечно! Но подумай сам — там стена идет по диагонали, а значит, она шире раза в два, да к тому же охранники наблюдают сразу с нескольких соседних стен!

— Настя права, — поддержал меня Сашка.

Но отец пропустил его слова мимо ушей; он задумался и на время перестал слышать, что происходит вокруг.

— Может вернемся обратно? — шепнула мама, сидящая около полуоткрытой двери. — Все предыдущие лазейки мы знаем.

— Нет, так мы потеряем еще несколько дней! — быстро отреагировал отец.

Ага, и Дариан пошлет нас куда подальше! Еще одного проводника он нам никогда не даст, а то, что я вернусь, будет ему только на руку!

— А если опять забраться в какой-нибудь грузовик? — через минуту напряженного молчания предложил Сашка. — Должны же еще развозить товары? Может, придется пробираться по квардам по порядку, но зато мы спокойно их проедем!

Я заерзала на месте. В его словах был резон, но отдаляться от цели, пусть даже на пару квардов до смерти не хотелось! Да и Рик планировал выбираться здесь.

— Давайте, лучше поищем лазейку тут! — опять настойчиво предложила я. — А то попадем неизвестно куда! Здесь хотя бы часть киборгов сейчас заняты поисками Рика, может, они не будут пялиться сюда целый день?

— Да, только как мы это выясним? — буркнул отец.

Еще с час мы спорили, предлагая все новые варианты, потом мама пошла принять душ, а я заняла место у двери. Я бы тоже помылась — последний раз нормальную ванну я принимала в Замке, а за дни отсидки у Ароны и перебежки с языком на боку, вся сменная одежда изнасилась и пропиталась потом и грязью, волосы вообще сбились в кучу, привести их в порядок теперь можно было одним способом — сбрить наголо! Мужчины по-прежнему сидели, склонившись над картой. Вслух уже не говорили — каждый просчитывал скудные варианты планов про себя. Но я была слишком зла на отца, который отверг мой — самый, как мне казалось, логичный — и старалась назло не смотреть на них.

— Возьми, — я не заметила, как подошла посвежевшая после воды мама, она протягивала помятый бутерброд и воду.

Я взяла еду и стала жевать. Продуктов осталось совсем немного, — подумала я, наблюдая, как мама выскребает остатки хлебных крошек из сумки, — а нам еще идти и идти! Покончив с обедом, я снова попросила ее подежурить, а сама пошла мыться — нужно было собраться с мыслями, а что может быть лучше горячего душа, чтобы расслабиться и принять верное решение? Краны были проржавелые и покрытые несколькими слоями накипи. Я включила воду и стояла, наслаждаясь, абсолютным спокойствием, которое проникало в меня вместе с теплой водой.

Пока никого не было рядом, я могла спокойно подумать. Итак, что мы имеем: первое — в кварде точно есть лазейка, второе — в запасе еще часа три-четыре до прихода рабочих, чтобы придумать план и переместиться куда надо, третье... на ум почему-то приходило здание завода, я вспоминала, как Рик вывел нас из Седьмого. Но сможем ли мы так же проникнуть на завод, чтобы не попасться ни киборгам, ни трущобникам и найти окно, выходящее на стену?

Думай! Думай!

Я снова уткнулась лицом в теплый поток, ища там защиты. Я должна найти выход. Он здесь есть. И он рядом. Просто надо думать, как Рик!

Грязь лилась с меня потоками; темной струйкой утекая в слив под пол. Намывшись, я простирнула одежду и повесила ее на кран — пусть она будет влажная, но я не намерена вечно ходить как замарашка!

Так, еще раз: лазейка точно есть, возможно, она на заводе, что еще? Но мешают люди... и тут меня пробило! Все так просто, что я чуть не выбежала к остальным в нижнем белье!

— Я придумала! Придумала! — спустя пол минуты бежала я к отцу, на ходу застегивая сырую рубашку.

Папа устало поднял голову, Сашка выглянул из душевой кабины.

— Я знаю, как выбраться! Мы снова проникнем на завод, а перед этим отвлечем и рабочих и киборгов — все они сбегутся в одно место и у нас будет свобода действий!

— Но куда? — наморщив лоб, спросил папа.

— А вот сюда, — ухмыляясь, объявила я. — Мы устроим потоп!

Мою идею долго обсуждали, но потом даже отец признал, что лучшего выхода у нас нет. Я показала ему язык, он состроил мне гримасу — на том и помирились. Остальное время мы провели в приготовлениях. По плану, нужно было устроить не просто потоп, а катастрофу! Что-то такое, ради чего сбежались бы даже киборги и, при этом, нужно было бы задержать всех как можно дольше...

Но как это осуществить? К тому же, нужно было сделать так, будто авария произошла случайно — во-первых, чтобы не стали искать зачинщиков, то есть нас, а во-вторых, я не хотела, чтобы свалили вину на кого-нибудь из рабочих — ведь тогда их наказание вновь оказалось бы на моей совести.

Самое очевидное — открыть краны и пустить воду. Но что это вызовет — набегут рабочие, быстренько перекроют воду и выпрут лужи. Поняв это, отец с Сашкой разделились — каждый стал искать источник воды, общую трубу. Она оказалась в противоположном углу здания, под полом.

— Вода идет не из-под земли, — заметил отец. — Здесь есть большой водоем?

— Да, озеро! — ответила я.

— Вода идет под напором, можно перекрыть трубу, — предложил Сашка. — Будет выглядеть, как засор.

— Да, — согласился папа. — Но, если рванет только она — этого будет мало.

Он был прав. Почесывая затылки, мы оглянулись по сторонам.

— Может, лучше заткнуть пару кранов. Включить воду, а она их взорвет? — предложила я.

— Тогда это не будет выглядеть случайностью, — ответил отец.

— В суматохе будет не до разбирательств, — отозвался Сашка.

Я закусила губу. Какой-никакой план выстраивался, нам он должен помочь, а вот рабочим... что для меня важнее?

— Выбора нет, — вынужденно признала я. — Придется здесь все раздолбать, иначе... нам просто не выбраться!

И мы начали приготовления. Отец просмотрел краны и объяснил мне с мамой, как их прочно заткнуть, чтобы смесители под сильным напором воды разлетелись на части. Сашка в это время работал над стеклянной крышей — он придумал, как развалить и ее, пустив трещину и поставив подпорки, которые должны среагировать, когда в них ударит особенно сильная струя.

— Годится! — спустя час с лишним, похвалил отец, проверяя наши с мамой труды, за это время он успел заткнуть все краны на мужской половине.

— Пойдите, — вдруг вспомнила я, — давайте откроем хотя бы один кран, чтобы рабочие видели, что здесь не все в порядке.

Я боялась, что они могут пострадать, когда зайдут в помещение, а струя воды пробудит в них подозрения и они будут осторожны. Отец кивнул и вытащил затычку из ближайшего крана и повернул его, чтобы вода падала на пол, минуя слив. Мы остановились, завороченно глядя на место будущей катастрофы.

— Пора, — наконец сказал отец, — бегите, а мы откроем вентили и быстро придем к вам!

Нам опять предстояло разделиться! Но по-другому нельзя — воду нужно было запустить только после сигнала окончания рабочего дня, когда толпы рабочих направятся в душевые, иначе все приготовления не имели смысла! Наскоро обнявшись и пообещав быть осторожными, мы с мамой побежали к заводу. Минуя вход, мы забежали за угол и пригнулись к земле, приготовившись ждать. Я старалась двигаться бесшумно, но у меня слишком громко урчало в животе — пройди рядом охранник — сразу засечет. Я пыталась унять звук, но желудок не утихал — кроме пары ломтей зачерствелого хлеба и нескольких кусочков почти растаявшей от жары колбасы, я сегодня ничего не ела, оставалось надеяться, что в кварде Кондитеров нам удастся что-нибудь перехватить!

Сигнал окончания рабочего дня прозвенел так оглушительно, что я вздрогнула всем телом! Сразу захотелось отползти подальше и забиться в какой-нибудь угол, но позади была только стена со сторожевыми киборгами, которые, хочется верить, нас не видели! Я пригляделась к зданию с душевыми — отец с Сашкой должны были услышать сигнал и сейчас наверняка раскручивали главный вентиль и делали последние приготовления. Неожиданно на земле у двери что-то блеснуло — лужа! Надеюсь, рабочие заметят ее!

Со стороны главного входа на завод слышались шаги; вначале неторопливые — одиночные, и, когда показались первые люди, уже почти ровный строй. Рабочие на ходу вытирали вспотевшие лица, расслабленно болтали между собой, кто-то смеялся, не громко,

но мне стало страшно за них — вдруг, когда киборги будут проводить расследование, накажут именно этих беспечных весельчаков? Внезапно смех оборвался, кто-то вскрикнул. Из-за столпившихся впереди людей не было видно, что происходит, вновь подходившие спрашивали, что случилось. В это время несколько женщин побежали обратно к заводу, вместе с ними я мельком заметила отца, который быстро шел за ними и смотрел себе под ноги.

Раздался первый взрыв. Рабочие отшатнулись от душевой и налетели на задние ряды. Пятясь назад к заводу, люди сбились в кучу, пугливо озирались кругом и не понимали, что происходит. Прозвучал второй и третий взрывы, один из которых попал в подпорку под крышей и та, оглушая окрестности неприятным звоном и треском, разом обрушилась на душевые кабинки.

Не обращая внимания на панические выкрики и боясь заразиться всеобщим страхом, я крепко схватила маму за руку и поспешила ко входу на завод.

Прошмыгнув за спинами рабочих, мы прокрались к главному входу, и зашли на завод. Против дверей стояла небольшая кабинка, по прочности больше напоминающая сейф, внутри нее все стены были увешаны десятками ключей, следом за кабинкой возвышалась широкая лестница, справа и слева от которой тянулись одинаковые коридоры с кучей дверей по бокам. Я замешкалась, не зная, куда припустить — я понятия не имела, в какую сторону мог пойти отец!

— Быстрее! — поторопила мама.

Торчать на месте и правда было нельзя — женщины, которые бежали на завод, наверняка сейчас направятся обратно к душевым, да и киборги вскоре начнут обход — вряд ли авария надолго их остановит!

— Идем наверх, — решила я.

— Уверена? — переспросила мама, по ее испуганным глазам было ясно, что она с большим удовольствием укрылась бы в каком-нибудь уголке внизу, пока отец или Сашка нас бы не нашли. Но, что если вместо них придут киборги?

— Нам все равно нужно туда, чтобы найти лазейку, — быстро шепнула я и потащила ее к лестнице.

Мы поднялись на второй этаж, повернули направо, потом налево ища открытую дверь, но все комнаты были сплошь перекрыты! Вокруг воняло неразбавленным спиртом, щелочью и еще каким-то жгущим ноздри веществом. Мечась по коридорам, я боялась, что скоро мы просто бухнемся в обморок с непривычки!

— Давай поднимемся на третий этаж, — спустя несколько нервных минут, сказала я. — Они, наверное, уже нашли лазейку и ждут нас!

Мама согласно кивнула, но ее безынициативность меня напугала — я не хотела брать на себя ответственность за нас обеих! На меня слишком давил факт того, что каждое мое решение может либо вывести нас, либо, наоборот, привести в лапы киборгов, и виновна в этом буду одна я! Но в этот раз мои опасения были напрасны — прокравшись обратно к лестнице, мы поднялись наверх и... о, счастье — на полу валялся полосатый носок — он мог принадлежать только Сашке! Тоже мне, золушка нашлась!

Я подняла носок и радостно показала его маме:

— Они оставили нам весточку!

И правда, на верху лестницы мы столкнулись с взъерошенным Сашкой и перемазанным копотью отцом. Вопреки долгожданной встрече, выражения их лиц мне не понравились.

— Выхода нет? — вслух уточнила я.

— Поднимайтесь! — вместо ответа, велел папа.

Мы пошли на четвертый этаж. От запаха, который здесь стоял, меня передернуло — сероводород, аммиак или что-то подобное, жутко-невыносимая смесь, от которой слезились глаза! Зажав носы, мы стали пробовать открыть каждую встречавшуюся на пути дверь. Я уже теряла надежду, но неожиданно одна из них поддалась. Мама кинулась внутрь, но подоспевший отец ее придержал:

— Там может быть что-то ядовитое или едкое, — предупредил он и осторожно вошел первым.

Пропустив всех, я закрыла дверь на замок и направилась вслед за мамой. Во мне потихоньку начиналась зарождаться паника и я не хотела, чтобы остальные видели выражение моего лица. Я-то думала, что мы легко найдем лазейку и была уверена, что авария в душевых — самое сложное, что нам предстоит, но драгоценное время уходило, а мы бездумно искали выход, не имея ни малейшей зацепки! Может, папа был прав и нужно было перебираться сразу в Пятнадцатый? Или выбрать более безопасный план Сашки? Что, если своей инициативой я всех подвела?

Опасения отца оказались напрасны — помещение, в которое мы попали, оказалось кабинетом — у стены стоял письменный стол и два стула, в углу мягкий, слегка ободранный диван, но самое главное — здесь было окно! Не в силах сдержаться, Сашка обогнал отца и первым выглянул за стекло. По его скрипнувшему зубам стало понятно, что не все так хорошо... Я подошла к нему — стена стояла боком к нашему окну (кабинет располагался на торце здания) и чтобы дотянуться до стены, нужно было проникнуть в соседнюю комнату — там стена шла вровень и даже прыгать не придется из-за близкого расстояния!

Сашка выбежал в коридор, но тут же вернулся — дверь в нужную комнату была заперта, как и остальные на этаже — нам здорово повезло, что владелец кабинета забыл закрыть хоть эту дверь!

— Что будем делать? — спросила мама.

— Пробьем стену. — Спокойно ответил отец.

Я хотела возразить — наше появление не должно быть замеченным, но я прервала сама себя, а что еще делать? Все двери перекрыты, обратно не вернуться — мы даже не знаем, что еще в этом квартале можно использовать как лазейку. Можно, правда, спуститься на первый этаж и взломать дверь кабинки с ключами, но вспомнив какая она прочная на вид, я отвергла эту идею, тем более, какая разница, какую стену ломать?

— Следи за коридором! — велел мне отец.

Они с Сашкой стали обыскивать кабинет, пытаясь найти в офисной канцелярии что-то способное пробить бетонную стену, а я подошла к лестнице и вцепилась в холодные перилла. Внизу виднелся кусочек первого этажа, но входа видно не было. Сколько у нас времени? Взрывы снаружи прекратились или их приглушили бетонные стены, значит, сейчас там идет уборка, а киборги выясняют причину катастрофы и ищут виновных. У меня кольнуло в груди, но я быстро отмела всякое присутствие совести! Минут пять у нас точно есть, — наугад прикинула я. В голове мелькнула безумная идея забаррикадировать вход на завод. Ага, глупее не придумаешь! Во-первых, выходов в таком огромном здании наверняка несколько, во-вторых, киборги одним выстрелом пробьют стену, а в-третьих, нам до последнего надо скрывать свое присутствие!

Как только я об этом подумала, из кабинета послышался страшный грохот! Оглушительный звук эхом пролетел по этажам и мне показалось, что все стены разом задрожали! Грохот повторился. Мне пришло в голову, что его точно должны услышать стражники на стене. Черт, почему я раньше не догадалась? Тогда мы и вовсе окажемся между двух огней!

— Сюда! — шепнул Сашка, высунувшись из двери.

Оторвавшись от перилл, я побежала к нему. За те пару минут, что меня не было, кабинет успел наполниться пылью и осколками фанеры; в куче обломков я заметила красный топор из набора пожарной охраны, которым удалось разрушить стену. Через проделанную дыру я пролезла в соседнюю комнату. Это оказалась небольшая лаборантская — здесь стояли

несколько белых столиков, над каждым из которых располагались ряды пробирок с разноцветными веществами. Мне до жути захотелось потрогать пробирки и смешать парочку, но я тут же отвернулась. Возле двери, которую мы не сумели открыть, на крючках висели белые халаты. А не прихватить ли их, притворившись врачами или учеными? Пока отец открывал окно, которое так удачно выходило на стену, я подбежала к халатам. Нет, они слишком приметные — в толпе пестрых элитников или в рабочем квартале не затеряться, да и что делать, если кто-то обратится к нам за помощью? Я уже хотела повернуться обратно, как заметила на полу под одеждой обувь — это были кеды! Простые, неброские и очень удобные — по сравнению с моими давно разносившимися балетками и неудобной обувью мужчин, которую им перед побегом давал еще Дариан, это была просто находка!

Я быстро вынула четыре пары, прикинув размер на глаз. Видимо, подобная обувь была на заводе обязательна — подошвы кед оказались очень прочными, чтобы их не разъели химикаты.

— Вот! — я бросила кеды под ноги маме и отцу, подоспевший Сашка получил свою пару.

Кеды подошли не всем, но ходить было можно. Неудобней всех пришлось маме и мне — почему-то обувь начиналась с сорокового размера, но мы накрепко затянули шнурки и это улучшило ситуацию. Нашу обувь я спрятала за стенами шкафов — найдут ее, если только проведут серьезный обыск или решат сделать ремонт, в любом случае, мы уже будем далеко!

Вместе с удобной обувью пришла уверенность — у нас все получится, мы в паре шагов от Четырнадцатого и скоро будем дома!

Сашка первый влез на подоконник и перебрался на стену. Выслеживать более удобный момент было некогда — нужно было пользоваться удачной секундой, пока все киборги занимались аварией. Я влезла вслед за ним, и, пока перебирались родители, мы искали спуск. Но взглянув на землю со стороны Четырнадцатого, я не увидела ничего, что могло бы хоть отдаленно помочь — на многие метры в обе стороны росла сплошная лужайка.

Мы коротко переглянулись с Сашкой и пошли по стене в сторону от завода. Я прикидывала, не прыгнуть ли одному из нас — он мог бы помочь спуститься остальным, поймать их, правда, этот первый гарантировано получил бы перелом ноги или чего-то похуже...

— А как киборги сюда забираются? — бросил через плечо Сашка. — Может есть лестницы?

— Не думаю, — уклончиво ответила я.

Про то, что киборги могут мгновенно взлетать, я расскажу ему как-нибудь в другой раз...

Впереди виднелось пламя — это был костер охранника, но сам он, к счастью, улетел на место аварии. Еще не представляя, чем нам может это помочь, я махнула родителям, которые уже шли вслед за нами, чтобы они поспешили. Интуиция не подвела — около костра виднелись врезанные в стену кованые крюки, точно такие же я когда-то видела в столовой Замка на стульях киборгов. Видимо, здесь они тоже использовались, чтобы фиксировать тяжелые тела.

— Раздевайся! — велела я Сашке, от чего он недоуменно на меня уставился. — Свяжем и спустимся, а ты что подумал?

Впервые за день он искренне улыбнулся. Как мне не хватало его теплой, родной улыбки... Ну ладно, у нас нет времени! Подоспевшие родители поняли мою идею и тоже

стали стягивать рубашки.

Общими усилиями удалось связать прочный канат длиной метр с лишним, который мы привязали к подпоркам; с учетом роста длины каната должно было хватить всем. Я вызвалась первая. Скинув конец каната, я развернулась лицом к стене и, по очереди спустив ноги, быстро соскользнула вниз. Даже испугаться не успела — времени не хватило! Остальные справились тоже на удивление легко. Когда мы оказались на земле, я хотела развязать веревку, но Сашка прервал меня — вместо этого, он перекинул ее обратно:

— Пусть думают, что сбежали отсюда!

Это было маловероятно — кто же убегает из элитного квартала, но мне не хотелось быть таким же жестким критиком, как папа, поэтому, я схватила руку Сашки, и мы поспешили на поиски нового укрытия. Ближе всего к стене располагалась стоянка, которая на деле оказалась кладбищем старых, никому не нужных машин. Мы забрались в одну из них и притаились — нужно было собраться с мыслями и продумать дальнейший план.

После пережитого в Десятом квартале, который мы полностью прошли без поддержки Рика, мне вдруг стало не по себе — все получилось слишком гладко. Нет, я тряслась от страха и в любую секунду все могло обернуться крахом, но ведь получилось! И от этого почему-то становилось еще страшней! А вдруг, окрыленные победой, мы теперь напортачим в чем-нибудь самом простом? А ведь теперь ошибиться нельзя — мало того, что время поджимает, что у нас нет ни еды и ни плана, так теперь нас точно ищут, ведь мы оставили кучу улик! Теперь стражники будут вдвое глазастей!

Словно прочтя мои мысли, Сашка сжал мою похолодевшую ладонь. Я без слов взглянула на него и мои губы задрожали. Нет, рыдать и устраивать истерику я не собиралась, хотя, может быть и зря — тихая паника, которая сжимала сердце была куда страшней. Сашка погладил меня по щеке и притянул к себе на грудь, обняв обеими руками. Уткнувшись в его теплую шею, я позволила себе хотя бы на пару минут отключиться — будь, что будет, но сейчас семья вместе и все хорошо!

Не обращая внимания на наши нежности, отец развернул карту и стал водить по ней пальцем, будто одним этим действием он мог проникнуть в следующую лазейку.

День подходил к концу; на улицу спускались сумерки; когда в машине стало совсем темно, отец сложил карту и сунул ее в карман штанов.

— Один лаз остался, — сказал он, будто продолжив разговор, хотя последние пару часов мы сидели молча, только прикладывались иногда к последней бутылке воды и двигали задеревеневшими конечностями, которые в маленькой машине сунуть было практически некуда. В какой-то момент моему перегруженному сознанию стало казаться, что мы куда-то ехали с родителями и застряли посреди дороги — до того я привыкла сидеть в машине. А что? Быть может, через пару минут отец вырулит к ближайшей заправке, и мы выйдем, чтобы поужинать в придорожном кафе...

В животе уныло заурчало. Очнувшись от полудремы, я приподнялась и потрясла головой — в ласковом тепле Сашкиных рук я плана спасения не сочиню!

— Выходить днем нельзя, — отозвалась я. — Одежды элитников у нас теперь нет.

Это было чистой правдой — в спешке мы связали для каната все, что попало под руку и теперь на нас остались только джинсы и футболки, которые были в дырах и местами заляпаны грязью — такие лохмотья обязательно бросятся в глаза.

— А дома богачей охраняются? — вдруг спросил Сашка.

Я не знала.

— А что если нам выкрасть одежду, еду и все, что надо, пока они спят?

Я хохотнула. Ничего себе план! Я обалдела от его... как бы это сказать... «сорвиголовости»!

— Хм, а что, есть другие предложения? — спросил отец.

— Очень рискованно, нас точно услышат. — Пожала плечами я.

Мы немного помолчали.

— Если бы мы все не помылись, нас бы еще и учуяли, — подала голос мама.

По ее фразе я не поняла — она голосует «за» или просто меня подкалывает?

— В любом случае, скоро пойдем к домам, — закончил обсуждение отец. — Здесь сидеть бесполезно, а там может найтись подпорка или что-то достаточно высокое, что поможет перебраться через стену.

В машине пришлось провести еще не меньше трех часов — выходить можно было только ночью, когда все элитники точно заснут. Вместе с Сашкой мы могли бы уйти и в другой автомобиль, чтобы здесь стало посвободней, но мне до глупости не хотелось разделяться, поэтому от неудобной позы я попыталась отвлечься тем, что следила за стеной.

Впервые я увидела киборга около костра, где мы оставили канат. Я похолодела, когда мощное стальное тело взлетело на стену... Пришлось признаться остальным, что киборги на это способны. С наших мест мы наблюдали за происходящим, как будто смотрели кино: киборг позвал к себе еще двоих и вместе они осмотрели канат, слетели вниз... я аж задрожала, но Сашка стиснул меня в объятьях. Стражники облетели территорию рядом, освещая все факелами, которые зажгли у костра. У нашей машины была непрозрачная крыша, но на всякий случай мы быстро сползли с сидений, пока киборги осматривали местность вокруг. Затем, внезапно, будто по сигналу, все охранники улетели за стену.

— Дыру нашли! — предположил Сашка.

— Если только весь завод успели обыскать, — отозвался отец. — Дверь и окно мы ведь закрыли!

Я похолодела. Если так, то времени у нас мало. А чего я хотела, когда целый отряд киборгов со всех окрестных стен бросился на поиски зачинщиков аварии?! Тогда какой смысл перекидывать нашу самодельную веревку на ту сторону? Киборги быстро догадаются, что дверь могли запереть только изнутри!

Мой страх будто электрическим разрядом прошел через остальных — все торопливо повскакали с мест и, сбившись в кучу, мы выдвинулись к садам.

— Жаль, машины не на ходу, — сказала я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку и прервать гнетущую тишину. — Прикинулись бы элитниками и проехали через границу!

Отец странно посмотрел на меня.

— Вообще-то, та, в которой мы сидели «живая», — сказал он. — Пока вы... ммм... спали (деликатно заметил он), я проверил двигатель — работает. Только страшные они все больно, поэтому их здесь и держат.

— Тогда... — начала я, но осеклась, вспомнив, что у нас нет ни одежды, ни косметики, ни документов, ни товара, чтобы на худой конец прикинуться хотя бы продавцами. В ту секунду, как мы припрямся в этой развалюхе на проходную, нас схватят без лишних разговоров.

Понуриив голову, я бросила последний взгляд на стоянку и стала нагонять остальных.

В пейзаже, который нам открывался по мере приближения к центру квартала, на первый

взгляд не было ничего необычного — те же деревья с ласковыми, пушистыми кронами, ручейки, мостики... но я была уверена, что квард Кондитеров обязательно нас чем-то удивит и не ошиблась! Помимо мостиков и множества скамеечек, здесь были уютные беседки и крохотные домики для детей, только одно отличие от реальности — сделаны они были из сладостей!

Боже, спасибо, что в детстве я насмотрелась сказок про пряничные домики! Теперь все это было в двух шагах! Не сговариваясь, мы подбежали к ближайшему домику и, потеряв всякое стеснение, стали отрывать от него куски! Правда, это оказались вовсе не пряники, а бисквит... нежнейшее тесто, кисленькая прослойка и крем. Вместе с тортом, я чуть руку себе не откусила! И все свежее, будто только что испекли, даже странно, что не испортилось, пролежав весь день на солнце! Чтобы не оставлять явных следов нашего пребывания, мы перешли к следующему домику и отломили по кусочку там, потом дальше... запили все это, зачерпнув в ладони воду (не кисель, к сожалению!) прямо из ручья.

На сытый желудок и соображалось лучше! Мы уверенней двинулись вперед, на ходу прихватывая сласти, которые, словно игрушки на новогодней елке, пестрели на деревьях. К тому времени, как мы пересекли сад и подошли к домам, все наши карманы были плотно забиты конфетами и леденцами. Смотря на довольные лица родных, я перестала нервничать — одной проблемой меньше, быть может, мы решим и другие?

В архитектуре Кондитеры тоже не подкачали! Их домики были — готовые торты, только гигантских размеров! Розовые, фиолетовые, зеленые, желтые... каждый этаж венчали пухлые балконы с витиеватыми украшениями из крема, стены были облеплены розами и вишнями размером с футбольный мяч! В отличие от кварда Искусств, в этих домах не было оригинальности, они поражали другим — тем, что вызывали чувство, будто прохаживаешься по витрине кондитерского магазина — огромные торты выстроились в ряд и каждый будто просит откусить кусок! Сливочно-ванильные, карамельные, фруктовые... и как им только не жалко еды? — думала я. Но подойдя ближе, я коснулась стены одного из «тортов» и оказалось, что они построены из совершенно обычных материалов, видно, каждый житель кварда гордился своим призванием и просто выпендривался, как мог! Представляю, как Рик любит этот квартал, на его месте я бы навещала сюда каждый день!

Держась парами, чтобы не потерять всякий интерес к дальнейшему пути, мы прошли жилые кварталы и снова вступили в сад — он оказался копией первого. Под одним деревом с особенно пышной кроной, мы остановились — нужно было решать, что делать дальше.

— Больше тут ничего нет, — нехотя подвел итог отец. — Ни завода, ни другого высокого сооружения, которое бы примыкало к стене. Давайте думать.

Я вынужденно признала его правоту. Плана действительно не было. Квартал Кондитеров был красочным, безопасным, простым, но оказалось, что искать лазейку в нем будет сложнее всего. И никаких подсказок Рик нам не оставил.

В саду, где мы остановились, были интересные ночники — кремово-красные мухоморы — от них исходило легкое, почти призрачное свечение и они неслышно качались в такт ветру. К их красоте прибавлялся и замечательный аромат ванильного мороженого. Сначала я любовалась ими, но со временем, которое мы проводили в них к чему не приводящих спорах как перебраться в Пятнадцатый, я стала поглаживать на них все с большей опаской — чем ближе был рассвет, тем меньше грибы светились и тем меньше нам оставалось времени, чтобы спастись... В конце концов, я без причины разозлилась на них и, пока отец с Сашкой спорили, стала сбивать ближайшие грибы, чтобы они не болтались на глазах!

Подошла мама и обняла меня за плечи, сразу захотелось уткнуться к ней в шею и забыть обо всем! Так же я чувствовала себя, когда только попала в Далетанию — тоже хотелось, чтобы мама обняла меня и утешила! Вот и дохотелась! Дура! Я пнула очередной гриб, и он распался на части, извергнув нутро из крема с джемовой начинкой. Потом я разозлилась и на маму — зачем она меня успокаивает? Все плохо! Мы заперты здесь, и никто не знает, что делать! Все еще хуже, чем раньше — из прошлого квартала мы хотя бы могли вернуться назад к Дариану, а теперь мы в западне! Сколько мы еще протянем? Нас или заметят местные или найдут киборги, которые уже давно рыскают в поиске виновных в аварии и побеге через стену! Я даже удивлена, что они еще не прочесывают весь квартал!

Мама молча прижималась к моей спине и ждала, пока я выпущу пар на невинных созданиях, в конце концов это подействовало — я смягчилась, обернулась и мы обнялись — просто, без смысла, но мне стало значительно легче. Не смотря на все произошедшее, мы до сих пор все вместе, живы и здоровы, а это ли не главное?

— Спасибо, — тихо сказала я.

Мама чмокнула меня в плечо и подтолкнула назад к мужчинам. Пора было решаться хоть на какие-то действия!

При нашем с мамой появлении, мужчины зловеще примолкли; я села на траву между папой и Сашкой и выжидательно посмотрела на каждого:

— И? Что решаем?

Отец неторопливо почесал подбородок с отросшей за дни скитаний щетиной и уставился на меня.

— План есть, — ответил он.

— Да ты что! — опять чуть не взорвалась я.

Все мои предыдущие идеи он жестоко отверг, поэтому я и убежала сражаться с безмолвными грибами. Хотя, признаюсь, идеи были одна слабей другой и предлагала я их просто для того, чтобы было из чего выбирать, например, поискать высокую лестницу, или дожждаться следующей ночи и перетащить все машины к стене, поставив их друг на друга и все в таком духе... Признаюсь, мне и самой было стыдно за такие глупости, но это лучше, чем молчать!

— Мы переедем проходную на машине, — вставил Сашка.

— Что? Вы с ума сошли?!

Я во все глаза пялилась на отца — он действительно решил провести отряд стражников, проехав мимо них на раздолбанной колыхаге? И с ним заодно Сашка, который совсем недавно закатил истерику о моей чрезмерной рискованности? Что случилось с этими людьми за те пол часа, что меня здесь не было?!

Папа с Сашкой довольно переглянулись, похоже, их забавляло мое удивление.

— А что мы скажем этим... охранникам? — осторожно спросила мама.

Отец сразу посерьезнел.

— На самом деле, до того, как мы туда попадем, нам нужно кучу всего переделать, и придется разделиться! — С этими словами, он встал на ноги и принялся ходить взад-вперед, разрабатывая затекшие конечности. — Ты с Сашей проникните в дом, возьмете одежду, грим и раздобудете какую-то яркую краску, чтобы наскоро придать ржавой колыхаге свежий вид. Мы с мамой, выберем самую удобную, я проверю, как она двигается, и еще нам нужно найти где-то товар — сделаем вид, что мы развозим продукцию.

— Можно слепить что-то из садовых беседок, — предложил Сашка. — Сделай подобие тортов. И укрась всякой дребеденью, какая тут висит.

У меня просто голова по швам расходилась — более сырого плана, который мог пойти крахом в каждом его пункте, представить было сложно! Но больше-то у нас ничего не было! Я попыталась взять себя в руки.

— А не проще у кого-то машину угнать? — спросила я.

— Нет, мы уже думали — представь: на границе будут помнить наши лица и, когда сообщат об угоне, они будут искать конкретно нас — не получится смешаться с толпой.

— А документы? У водителя их проверяли!

Отец остановился на пол пути и снова почесал подбородок.

— Прикинемся идиотами! — бросил он, но подумав, ответил: — тогда сделаем вид, что мы не торговцы, а едем, например, на праздник к кому-то. Здесь ведь так делают?

Все взгляды устремились на меня. Черт! Я не досочинила такие моменты, а кто теперь разберет этих персонажей?! Но, если думать логически, элитников ведь обычно не ущемляют в правах, ну, за исключением изгоев. Хм... Ага! Есть идея!

— Да! — я вскочила и замахала кулаками. — Вы наши родители, а мы ваши дети! — ликовала я.

Мама как-то странно дернула головой, а у отца открылся рот, по-моему, они подумали, что я чокнулась! Я показала им язык, а затем объяснила вдруг пришедшую мне на ум историю с Выставкой.

— Так вот, — продолжила я, когда они уловили мою мысль. — Скажете, что едем в Шестнадцатый за разными украшениями и драгоценностями!

— Идет. — Сказал Сашка, — но почему сразу не в Лабораторию? Допустим, они примут нашу легенду, почему тогда еще не рискнуть?

Я заколебалась. Его правда. По рассказам Рика из Пятнадцатого был официальный выезд на мост.

— Там охрана больше, — уклончиво ответила я; что-то смущало меня в таком быстром пути, да и Тартен там работает, вдруг это помешает? Под ложечкой приятно засосало, но я отвергла глупые мысли, вспомнив еще моменты: — А еще, думаю, в Лабораторию нужен официальный пропуск от Властителя, а подделать его мы вряд ли сможем.

— Хорошо! — кивнул папа и потер ладони друг о друга; по всему его виду было ясно, что он наконец-то оказался в своей стихии — перед списком задач, которые сложно, но можно решить. — Тогда действуем! До рассвета всего несколько часов, а к утру все должно быть готово!

Легко сказать: «Действуем!» Я не могла перестать удивляться отцу, да и к тому же мне до жути не хотелось разделяться, ведь полчаса назад я пришла к выводу, что в этом наше главное преимущество! Но, раз отец велел грабануть чей-то дом, значит дела действительно плохи. Со скрипом, неловкими объятьями и обещанием вернуться как можно раньше и быть осторожными, мы с Сашкой расстались с моими родителями на окраине сада и двинулись к домам.

Пестрые кварталы тортиков теперь казались опасными — а вдруг внутри домов сигнализация и на звук сирены прилетит отряд разъяренных киборгов? Или проснувшиеся элитники застанут нас и оглушат, дав по голове шваброй? А может, у них вообще стоят капканы от визита трущобников? Да, конечно, это бред, но мне действительно было страшно — я еще никогда не проникала без спроса в чужой дом! И сложно, даже нереально было абстрагироваться и напомнить себе, что мы всего лишь собираемся пробраться в дом выдуманных мною персонажей, которых еще совсем недавно и вовсе не было на свете!

Сашка, наоборот, выглядел чуть ли не веселым — то ли ради того, чтобы я не тряслась, то ли ему действительно было интересно совершить нечто подобное. В любом случае, он оживленно посматривал на дома и вслух гадал, чем там можно поживиться:

— Посмотри на этот карамельный торт с яблочно-коричным балконом, руку даю на отсечение, что там все такие сладенькие-добренькие — сами все нам отдадут! А здесь, — он кивнул на трехэтажный светло-зеленый дом в виде свадебного торта. — Раз здесь молодожены, можем захватить и свадебный кортеж, на нем будет удобней, чем на той колымаге!

Мне не понравилась тема свадьбы и я отвернулась от него. Довольно уже вспоминать Тартена! — зло напомнила я себе, но что я могла поделать? Ведь скоро мы окажемся рядом с мостом и я, возможно, смогу его увидеть. Да, конечно, если мы все выживем...

Ладно, пора выбирать дом!

— Давай возьмем тот, что с боку, — предложила я.

Сашка и сам присматривался к небольшому золотистому «медовику» — он стоял дальше остальных и казался каким-то скромным по сравнению с остальными. Может там нет капканов?

Переглянувшись, мы направились прямо к нему.

— Через окно или в дверь? — прикинул вслух Сашка.

Я на цыпочках подошла к двери и потянула ручку — заперто — вполне логично! Замок был задекорирован под хрустящую крошку, но под ней оказалось тривиальное отверстие для ключа.

— Есть заколка? — вяло поинтересовался Сашка — ни он, ни я, само собой, не умели пользоваться отмычками.

— А под ковриком? — вдруг оживилась я.

Мы подняли пушистый рыженький коврик, подвигали цветочные горшки, исследовали все подходящие места для того, чтобы спрятать ключ, но ничего не нашли. Вот засада! Я уже хотела предложить посмотреть следующий дом, но Сашка зашел за угол и быстро махнул мне, чтобы я подходила. Оказавшись с ним рядом, я увидела на боку «торта» целый ряд приоткрытых окон. Видимо, это место не считалось витриной таланта владельца дома — здесь было вдвое меньше обсыпки и сквозь нее виделись кирпичи. У меня в голове промелькнуло подозрение, а вдруг хозяин дома не слишком богат? Тогда, мало того, что мы его ограбим, так вдруг у него еще ничего нет? Я высказала это Сашке, но он предложил рискнуть — в конце концов, пусть мы лучше потратим десять минут, но зато и здесь может найтись все, что надо, а на отшибе нас будет сложнее заметить не вовремя проснувшимся соседям.

Вынужденно согласившись, я влезла в окно вслед за Сашкой.

Оказавшись внутри, мы огляделись — света фонарей с улицы вполне хватало, чтобы не расшибиться о мебель, а ее здесь было предостаточно! Комната напоминала гостиную — справа от окна в стену был встроен большой камин, рядом стояли два кресла; почему-то обстановка комнаты напомнила мне домик игрушечных медведей — много дерева, клетчатые ткани, набор для вязания забытый кем-то на мягком диване, который стоял ближе к противоположной стене... Капканов здесь точно быть не должно!

Друг за другом мы тихо пересекли комнату. Прежде всего нужно было найти гардеробную, затем место, где теоретически хранились какие-нибудь краски, я подумала о кухне — может сойдут те яркие и стойкие пищевые красители, которыми они красят свои дома?

Мы двинулись к коридору; дом был двухэтажный, наверх вела лестница, гардероб должен быть там — рядом со спальнями, ну а кухня, конечно, внизу.

О своих предположениях я шепнула Сашке.

— Разделимся? — спросил он.

Я быстро помотала головой — только не здесь! Но он показал на руку, где раньше у него высели часы и сделал кислое лицо — да, сейчас некогда нянчиться со мной, каждая минута на счету, а нам еще одеваться и красить машину!

— Ладно! — буркнула я и пошла по коридору, пока паника не заставила меня вцепиться в него всеми конечностями! Когда я обернулась, Сашка уже неслышно скользил наверх. Придерживаясь за стену, будто боясь упасть на ровном месте, я прошла по коридору и действительно попала на кухню. Правда, просто «кухней» это помещение можно было

назвать с натяжкой — скорее эта была мастерская! В центре комнаты, которая по размерам превосходила гостиную, стоял огромный деревянный стол, еще два таких же примыкали к нему боками, все вместе они образовывали букву «П», а художник, то есть, пекарь, должно быть творил, крутясь между ними. Сейчас все поверхности были пусты, видимо на ночь повар отскабливал все до священного скрипа. Здорово было бы увидеть его во время творческого полета, когда все столы завалены, духовые шкафы полны разномастных коржей, а сам он (или она) лепит цветы, фрукты, фигуры и целые скульптурные композиции из теста и красок! Ну ладно, не до этого сейчас!

Стены кухни были заставлены шкафами — если где и могли храниться красители, то только в них. Стараясь не шуметь, я стала по очереди открывать ящики и дверцы, но, как назло, попадалось абсолютно все, кроме красок: тарелки, блюда из кости, керамики, мозаики, набор фигурных ножей, столовые приборы от самых простых до тонких, полупрозрачных, будто выточенных из алмазной крошки, чашки — от кофейных до глиняных ведер, ближе к центру кухни на полках хранились формы — цветы, листья, морды животных, буквы... затем, большой отдел с рядами одинаковых баночек, в которых, судя по сильно концентрированному сладковатому аромату, лежали пряности. Уже ближе, значит, рядом должны быть ингредиенты! Задвинув последний ящик на стене, которую я полностью проверила, я подошла к центральным шкафам и меня посетила удача! Целый шкаф, который больше подходил на полноценный гардероб, был заполнен банками с красителями; видимо, повару надоело смешивать каждый раз базовые цвета, поэтому всевозможные оттенки были готовы и располагались строго по порядку — от перламутро-белоснежного до лакрично-черного.

Взяв одну из банок, я ее потрясла — внутри был порошок. Вот только с чем его смешивать — с водой или какими-то специальными жидкостями вроде молока? Для страховки, я решила его опробовать. Я подошла к кристально чистой раковине и набрала воды в стакан, затем насыпала туда чайную ложку порошка. На чем бы испробовать? Машина металлическая, значит нужно что-то похожее, я взяла сковороду. Так, теперь мажем! Краситель был ярко-зеленый; я смазала им сковороду и стала ждать, пока он подсохнет. Две-три минуты — краска по-прежнему блестела, как мокрая; боясь измазаться, я попыталась смыть ее вафельным полотенцем; потерла туда-сюда — держится! Включив кран, я промочила полотенце и снова потерла — в центре образовались грязно-серые разводы, значит, краситель легко смыть водой. Что ж, придется не попадать под дождь!

Для транспортировки красителей пришлось похитить у повара несколько пустых баночек, я хотела взять как можно больше — лучше иметь запас ярких оттенков, чтобы мы больше походили на элитников. Я уже заканчивала сборы, как на лестнице послышался шум. Шаги были не быстрыми, но тяжелыми — кто-то, не заботясь о соблюдении тишины, спускался вниз. В панике я завертелась на месте — выскользнуть из кухни я уже не успевала! Скрипнув банками, я сползла под спасительное укрытие стола, но тут же вспомнила, что испорченное полотенце и позеленевшая сковорода до сих пор лежат возле раковины! Этот педант точно их заметит!

Шаги слышались еще на середине лестницы, поэтому нужно было действовать быстрее! Я опустила свою ношу на пол и проскочила к раковине, схватила полотенце, сковородку и чайную ложку, которой добавляла краситель и нырнула обратно под стол.

Как только я оказалась на месте, на пороге послышался громкий зевок. Мое сердце долбило изнутри, словно молот по наковальне. Я прикидывала, смогу ли я неслышно

убежать с кухни, если вдруг кондитеру придет в голову поработать. Сложность заключалась в том, что, зайдя он в букву «П» — я окажусь в ловушке — снаружи у всех столов была задняя стенка, которая в данный момент прикрывала меня, но вскоре могла стать западней! Время было только сейчас, пока Кондитер пойдет вдоль одной из сторон, а я должна проскользнуть вдоль другого бока и выскочить, спрятавшись за столы с внешней стороны. Но как тогда взять банки? Хоть они и маленькие, но стеклянные и не издают звука, только пока не двигаются!

Повар, казалось, был безучастен как к своей кухне, так и к неизвестной воровке — он просто стоял на месте. Я так напряглась, что не могла дышать, в какой-то момент мне даже захотелось выкрикнуть ему, чтобы он наконец принял решение и я смогла спокойно убежать! А затем, он сделал несколько шагов ко мне и оперся руками в стол прямо над моей головой. Я даже не вздрогнула, я просто чуть не умерла!

Изворотливое сознание подкинуло мысль, а вдруг это Сашка, но я сразу отвергла ее — он никогда не стал бы так шуметь. Да и... пахло от этого человека совсем по-другому — конечно, он каждый день мылся! Видимо, средства для ванны здесь тоже были с запахами сластей, потому что от него исходил аромат монпансье.

Неожиданно, Кондитер оторвался от стола и пошел, огибая букву «П» справа. Скрипнув от натуги зубами, я прижала драгоценные склянки к груди и на корточках, не поднимая головы, прокралась к краю стола слева, затем обогнула его и притаилась. В это время, хозяин дома уже наполнял свой стакан водой из-под крана. Пользуясь шумом, я так же тихо выскользнула в коридор, а затем и в гостиную. От нахлынувшей волны адреналина колени дрожали, глаза заслоняли истеричные слезы и жутко хотелось хохотать в голос, но я неуклюже перевалилась через раму и заставила себя отбежать от дома.

Факт того, что я на свободе, не сразу до меня дошел и добрых пять минут меня трясло так, что зубы стучали друг о друга. Не в силах оторвать глаз от окон «медовика», я гадала, выберется ли Сашка, и понимала, что в случае неудачи, я вряд ли смогу прийти ему на помощь. В панике я начала оглядываться, мне стало казаться, что Кондитер вызвал охрану и к дому неслышно летят киборги...

Но время шло, а вокруг было тихо. Когда за развевающимся тюлем показалось движение и на подоконнике материализовался тюк, я даже не поверила своим глазам! Но Сашка действительно вытаскивал сумки и вылезал сам! Оставив свои склянки, я бросилась к нему и помогла выбраться. Сашка тяжело дышал, рубашка на нем была насквозь мокрая. Не сговариваясь, мы быстро отбежали от «медовика» и замедлились, только оказавшись в саду.

— Этот хрыч лунатик! — злобно выругался Сашка. — Я чуть не сдох, когда он вдруг встал и стал раскрывать шторы — жарко его старой заднице вдруг стало!

Я хрюкнула от смеха. До сих пор не верилось, что мы выдержали эти пол часа и теперь спокойно можем обсудить вылазку!

— Он тебя он не заметил? Я слышал, как он спускался вниз.

— Увидел, если бы заглянул под стол, я была прямо под его старой задницей!

Мы оба фыркнули. Свободной рукой Сашка меня обнял, и мы побежали к тоскующим на стоянке предкам.

Пока мы добывали маскировку в доме элитника, родители тоже зря времени не теряли: папа выбрал самую приличную машину и копался в капоте, проверяя, все ли работает — ведь сейчас шуметь было нельзя, а завести мы ее сможем, только когда двинемся в путь; мама в это время очистила ее от пыли, паутин и другого мусора. Теперь это была просто старая машина, но уже не такая страшная и теоретически она могла ехать!

Я протянула Сашке красители — он был лучший художник из нас — и показала, в какой пропорции их лучше разводить. А мы с родителями пошли разбирать его тюки, в которых оказались и наряды, и очередные палитры грима (наши уже были полупустые), и даже несколько ярких париков, которые на всякий случай захватил Сашка.

После недолгих обсуждений, мне досталось платье с большущим кринолином, в нем я и сама походила на торт; мама тоже надела платье, оно было из более темных тканей и смотрелось богаче — то что нужно для приличной дамы; папа выбрал один из мужских костюмов, правда, влезть в него ему удалось с трудом — мешало брюшко, да и плечи у Кондитера были узковаты. В довершение, мы все напялили по парикам. Папе достался самый экстравагантный — включенный молочно-рыжий конус, напоминающий язык пламени — ему предстояло разговаривать с киборгами и поэтому нужно было предельно приблизиться к образу элитника. Я надела дурацкие бараньи кудряшки, которые спрятали мои собственные спутанные волосы и была вполне довольна — получилась эдакая девочка в платьице с торчащими оттуда панталончиками. Чтобы не выдать себя, на руки я надела длинные перчатки, которые предусмотрительно прихватил Сашка, они были телесного цвета и отлично скрывали металлическую заплатку. В дополнение ко всем приготовлениям, мы обильно полились духами, которые пришлось чуть ли не силком вырвать у мамы.

Когда мы закончили, Сашка позвал нас к машине — его стараниями старая колымага превратилась в корзину цветов! Основание он сделал в виде торта, а по бокам и на крыше дал волю фантазии — фрукты, цветы, бабочки... Вот бы полюбоваться подольше, но нужно было спешить!

Пока Сашка переодевался, я сделала только последнее возможное приготовление — наскоро натаскала отца для общения с киборгами — чем глупее и наивнее он будет с ними болтать, тем вероятней, что нас пропустят! Он выслушал меня, закатив глаза, и оставалось надеяться, что в нужный момент он сможет прикинуться высокомерным шутком.

Когда все разместились по местам, было уже часов десять — можно выезжать. Перед этим мы так спешили, бегали, думали, воровали, красили, а сейчас осталось последнее — спокойно проехать границу, то, ради чего были все приготовления, да и весь наш предыдущий путь тоже!

Ко мне вернулась нервная дрожь. Отец завел двигатель — он действительно работал, но с облегчением вздохнули все, кроме меня, а я только еще больше напугалась и задергалась, как от нервного тика! От ободряющих взглядов мамы, от прикосновений Сашки, который грел мои похолодевшие руки, становилось только хуже. Я и сама не знала почему — ведь пройти границу и все! А там мы будем в двух шагах от Лаборатории!

— Поцелуй меня! — велела я Сашке.

— Что?

Сквозь грим на его лице выразилось крайнее недоумение. Я что многого прошу? Раньше он не задавал таких вопросов!

Повторять я не стала, просто смотрела в его глаза; даже очерченные ярким макияжем, они были добрые и родные. Он медленно закусил губу, потом нагнулся ко мне и сдернул ресничку, выпавшую с моих густо окрашенных ресниц. Родители молчали. Возмущения они не высказывали, но моя просьба, которую все отчетливо расслышали в тесной машине, их явно смутила. Я опустила глаза, но Сашка поднял мой подбородок и мягко коснулся губами моей щеки, затем уголка губ, а потом и нерешительно, но с желанием, моих губ. Отвечая ему нежностью, я пыталась оторваться от всего окружающего и представить, что сейчас мы дома, у моего подъезда, что впереди долгое лето, велосипеды, прогулки по зелени и купание в озере. Мне показалось, что он думал о чем-то похожем...

Когда он оторвался от меня, я почти поверила в свою жалкую фантазию и дрожь утихла. Но когда я повернулась к окну, а Сашка снова принялся разминать мои пальцы, я до боли прикусила губу — так ли я боюсь границы или я чувствую приближение того, кто может пробудить во мне более серьезные чувства?

Не комментируя только что произошедшего на заднем сиденье, отец коротко объявил:
— Подъезжаем.

Никто не произнес ни слова, поворачивать было поздно — нас уже видели. Краем глаза я заметила киборга у ворот, который жестом велел их открыть. Я судорожно сглотнула и сжала Сашкину руку.

Папа проехал вперед и остановился в середине проходной — распоряжений нам никто не давал, но следующие ворота были заперты. Отец выключил двигатель и развалился на кресле, высунув руку в ожидании стражников.

Ждать пришлось недолго — киборг вышел из тени и, лязгая суставами, подошел к машине.

— Выходите! — жестко, без приветствия, велел он.

На меня напал панический ступор — этого мы не ожидали. Секунду помедлив, все стали открывать двери; Сашка, видя, что я застыла на месте, приоткрыл мою и слегка меня подтолкнул. Я тряхнула головой и стала вылезать, но... застряла!

Мерзкий кринолин! Я тянула себя вперед, но он удерживал меня будто материализация моего страха. Я кряхтела и двигалась взад-вперед, но ничего не выходило!

— Не порви платье, доченька! — вдруг заботливо вскрикнула мама и подбежала ко мне; в ее голосе тонуло отражение моей паники, но она умело скрывала ее за повышенной заботой.

Вместе с Сашкой они попытались вытащить меня, но от сильного рывка я вылетела из салона, оставив половину длинной юбки внутри, и упала в лужу у ног киборга!

Секунд пять стояла мертвая тишина. А потом я зарыдала:

— Мое платье! Ааааа! Что вы наделали!

Я сидела в грязи, распластавшись на пятой точке и голосила во все горло! Родители оторопело смотрели на меня, но у Сашки задержались губы — он понял, что я играю.

— Ха-ха! Тебя никто не выберет, лохушка! — заржал он и показал на меня пальцем.

Я закричала еще громче:

— Я вся грязная! — я потрогала парик, покосившийся от быстрых движений и плаксиво, бессвязно забормотала, что моя жизнь кончена, что меня никто не выберет, что я никогда не выйду замуж...

В приступе истерики, я взглянула на окружающих — Сашка по-прежнему глумился надо мной, а отец вставил в уши указательные пальцы и громко запел какую-то бредовую песню, чтобы заглушить мой крик — по всем их манерам выходило так, будто я каждый день закатываю подобные представления! Я была так довольна, что чуть не забыла о своей роли.

— Доченька! — подбежала ко мне мама и попыталась поднять, но не слишком сильно, от чего я снова плюхнулась в грязь. — Это вы виноваты! — вдруг злобно крикнула она и побежала на обалдевшего стражника: — Зачем вы ее вытащили, у нее скоро Выставка, а кому она такая нужна?!

Мама в голос кричала на киборга и тот даже стал отступать! Мы все притихли, такой заведенной я ее еще никогда не видела... Папа замолк и спрятался за машиной, Сашка тоже ретировался. Киборг что-то тихо сказал, как мне показалось, в оправдание, но мама возвела руки к небу и заголосила не хуже меня, о том, сколько денег и времени мы потратили, чтобы собрать меня и как дорого стоила каждая деталь моего гардероба!

Решив, что продолжение концерта вызовет подозрения, в кульминации актерского экстаза, я вскрикнула в последний раз и, раскинув руки, грохнулась на спину.

— Девочка моя! — схватилась за сердце мама.

Остальное я уже не видела, потому что активно изображала обморок. Чьи-то руки засунули меня обратно в салон, затем, судя по дыханию, остальные тоже оказались рядом. Киборг что-то сказал и передние ворота заскрипели. У нас даже не стали проверять документы, только бы побыстрее избавиться!

Отец завел машину и поехал вперед. Но открыть глаза я решилась, только когда Сашка меня потормошил:

— Вставай, плакса! Если еще будешь так верещать, замуж тебя точно не возьмут! — улыбаясь, пообещал он.

Радуюсь победе, мы не сразу осознали, что попали в новый квартал. Первым очнулся отец — отъехав от стены, он притормозил и предложил составить план, прежде чем действовать дальше. Я проглотила смешинку, которая все еще вертелась внутри и выглянула в окно.

Пятнадцатый не походил ни на один квартал, хотя за нашу «прогулку» мы насмотрелись немало! Это был огромный город-рынок, который занимал весь квартал! Глаза разбегались, пытаюсь объять все пестрые лавки с товарами, которые были и разложены по порядку, и навалены скопом, и висели на столбах, и валялись на земле; в редких промежутках между лотками были втиснуты высокие узкие дома, с прибитыми к ним стрелками и указателями, между лавками лавировали смешанные толпы трущобников, элитников, детей, попрошаек, торговцев, которые, толкая друг друга, нюхали, трогали, взвешивали на руках и разглядывали на свет разномастные товары.

Да, глаза разбегались! Но я знала этот квартал, когда-то я писала о нем — в будущем Пятнадцатый должен был стать центром революции, ведь здесь был стратегически важный, единственный выезд в Лабораторию.

Местные жители, по моей задумке, помимо торговли, занимались добычей полезных ископаемых, а также драгоценных металлов и камней в горных комплексах за Лабораторией, частью добытого они и торговали по-черному, собирая вокруг своего квартала разнообразную публику — начиная от элитников, которые рады были приобрести драгоценности по бросовым ценам и кончая трущобниками со всех кварталов, которые пару раз в неделю приезжали сюда на рейсовых автобусах за товарами и выменивали свои пожитки и

отложенные деньги, на что-то съестное или необходимое.

Главной опасностью в кварде, пожалуй, и была эта самая «разнообразная публика» — несмотря на то, что отец остановился на тихонькой улочке, позади самых бедных лавок со старым тряпьем и драной обувью, на нашу яркую машину уже бросали подозрительные взгляды, а одна тетка в косынке и пестрых юбках, похожая на цыганку, даже зашептала с кем-то, показывая на нас пальцем.

Быстро соображая, что делать, я предложила снять парики и яркую одежду, а оставить только детали — пиджаки у мужчин, расшитый пайетками палантин от маминого платья, а у меня корсет, который легко отстегивался от разодранной юбки. В сочетании с истрепанной рабочей одеждой это смотрелось странновато, но уместно в этом кварде, где продавали кучу барахла — о нас можно было подумать, что мы трущобники, но не совсем бедные. Свои перчатки я тоже оставила, они были в цвет кожи и почти не заметны на руках, в любом случае это было лучше, чем постоянно прятать руку в карман. Пока мы переодевались, я думала, что делать с машиной — предложить кому-то ее купить? Но вдруг нас будут искать и вычислят, что машина принадлежала нам?

— Оставим машину? — предложила я нерешительно.

Но папа и Сашка со мной согласились — они уже успели подумать об этом. Напоследок, мы заботливо прикрыли раскрашенную дверь автомобиля — жаль было бросать такую красоту, к тому же она спасла наши жизни, без нее мы бы не пересекли границу!

— Пойдемте! — сказала мама.

Она неуютно чувствовала себя на темной улице, я тоже поежилась, в этом кварде люд был совершенно другой — здесь нужно быть осторожней и держаться вместе!

Бросив машину, мы прошли по улице и вышли с другой стороны, чтобы слиться с толпой. Осматриваясь, я снова мельком заметила тетку, но она тут же спрятала взгляд и исчезла за лавками. Не зная точно, видела ли она, что это мы бросили машину, я забеспокоилась — кто знает, может она вроде тайного соглядатая стражи? Черт, опять мне мерещатся капканы и шпионы, совсем чокнулась!

Между тем, мы оказались на оживленной улице; здесь пахло, а точнее, воняло рыбой и сырым мясом не первой свежести, под ногами чвакала каша из грязи и мусора, спасало только то, что мы не сменили прочные кеды из лаборантской на обувь элитников! Тут же продавали давленные овощи и фрукты, вполне возможно, здесь был даже тот картофель, что некогда загнал водитель рабочим Десятого. На следующей улице оказались тоже какие-то ряды, больше походившие на блошинный рынок — на прилавках чего только не валялось: запчасти киборгов, пыльная посуда, банки и баночки, наполненные чем-то, но не подписанные, разнообразная одежда — от стандартных роб до ярких, но поношенных, нарядов элитников, башмаки, свалка одинаковых бракованных кукол без одного глаза... Смотря на все это, я подумала, что неплохо бы и нам добыть денег. Только как это сделать — тоже встать за прилавок и разложить все наши вещи на всеобщее обозрение? Было у нас не много — кое-какая бижутерия, одежда и мамины флакончики с духами. А нужны были еда, кров, да и просто свободные средства, ведь, честно сказать, когда все шло четко по плану?

Именно в этот момент я снова увидела тетку. Теперь она даже не скрывала, что мы заинтересовали ее — она оглядывала нас разом и одновременно, оценивала каждого, будто прикидывая отношения в нашей группе — кто главный, кто слабее, у кого можно пошарить по карманам, а к кому лучше не подходить; в темных глазах, которые выглядели из-под

надвинутой на лоб пестрой косынки, таилось что-то звериное — грязное и примитивное. Мама в это время с восторженным воплем показывала что-то отцу, Сашка пошутил и они засмеялись. Кроме меня никто не замечал пары глаз, обладательница которых уже принимала решение. Я хотела рассказать о ней отцу, но не могла к нему обратиться, пока цыганка так пристально следила за нами. Возможно, она даже сообщила о новых приезжих своей шайке и пока мы медлим — ей это на руку!

Обернувшись к родным, которые по-прежнему ничего не замечали, я вдруг поняла, что нужно делать.

— Мама, дай мне один флакончик, — попросила я.

— Зачем? — спросила она, неохотно передавая самый маленький.

— Нужно! Стойте здесь, я быстро вернусь. Саша, пожалуйста! — остановила я его, когда он с каменным лицом двинулся за мной. — Я скоро! — пообещала я и направилась прямо к цыганке.

Она и не думала изображать, что удивилась. Дождавшись, пока я подойду, цыганка развернулась и зашла за угол — на очередную тихонькую улицу, где можно было поговорить.

— Жилье? Документы? Запчасти? Лекарства? — протараторила она с равнодушным выражением лица, но в темных глазах сверкнула искра удовольствия — взяв инициативу в свои руки, она сразу поставила меня в ранг просительницы.

Вместо ответа я огляделась — по моей просьбе за мной так никто и не пошел, а значит, сейчас я должна сделать то, зачем пришла, как бы неприятно это бы не было!

Я резко обернулась и, сделав два быстрых шага к тетке, взяла ее за грудки и прижала к стене. Цыганка попыталась вырваться и закричать, но я закрыла ей рот ее же косынкой. Поняв, что ей не вырваться, тетка стала сверкать глазами и пытаться укусить меня, но в итоге только подавилась. Я дала ей прокашляться, а потом снова прижала к стене, но рот уже не затыкала. Она молчала и ждала.

Хорошо, что попалась тетка — она была слабей меня, хотя, посмотри на моих родных так кто-то еще, я бы вцепилась в любого!

Вытянув подбородок, я смерила ее взглядом и резко отпустила, отчего она пошатнулась, но осталась на месте. Медленно, не спеша, я достала из сумки искусно сделанный флакончик и передала его в жадные протянутые руки. Цыганка повертела его, проверила зубами прочность и несколько раз посмотрела его на свет, затем, видимо, уже не желая отдавать, неохотно, но уже вежливей, спросила, что от нее требуется.

— Для начала жилье на десять дней рядом с мостом. — Ответила я, намеренно увеличив срок нашего пребывания, чтобы, если она все-таки решит с нами расправиться, она не спешила. — Все будет хорошо — получишь такой же.

С секунду цыганка таращила на меня глаза, но потом, кивнула и скривила гримасу:

— Идет. Только зачем так грубо?

Я не ответила. Как только я отвернулась, меня прошибла запоздавшая волна страха, отвращения и радости одновременно, я чувствовала, что поступила правильно, но — это же я, какая из меня отвязная девчонка? До сих пор я чувствовала в своих руках тряпье цыганки и ее запах... меня аж передернуло! Да, вела я себя некрасиво, но инстинктом я чувствовала, что нужно было показать серьезность, иначе она и ее дружки нас бы готовенькими съели! Теперь главное не потерять лицо, иначе весь этот ужас будет зря!

У выхода с улицы ждал нетерпеливый Сашка, по шуму шагов и по выражения его лица я поняла, что старуха идет сзади, и сделала вид, что так и должно быть. Когда я поравнялась с

родителями, то слегка мотнула головой отцу, мол, ничего не говори, и обернулась к цыганке:

— Веди!

Она обидчиво зыркнула на моих спутников и, шмыгнув носом, повела нас через торговые ряды. Пока мы шли, я старалась запомнить дорогу, но в то же время боковым зрением следила — нет ли где-то еще наблюдающих глаз. Но, видно, общество цыганки обеспечило нам равнодушие со стороны других мелких мошенников. Мы прошли до центральной площади, пересекли ее, а затем, вместо стены, которая обычно огибала каждый квартал, перед нами оказалась кованая ограда, прямо за которой виднелся мост! У аж дух захватило! Но я быстро отвернулась, чтобы не выдать себя.

Цыганка повернула к ряду домов, которые стояли против ограды; от ворот их отделяли не больше ста метров — лишь небольшая площадь, на которой велись строительные работы и стояли экскаваторы и бульдозеры; все дома примыкали друг другу, скорее всего, это были остатки какого-то большого здания, вроде завода. Цыганка провела нас к боковому домику на краю улочки и открыла дверь.

Не выдавая беспокойства, я вошла, втайне волнуясь, что кто-то из родных спасует и не поймет моего невысказанного намека — вести себя спокойно и высокомерно, но сзади я не услышала никаких вежливых слов или других ошибок, значит, отец, как и Сашка, понял меня и успел предупредить маму. Я поднялась по темной лестнице и остановилась на втором этаже перед запертой комнатой, поджидая остальных. Цыганка поднялась последней и, покопавшись в своих юбках, вытащила связку ключей и отперла дверь. Комната оказалась довольно просторной, наверное, раньше здесь была лаборантская или вроде того, мебели, правда, не было, только в стороне от двери лежала грудa матрацев.

Я снова подняла подбородок и подошла к окнам, делая вид, что интересуюсь пейзажем, но ведь я сама просила вид на мост! Получилось, правда, не совсем то — кабинку главного охранника заслонял огромный подъемный кран, но на озеро, основание моста и стражников у ворот можно пялиться круглосуточно!

— Годится? — устало и как-то жалко спросила цыганка.

Я и думать забыла о ней!

— Да, это все. — Кивнула я, не оборачиваясь.

— Тогда я пойду...

— Нет. — остановила я, входя во вкус от своей роли.

Я быстро пересекла комнату и встала к ней вплотную.

— Ключ! — потребовала я.

Цыганка зашамкала губами, но моя близость ее насторожила. Она покривлялась, намеренно медленно вытаскивая наш ключ из связки, но затем протянула его. Я тут же кивнула и, сделав еще шаг вперед, вытолкнула ее наружу и захлопнула дверь.

Затем я со страхом обернулась...

Мама прикрыла ладонью рот и мотала головой из стороны в сторону, отец одобрительно развел руки, мол, я все понял и все нормально, Сашка показал мне поднятый палец, но затем кивнул на дверь — хотел убедиться, что цыганка ушла. Я толкнула дверь, но на лестнице уже было пусто, а с окна на лестничном проеме было видно, как она переговаривается с каким-то мальчишкой и злобно косится на дом.

Я вернулась обратно.

— Простите меня, — вымолвила я и бросилась к родителям. — Мне так стыдно!

После того как мы впервые за несколько дней оказались в закрытом и более-менее безопасном, а самое главное просторном помещении, у нас были только два желания — хорошенько поесть и выспаться. Для начала мы с Сашкой вызвались пойти купить еды. Родители были не против, но прямо перед выходом Сашка попросил меня остаться — за последнее время я слишком перенервничала и, видно, выглядела не слишком адекватной, поэтому он мягко намекнул, что мне нужно отдохнуть...

— Ладно! — сверкнула я глазами и закрыла за ним дверь, сразу плюхнувшись на ближайший матрац — сил действительно не было.

Мама присела рядом, положила мою голову к себе на колени и стала перебирать спутанные волосы. Конечно, я сразу захотела спать! Но отец мне этого не позволил — он снова стал ходить взад-вперед и неодобрительно коситься на окно, будто из него вот-вот должны полезть чудовища.

— Значит, перебраться на ту сторону мы сможем только после восстания? — спросил он.

— Да, — согласилась я, прикидывая в уме сколько дней осталось — Дариан говорил, что дает Рику пять дней, чтобы доставить нас на Ярмарку и оповестить кварды, из них два с половиной мы провели в пути. — Восстание будет через два дня, — вслух произнесла я, — только, наверно, не днем, а ночью, получается, что у нас в запасе сегодня, завтра и день послезавтра.

— И все это время мы будем здесь... — Папа нахмурился. — Детка, а ты уверена, что у них получится? Что они так просто отвоюют мост, то есть, не устроят долгой перестрелки или не разрушат его насовсем?

Я не знала. Честно признаться, я вообще слабо представляла что обычные, не вооруженные люди смогут сделать против отряда киборгов — облить их ведром воды? А это идея... что, если придумать какой-нибудь шланг?

— Так как? — напомнил отец о своем вопросе.

— Пап, я не знаю. Дариан мне ничего не рассказал.

— Тот раненый кислотой старик?

— Да. И в книге... — я замешкалась, они ведь помнят, что мы еще в моей книге? — ... я еще не подошла к этому моменту... и что они будут делать, я не представляю!

Папа посмотрел на меня долгим взглядом, но казалось, что он думает вовсе не о моей глупости, а скорее уже перешел в режим подготовки нового плана. Я не ошиблась:

— Тогда, доча, продолжаем думать! — сказал он.

Папа сбросил один из матрацев возле нас с мамой и лег; не позже, чем через минуту, в комнате раздался храп. Мы с мамой с улыбкой переглянулись — с тех пор, как мы попали в Далетанию, папа не позволял себе храпеть ни разу — каким-то образом контролировал себя даже неосознанно, чтобы звуки не выдали нашего укрытия, и только сейчас позволил себе ненадолго расслабиться. Его уютный храп вдруг наполнил мне нашу квартиру, мою захлавленную комнату, где я могла творить что угодно, даже не задумываясь ни о каких угрозах, да и наш район, город, школу — все такое привычное, спокойное. Бывали, конечно, особые местечки и компании, которые лучше обходить стороной... Но вот что странно — из

всех возможных мест в Далетанию я попала с самого обыденного и безопасного — из собственной постели...

Еду Сашка принес через пару часов, когда я уже собиралась идти его искать. Довольный, как кот мартовской ночью, он разложил перед нами душистые свертки.

— Ого! — закричала я. — Жареное мясо, орехи, хлеб, — перечисляла я все, что попадалось на глаза. — Оливки, мармелад! Умница!

Я чмокнула его в нос и в три секунды сварганила себе бутерброд.

— Как тебе удалось? — вежливо поинтересовалась мама, расчищая место, чтобы он мог присесть.

Голодный Сашка тоже набросился на еду, но сквозь набитый рот, невероятными усилиями пытаясь все разом проглотить и поведать о своих приключениях, рассказал, как продал часть нашего тряпья каким-то богатеньким дурочкам, которых больше интересовало его накаченное тело и манеры... Расслышав это, я пихнула его в бок, и он довольно захохотал.

— Дай мальчику, поесть! — пожурила меня мама.

Когда мы покончили с едой (отец к тому времени уже проснулся и уже успел умять полбуханки хлеба с мясом), разговор снова зашел о наших перспективах. Я изо всех сил прислушивалась к разговору, но сытный обед приятно грел внутренности, глаза слипались, а старый, но мягкий и удобный матрац манил все сильнее. И я заснула, прямо посреди нашего импровизированного стола. Позже только, почувствовала, что меня переносят и накрывают чем-то теплым.

Проснувшись я глубокой ночью, когда все вокруг мирно дышали. Я на цыпочках прошла к окну и, отодвинув свертки с продуктами, села на подоконник. Заснула я прямо в одежде, поэтому даже от ночного ветерка, пробиравшегося сквозь щели деревянной рамы, было не холодно. У ворот чернели неподвижные силуэты, но понять стражники это или металлические конструкции было невозможно; мост на темном, затянутом облаками небе, тоже был еле различим.

Почти бессознательно я коснулась нитки на шее и вытащила из-за пазухи пуговицу. Может, мы добрались сюда благодаря этому талисману? Темная деревяшка нагрелась от тепла моего тела и теперь остывала, лежа на ладони. Я гладила щербатые бока, которые были безмолвны, но все же хранили частичку Тартена — пуговица провела больше десяти лет у его сердца и не могла не впитать его мысли, чувства, воспоминания. И я сохраню ее, чтобы помнить, что была с ним знакома! Хорошо, что он дал мне ее, иначе, пришлось бы выкрасть что-нибудь из его комнаты!

Нет, я не буду грустить! Мир Тартена ждут перемены и в конце концов он будет счастлив — скоро я попаду домой и все устрою... Довольно глупых мечтаний! Пора смириться. Я и так слишком долго гостила в этой красивой, но чужой сказке.

Только увидеть бы его, встретить взгляд серых глаз напоследок... Я не могу не попрощаться!

Видимо, ночью кто-то перенес меня обратно, потому что с утра я снова очнулась на матраце. Тело приятно отдохнуло, я чувствовала себя посвежевшей и готовой к новым приключениям! Да, возможность хорошо поесть и спокойно, вытянувшись, поспать, порой творят чудеса!

Остальные тоже выглядели веселее — мама щекотала папу за бороду, которая с каждым

днем разрасталась все больше, Сашка что-то напевал, разминаясь и дергая меня за волосы, которые я пыталась распутать, сидя на подоконнике. К счастью, в нашем временном убежище имелась раковина с настоящей водопроводной водой — мама обнаружила ее, когда спустилась на первый этаж, пить воду оттуда мы не решились — лучше купить, а вот привести себя в порядок — это святое! Начала я с волос и, несмотря на старания Сашки меня отвлечь, к середине дня я их полностью расплела и начисто вымыла. Мыться, к слову, пришлось не слишком привлекательным куском мыла, которое Сашка раздобыл после очередной вылазки — оно было грязно-серого цвета и пахло довольно мерзко, но со своей задачей справилось, а запах перебил остатками духов.

Пока мы обживались и прихорашивались, одного человека из нашей команды мало интересовало что-то вокруг — отец снова сосредоточился на прямой задаче — вернуть нас домой. Сидя в углу комнаты, он чертил что-то на стенах найденным где-то старым гвоздем и периодически выглядывал в окно — то ли следя за охранниками, то ли высматривая детали для чертежа. После обеда я поняла, что дальше тянуть нельзя и подошла к нему.

— Пап, есть идеи? — прямо спросила я.

Коротко кивнув, он сверился с записями и снова выглянул в окно. Ответом он удостоил меня, только когда что-то пометил на стенке внизу.

— Нужно еще время, — сказал он. — А также бумага, часы и то, чем можно писать. Следующий раз я сам пойду на рынок и посмотрю еще кое-то...

Я подошла ближе и взгляделась в то, над чем он работал: на стене виднелся эскиз моста, крупнее его основание и были зарисованы все строения рядом — будка охранников, приграничный шлагбаум, рядом шли ряды буквенных пометок, я подумала, что это смены охраны.

Папа неисправим. Но вдруг что-то действительно пойдет не так?

— Давай, я пойду с тобой. Может, пригожусь чем-то... — предложила я.

Отец на миг оторвался от работы и потрепал меня по щеке.

— Выходим вечером и оденься потеплее! — загадочно сказал он и отвернулся обратно к стене.

Папа не обманул! Когда мама закатила истерику, зачем он берет меня с собой, да еще и на ночь глядя (Сашка тоже смотрел недобро), отец без лишних нежностей заявил, что мы скоро вернемся и запер их обоих на ключ. Обалдев от его наглости, я развеселилась и с удовольствием вышла на улицу — снова приключение!

— Держись рядом! — сразу осадил меня папа, но я заметила, что он и сам улыбался сквозь бороду.

Мы прошли наш дом и остальные строения, которые к нему примыкали, и отправились к ярмарочной площади.

— Будем что-то покупать? — спросила я.

— Сегодня не много, — сказал папа, зорко осматриваясь вокруг. — Пока посмотрим, что есть.

Немного обижало, что он не вводит меня в детали плана, но все же он взял меня с собой!

Темнело; редкие фонари не могли осветить обширное пространство и между домов, и под прилавками клубились тени; продавцы складывали товары в сумки и бросали их на тележки, чтобы завтра принести их обратно, кто-то, шевеля губами, подсчитывал выручку. Пока отец приценивался к желтоватой бумаге и письменным принадлежностям, хозяин

которых отчаянно зевал, я оглядывала народ — готовы ли они к переменам? Сама я не знала, что такое революция, то есть, я, конечно, изучала в школе историю, но вот так — увидеть собственными глазами — это совсем другое. Когда наступает такое состояние, что лидер и народ осознает — что все, дальше так нельзя? Я не знала ответа. Для меня такие вопросы никогда не стояли, я проще относилась к жизни и, честно говоря, у меня все всегда было.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но что ждет тех людей, которые сейчас возвращались с работы, садились ужинать в кругу семьи, умывались, рассказывали смешные истории, которые произошли с ними за день? Что происходило за закрытыми дверями? Решались ли они? Просчитал ли все Дариан? Тех ли людей предупредил Рик и не подведут ли они? Мне вдруг стало страшно — а если восстание провалится, если все станет только хуже и кольцо охраны сомкнется вокруг квардов? Что, если мы не успеем выбраться, деньги и вещи закончатся и нам придется остаться здесь жить и работать? Я уже в панике оглядывалась вокруг — что, если вскоре мы станем местными трущобниками?!

Отец тряхнул меня за плечо. Он уже рассчитался с продавцом и рассовывал покупки по карманам.

— Давай, надо спешить! — напомнил он.

Мы пошли обратно, но к дому не свернули, а направились напрямик к мосту. От неприятных фантазий я растеряла всякое настроение и плелась за отцом, пока он не остановился у подъемного крана. Папа молча указал на кабинку и посадил, чтобы я забралась внутрь. Когда мы вдвоем оказались внутри, он тихо прикрыл дверь и стал шуровать по карманам. В своих раздумьях я и не заметила что он купил, а это были — пара старых, полуразбитых очков, лист прочного картона, наручные часы с оторванным ремешком, небольшой нож и желтый моток, похожий на изоленту, ее цвет напомнил мне Лабораторию, возможно, она была оттуда.

— Посматривай, чтобы нас никто не заметил, — попросил отец, а сам стал измерять картон по длине ножа и им же его резать.

Ясно, значит, сегодня у нас будет засада! Не зная, на сколько отец планировал здесь остаться, я решила, что через часик-другой сбегая и предупрежу маму с Сашкой, а то, небось, они и дверь взломают!

Сначала я хотела выслеживать Тартена, но потом запретила себе быть эгоисткой — в своих беспечных фантазиях, я могла упустить что-то важное, например, пару киборгов, которые вдруг к нам подлетят! И я устала на мост. Движения почти не было, киборги застыли на постах, не поворачивая голов. Может, даже на земле были крепления, в которые встраивались их тела? Озеро слегка поблескивало от легкого ветерка; лодок или кораблей на нем не было, видно, движение осуществлялось только по мосту. Я вдруг пригляделась к самому мосту — как можно на него поспасть? Он был из металла и возвышался над водной гладью высокой дугой, по-моему, такие мосты назывались «горбатыми»; до Лаборатории он тянулся метров на двести-двести пятьдесят; въехать на него можно было после шлагбаума у проходной, в метрах пяти от ворот. Интересно, поэтому киборги стоят, как штыки — водички боятся? — злорадно подумала я, но вдруг вспомнила, после каких обстоятельств они стали бояться воды и прикусила язык.

Кстати, на самом мосту тоже стояли стражники — они сцеплялись с металлоконструкциями на всем протяжении моста, вплоть до его высшей точки, откуда открывался вид на многие километры вокруг. У меня шевельнулось в животе — дальность их

обзора была много больше, чем со стены квардов, так почему же нас до сих пор не поймали? Возможно, нас спасла самая обыкновенная неоснащенность — были бы у нас фонарики или факелы, нас бы сразу засекали! Запоздало, меня пробрал озноб... Теперь, до конца наших злоключений, передвигаемся исключительно в темноте!

Осматриваясь, как велел отец, я не сразу заметила, что у него появилась подзорная труба. Он склеил ее из линз старых очков, скотча и картона!

— И как?! — сказала я, замороженно глядя на его творение.

Вместо ответа, он протянул трубу мне. Я поднесла ее к глазам — ничуть не хуже простенького бинокля и то, что сейчас требовалось — теперь киборгов можно было рассмотреть не больше, чем с десяти шагов!

Я восторженно ахнула. Отец ухмыльнулся и взял у меня трубу.

— Мне нужно еще минут двадцать, если устала, беги домой!

Но я решила посидеть с ним. Отец развернул купленную бумагу и снова стал делать пометки. Мне показалось, что он пытается измерить расстояние от моста до воды в разных местах и еще зачем-то замеряет расстояние между опорными стойками, которых у моста было три во всю длину. Неужели, он планирует перебраться под мостом? Но как? На веревках или думает создать какую-то люльку? У меня заранее закружилась голова, я представила, какое это глубокое озеро — гробануться с высоты моста, да еще утонуть, ну уж нет! Да и не я одна побоюсь этого! Представляю, что скажет мама!

Нет, нужно придумать что-то другое, но что? Вот была бы у нас лодка, точнее, моторка, мы бы перебрались на ту сторону за пять минут! Может, лучше придумать двигатель или взять его где-то? Но тогда где найти лодку? Не строить же примитивный плот! В этом кварде и деревьев-то нет!

Но папа продолжал расчеты, и я чувствовала, что, раз уж он взялся за дело, то перспективы наши очень нехороши. Похоже, он заранее чувствовал, что даже свершись восстание — спасти нас никто не побежит. И выход один — думать.

Когда папа выяснил все, что планировал, мы пошли домой. По приходе, мама нас здорово отругала, а Сашка долго со мной не разговаривал, но в целом все понимали, что сейчас не до семейных ссор — время следующего шага приближалось. Нас даже начало немного раздражать сегодняшнее бездействие — за несколько дней мы до того привыкли осторожничать и рисковать каждую минуту, что сейчас чувствовали себя развалюшками. Даже дующийся весь вечер Сашка предложил подежурить у окна сегодняшней ночью, чтобы знать, как ведут себя киборги, когда сменяются и что там еще происходит — видно, он тоже заметил, что папа что-то планирует. Отец одобрил инициативу и предложил мне разделить смену Сашки — чтобы часов до трех дежурил он, а потом я. Само собой, я согласилась.

Мы поужинали, умылись и разлеглись по матрацам, а Сашка занял свое место у окна. Я почти мгновенно отрубилась, казалось, организм ловил любую возможность поспать!

На счастье, снов почти не было, и здорово — кошмаров бы я сейчас не выдержала, а здоровый, спокойный сон — это то, что было нужно. Ночью отец меня потормошил, и, хотя Сашка хотел досидеть смену сам, он велел нам поменяться. Зевнув, я взяла пиджак, которым накрывалась и отправилась на подоконник. Но то ли это было затишье перед бурей, то ли ночи здесь были всегда такие скучные, в любом случае, ничего нового я не увидела — киборги сменяли друг друга через равные промежутки времени, друг с другом не переговаривались и были так похожи один на другого, что в конце концов я запуталась, сколько их там — шестеро или каждый час пост занимает новый!

Нет, так не пойдет! Взяв себя в руки, я все-таки попыталась это подметить и нашла закономерность: всего я видела шесть киборгов — два у ворот, два на проходной, два сверху на мосту, меняясь, каждый переходил на следующий пост, то есть от ворот к проходной, потом на мост, думаю, с противоположной стороны происходило тоже самое. Не знаю, поможет ли это отцу в его расчетах, но, кажется, это единственное, что мне удалось выяснить. Но, кроме того, что все они на одно лицо и двигаются, как роботы!

Черт, как же скучно! — в очередной раз подумала я, пялясь на пустую улицу. И вдруг обомлела — прямо под окнами крадучись, пробирался мальчишка. Я чуть не закричала в голос и подавилась, закашлявшись. Еще мгновение и его след простыл. Я пялилась в окно, а потом догадалась, что нужно бежать на улицу. Я уже вскочила на ноги, но вдруг представила темную лестницу и ночные трущобы, неосвещенные и черт знает, кем наполненные. Нет! Боюсь, я не решусь на такое!

Даже, если это и был Рик, а в этом я была уверена на сто процентов, я не могла решиться выйти. Да и зачем? Вряд ли он проведет нас в Лабораторию, он там даже не был, а здесь мы уже и сами обжились. Вот поболтать бы с ним, обнять непокорного, ворчливого мальчишку, послушать его баек... Я снова с надеждой выглянула в окно, но, конечно, он больше здесь не появится — он ведь исполнял задание Дариана, обходил всех равнодушных и сообщал дату. Интересно, он побывал уже в квардах близких к Замку или оставил это на завтра?

Больше за остаток ночи не случилось ровно ничего. Если бы я еще не думала о Тартене, можно было считать, что время проведено с пользой, но, несмотря на обещание себе самой, я в очередной раз фантазировала и... к сожалению, от этого становилось все больней... пора бы отвыкать!

Кстати, о Тартене... а где он будет завтра? — вдруг всполошилась я. — А вдруг у него ночное дежурство? Что если в эту ночь он пострадает? Кто знает, какими средствами будут устраивать набег на стражников?! И почему я раньше не подумала? Но что я могу сделать? Подойти к решетке и попросить начальника стражников, а если спросят зачем, сказать, чтобы он завтра не выходил на работу? Да меня не просто казнят — меня сразу направят в местную дурку!

Вот черт!

Хотя, с другой стороны, что мятежники могут сделать киборгам? Разве облить водой, как хотела я — но это же не кислота, она им не повредит, да они и улететь могут, в случае чего, если только... если только не будут защищать мост до последнего, как и полагается воинам! Чертово правительство! Зачем они отправляют мальчишек в броне защищать свои границы?!

Вместо того чтобы спокойно сидеть и наблюдать, я тряслась от злобы. Вот уроды! И кто это только придумал? Кто этот безумный ученый — создатель этой чудовищной Лаборатории?

Отец очень удивился, застав меня по утру не мирно спящую, а злую, как мегеру. Но, зная переменчивое женское настроение, решил не спрашивать. Зато невинному Сашке досталось — я отсчитала его за то, что он продал много наших вещей, а вдруг мы тут задержимся? Мама вступилась, мол, еще полно бижутерии и драгоценных флакончиков, но я была непреклонна! В конце концов, я наорала на их обоих и вышла на лестницу, чтобы никого не видеть. Меня бесило, что за пару дней, проведенных здесь, они потеряли всякую сноровку и над планом работал только отец! Я, правда, тоже халявила, но я оправдывала себя

тем, что я на взводе — пока события этой ночи не отыграют, я все равно не смогу сдвинуться с места — ведь это напрямую касается Тартена! Как только буду знать, что он не пострадал, тогда и смогу действовать!

День снова прошел впустую. Я уже ненавидела окружающие стены, поэтому сама отправилась за продуктами, в тайной надежде, что меня заметит мальчишка. Но, если все вокруг плохо, то и остальное кажется вражескими происками — его я не увидела и у меня развилась паранойя, что он нас намеренно избегает, считая, что мы его бросили...

Когда я вернулась, со мной разговаривали как всегда, будто до этого я ни на кого не наорала, и откуда только у них взялось столько такта? В итоге я почувствовала свою вину и остаток дня ко всем подлизывалась, но по мере приближения вечера, я все больше впадала в ступор и когда минуло девять, и вовсе перестала видеть что-то, кроме стройплощадки за окном.

За день отец с Сашкой успели установить прочную щеколду для двери и натаскали с какой-то свалки старой мебели, которой перегородили дверь — было решено, что чтобы ни было оставаться в этой комнате, иначе, в суматохе, нас могут и ранить, и разъединить. Сашка придумал еще и загородить единственное окно, чтобы нас не было видно с улицы. Для этого они с отцом вытащили из кучи мебели столешницу и отколотили от нее ножки, а затем закрыли ей окно — осталось только несколько щелочек между старым деревом, пахнущим плесенью.

Все приготовления были сделаны — дверь и окно прикрыто, сделан запас еды и воды на случай, если несколько дней придется пересидеть здесь. Мы положили пару матрасов друг на друга возле окна и прижались каждый к своей щелочке.

Восстание должно было вот-вот начаться...

Казалось, квард спит; на видимой нам площадке было тихо и мирно; кран, из которого вчера мы с папой вели наблюдения, застыл нерешительном положении. Я уже хотела было что-то сказать, как вдруг... началось...

Людские шаги я расслышала прежде, чем увидела трущобников — их было около тридцати. Все в темных, рабочих одеждах; на телах что-то вроде самодельной брони, в руках факелы — мгновенно стало светло, но меня это напугало больше, чем сплошная тьма — безоружные, маленькие, они шли прямо на киборгов!

Я тяжело задышала; не глядя друг на друга, мы почти синхронно схватились с Сашкой за руки. Огня на площадке становилось все больше и вскоре человеческие фигуры стали неразличимы.

Киборги застыли на своих постах, несмотря на движущуюся на них толпу, никто не трогался с места. Переговариваются, как остановить повстанцев или чего-то ждут? — кусая губы, гадала я.

Небо прорезала быстрая молния; темные тучи стали еще гуще, будто небосвод накрыли черным куполом. Звук резко столкнувшихся воздушных масс напомнил что-то, но я не обратила на это внимание — я не могла оторвать глаз от тонкой фигуры черноволосого подростка, который, отдалившись от толпы, нес факел дрожащей рукой. Отчего-то казалось, что это не он, а я иду за сплоченной людской массой — я чувствовала, как ноги с каждым шагом тяжелеют, голову покидают остатки мыслей, а в горле пересыхает от дыма, так что слова не вымолвить. Я спиной ощущала, что единственная возможность остаться

незамеченной, осталась позади, но тело по инерции продолжало двигаться за рекой огня, все ближе к воротам.

Следующий раскат грома услышал и черноволосый подросток; он поднял глаза к небу и остановился, отстав от толпы еще на несколько шагов. На юном лице выразилось недоумение; он смахнул что-то с носа — будто муху отогнал, а затем, с тем же недоумением уставился на ладонь. Толпа отошла уже шагов на десять, но он больше не помнил о ней. Все его внимание занимала крохотная желтая капля, которая, будто живая, двигалась по коже и заставляла ее пузыриться и дымить рыжими искрами; он даже не чувствовал боли — просто не мог поверить, что такое возможно!

А затем пошел дождь. И множество маленьких капель обрушились с неба и застучали по неказистой броне и одежде, проникая сквозь них и впитываясь в кожу. Подросток захрипел и замахал руками; его факел упал на землю, но продолжил гореть даже под кислотным дождем. Мальчишка сорвался с места и побежал к домам.

За его спиной раздавались крики повстанцев, которые наконец достигли ограды и теперь ломались в ворота. Они проклинали стражников, которые все еще неподвижно стояли на местах. Но внезапно факелы осветили две ближайшие фигуры, и повстанцы различили манекенов, наскоро обшитых броней. Оказывается, киборги не охраняли границу! Лидер трущобников победно закричал и махнул в сторону моста, который теперь преграждала только ограда. Он уже занес руки, чтобы перебраться на ту сторону, как вдруг его боевой клич оборвался — туча, которая до этого двигалась от центра квартала, наконец достигла толпы.

Трущобники отшатнулись от границы дождя, наткнулись на задние ряды и, толкая и валя собратьев, прижались к воротам. Туча надвигалась на них. Но плененные и загнанные в угол, они не могли вырваться. В реке огня становились все больше прорех — факелы гасли один за одним, и вскоре на темной площадке поблескивали только капли, мерно спадающие на слабо сопротивляющиеся тела.

Мимо нашего окна пробежал черноволосый подросток; в секундной тишине я расслышала громкий всхлип и быстрые шлепающие шаги. Он бежал без оглядки, и я последовала его примеру — слезла с подоконника и вернулась на свой матрац в углу у дверей.

Восстание не продлилось и десяти минут. И теперь все было кончено.

Стянув с плеч пиджак, я легла и накрылась с головой.

— Они знали! Их предупредили! — шипел Сашка.

Я не понимала, где я и что происходит.

— Похоже на то, — отозвался отец.

Я оторвала голову от матраца и с трудом разлепила слепленные веки, которые будто заросли коркой. Наверно я плакала даже во сне.

Моя подавленность никого не удивила — каждый справлялся с горем по-своему, Сашка бесился, папа чертил, мама плакала, отвернувшись к стене. На меня же напала спасительная апатия — теперь мне было все равно, я не хотела думать ни о чем и ни о ком, не сейчас, не сегодня. Пусть уйдут все мысли, какие бы они не были!

Все произошло настолько быстро, что увиденное не могло уложиться в моей голове. Вопреки желанию, в сознании возникали уверенные речи Дариана, старания Рика, нап визит к семье Полевых — столько усилий, а хватило меньше получаса, чтобы все подавить...

Нет, не могу больше думать!

Я снова откинулась на матрац и отвернулась к стене. Спать. Спать, пока все не кончится!

Что самое страшное в неудавшейся революции? Зачистка следов. Я узнала об этом два дня спустя, когда заставила себя выглянуть в окно, площадка уже была пуста — тела унесли, Лаборатория устроила дезинфицирующий дождь и никаких следов попытки прорыва не осталось. Все вошло в круги своя, будто ничего не было.

А что сделали с выжившими? С их семьями? Их тоже отравили кислотой или они в тюрьмах? — думала я и не испытывала при этом почти никаких чувств, апатия еще не ослабила своих объятий и только в ней было мое спасение, пусть и временное. Я просто хотела знать, что с ними случилось. Но ни объявлений, ни приказов нам слышно не было, киборги стояли на страже как всегда и в том же количестве. Что изменилось? Пожалуй, только цвет земли, с буро-черного она стала светлой и рассыпчатой, как лимонная кислота.

На третий день тишины, отец оторвался от чертежей и предложил Сашке пройтись. Я апатично напялила пиджак, чтобы идти с ними, но меня остановили у входа, и перед моим лицом заперли дверь. Я пожалала плечами и села прямо на пол. Вот я и стала мебелью. Ха-ха.

Не знаю, сколько бы еще продолжался мой ступор, если бы мама от души не шлепнула меня по щеке. А потом еще раз и еще, пока я не разрыдалась, и мы с ней не обнялись. Не решишь она на это, я бы, наверное, провела остаток жизни в отключенном состоянии.

— Прости меня, — пробормотала я, уткнувшись маме в шею.

— Тише-тише, маленькая моя, — повторяла она и гладила меня по голове.

Боже, не будь здесь моих родных, я бы просто не выжила! Что я без них? Забавная неумеха, которой в голову иногда приходят полезные мысли?

Когда мужчины вернулись, я уже набивала рот остатками портившихся продуктов и болтала с мамой. Сашка обомлел; мы обнялись, и я без стеснения забралась к нему на колени — чем больше человеческого тепла я получу, тем быстрее вернусь к жизни. О дне

неудавшегося восстания больше не говорили — предстояли куда более важные дела — нужно было закупить еще детали для папиного плана. А в этом заключалась сложность:

— Всех мужчин теперь проверяют, — объяснил отец, я удивленно оторвала глаза от еды и уставилась на него. — Мы еле скрылись от отряда, пришлось забежать в ближайший подъезд и пробираться по крышам.

— Так вам нельзя выходить? А что нам тогда делать?

— Спокойно, — прервал отец поток моих вопросов. — Вы с мамой прекрасно справитесь, а к тому времени как я все дострою, мы придумаем, как выбраться. А может и отлавливать перестанут!

Хм, он это специально сказал, чтобы я снова не замкнулась?

Ладно, — решила я, — сейчас всем и правда не до меня, я же сама бесилась пустому времяпровождению и вот — очередное желание сбылось! Черт меня дери!

Как я не спрашивала, отец так до конца и не объяснил, как он собирается перевести нас через мост. Единственное, что я точно уловила, что мы пройдем под ним в каком-то хитром устройстве и что сил оно от нас много не потребует. Правда, отец не знал, как пробраться через ограду, а мало того, что это нереально, так к тому же охрана сейчас вся на нервах! В итоге мне пришлось от него отстать, потому что его ответы становились все более пространными, а когда мужчина так говорит, значит у него что-то не получается и ему лучше не трепать нервы! Я много раз видела этот пример в отношении мамы с папой, поэтому взяла себя в руки и решила заняться другим — требовалась очередная вылазка на рынок.

Новое задание, пусть и простенькое, пробудило во мне почти загнивший азарт; я стала собираться в дорогу. Сашка, которого в отличие от папы, мое внимание не донимало, рассказывал что покупать и где — в этом уже он стал знаток, не зря так часто ходил за продуктами! Правда слушала я в пол уха, думая о том, чтобы поискать Рика — вдруг он еще здесь? Может спросить о нем цыганку? Да или на худой конец, поговорить с ней самой о том, что случилось? Сейчас мне нужен был кто-то не из живых людей, а из персонажей, чтобы вернуть уверенность, что мы находимся в сказке и что вокруг все не настоящее — хоть внешне я и поправилась, внутренне я все еще мучительно думала о земле, превратившейся в лимонную кислоту.

Собравшись, мы с мамой выслушали нудную речь отца, чтобы мы вели себя осмотрительно и, получив по чмоку в щеки, вышли из комнаты. Ключ брать не стали, хотя, повторить гадость отца очень хотелось!

Сразу стало заметно, что что-то случилось — лавок стало раза в три меньше — тут и там зияли прорехи. Проглотив комок в горле, я не стала заострять на этом внимание и направилась куда наказал Сашка — к большому лотку с разными резиновыми штуковинами. Я уже стала присматривать, что выбрать, как вдруг мама потянула меня за рукав.

— К нам идут... — потеряв голос, одними губами пискнула она.

Не смея дышать, я обернулась и увидела трех киборгов, которые направлялись к нам, широко расставив в стороны бронированные лапищи. Даже если бы я могла бежать, было поздно.

— Покажите руки! — приказал один из них, и, прежде чем я успела пикнуть, сзади меня схватили и сорвали перчатку с моей обычной, а следом и с металлической руки.

— Держи! — раздалось под ухом. — Держи!

Не видя, что делает мама и только слыша ее приглушенный крик, я извивалась всем

телом, но не могла даже шевельнуться в стальных ручищах; неожиданно мне плеснули в лицо чем-то желтым и я почувствовала ужасную слабость.

Падая на землю, в моей теряющей сознание голове вертелась только одна мысль — хорошо, что я не взяла ключ...

Прежде чем я проснулась, я почувствовала... удовольствие... Это было так неестественно, что я напряглась в ожидании угрозы. Было слишком мягко, слишком вкусно пахло чистотой и какой-то неестественной сладостью...

Мама! — вспомнила я и, судорожно вздохнув, открыла глаза. Кровать, балдахин, парча, цветы... я быстро осматривала место, в поисках мамы, но ее не было. Дверь! — рванулась я. — Нет, наверняка заперта! Лучше окно!

Я спрыгнула с постели и вдруг заметила в тени у окна старика. Багряная мантия, спадающий на плечи белый накрахмаленный парик и пронзительный взгляд.

— Дариан? — От шока и последствия нервного перенапряжения, меня качнуло обратно на кровать, но усилием воли я удержалась на ногах. — Где моя мама?

К его чести, Дариан не стал спрашивать, как дела и рассуждать о том, как давно мы не виделись.

— В соседней комнате. — Ответил он и, предвосхитив остальные вопросы, продолжил: — Она еще спит, она здорова и с ней все в порядке. После того как мы поговорим, ты ее увидишь.

Я снова покачнулась и решила сесть. При Дариане нельзя было показывать слабость и слишком выраженный интерес — вспомнила я уроки прошлого. Поэтому, я молча огляделась, продумывая варианты скорейшего побега.

— Мы в Замке, — снова заговорил он; я не отреагировала, и Дариан продолжил. — Тебя взяли по моему приказу.

— Я думала вы умерли и уже не можете приказывать.

А что я могла сказать? Он не сдержал своего обещания — стало только хуже! Ему нельзя доверять, с ним нельзя сотрудничать и как я когда-то могла вообразить иное?

— Я вернулся несколько дней назад.

Наверное, еще до восстания. Что же он не остановил повстанцев или не отменил дождь? А может, это он приказал его устроить?

Против воли я вгляделась в его ставшие еще глубже морщины, которые уже не мог скрыть никакой грим. Нос и подбородок, которые при нашей последней встрече покрывала чешуя, заросли кожей. Видно, Дариан не терял времени зря и успел сделать пластическую операцию.

— Нас предали. — Ответил он на немой вопрос. — Если бы я не оказался здесь, я бы не смог спасти пленных — сейчас они наказаны, но не казнены.

— А мы? Что вам надо от нас?

— Квард зачищается, вы могли попасть не в те руки, Алехис... Я решил не рисковать, приказал искать тебя по твоей метке и взять всех, кто будет рядом, но мы нашли только вас двоих, — быстро и почти официально протараторил он. — Я помню о своем обещании, — прибавил Дариан и вздохнул, ожидая ответа.

Снова доверить ему мою жизнь и жизни моих родных? Снова стать Избранной?

Дариан глядел на меня и, казалось, знал наперед каждую мою мысль. Он сделает со мной все, что захочет. Я снова его марионетка.

Нужно было время, чтобы все осознать. Я опять в начале пути — торгуюсь с Дарианом,

при том, что мы оба понимаем, что я соглашусь на любые условия, чтобы спасти родных. Что стоили все те дни, что мы бежали в Пятнадцатый? Что стоили все те нервы, весь тот риск, которые мы потратили впустую? Все чудо того, что мы преодолели почти весь путь и не пострадали? А не специально ли он устроил такое испытание, чтобы в итоге вернуть меня совершенно измученную и согласную на все?

— Почему вы просто не велели своим охранникам доставить нас в Лабораторию? — спросила я, предчувствуя, что он тут же вывернется.

— Это не в моей власти.

— Ха! А зачем же вы увезли нас отсюда, зачем привезли нас к Ароне, зачем дали нам Рика?

Дариан не ответил; я чувствовала, что в этом молчании была единственная правда, которую он когда-либо мне доверил — он и не рассчитывал, что мы спасемся.

— Зачем?! — повторила я, требуя ответа; в эту секунду мир вокруг интересовал меня меньше всего — были только Дариан и я, которая ждала правды, но он снова молчал, и я не выдержала: — Потому что я должна была увидеть жизнь квардов? Богатство, бедность, мутации, нищету?

Мои губы задрожали, но не от слез, а от злости — я и не подозревала, сколько ее скопилось во мне; я сжимала руки в кулаки и ранила себя грязными, отросшими ногтями.

— Потому что я Избранная и это мой путь? — спросила я, и из глаз полились слезы бессильной ярости, они заволокли Дариана, но я увидела, что он поднял подбородок и кивнул.

— Ты врал, подлый ублюдок!

Я сорвалась с места и сбила тумбу у кровати; хрупкие вазы посыпались на пол и с треском развалились, ногой я отшвырнула их с дороги и бросилась на старика. Защищаясь, он поднял руки, и я колотила по ним и пихала его ногами! Мне хотелось уничтожить, убить его! Дариан не сопротивлялся, только тихо просил прекратить и пытался защитить лысеющую голову, с которой спал парик. В конце концов, я оттолкнула старика к стенке и, заливаясь слезами, стала метаться по комнате, круша все вокруг, пока, окончательно не обессилив, не упала на пол.

Мама, папа, Сашка! Я подвела вас, я не справилась! И я не знаю, что делать раньше, я не знаю, как вас спасти! Я только маленькая зареванная дура в ногах у старика, который всех обманул. Это конец. Дальше пути нет.

Рука Дариана коснулась моего плеча. Я даже не отшатнулась! А какая теперь разница, чтобы он не сказал?! Скоро вернется апатия, которая стала убежищем после восстания, теперь она станет моим спутником до конца этой жизни... жизни в Далетании.

— Я знаю, как спасти твоих спутников, — тихо сказал Дариан, властность в его голосе на краткий миг почти исчезла. — Ты сама сделаешь это, а потом поможешь мне, как и было по уговору.

Я не поднимала головы. Зачем? Он снова врет! А мне нужно начинать все с начала... нужно придумать, как попасть с мамой к папе и Сашке, нужно достроить папин аппарат...

Дариан тряхнул меня за плечо, и я с отвращением вскочила.

— Не смейте! Я больше не собираюсь вас слушать! — зашипела я. — Вы говорите о предательстве, а сами вы их не предали? Вас ведь там не было! Вы не видели, как они... — меня передернуло, когда я вспомнила, как люди на площадке падали на собственные факелы. — Вы сидите здесь и только управляете, а сами-то вы знаете, что творится в

квардах? Как вы смеее склонять их революции? Кто вы такой?

Старик по-прежнему был невозмутим и смотрел мне в глаза. Из какой непробиваемой брони он сделан? Из подлости, коварства, вранья или из чего-то другого, чего не видно, но сверкает в его спокойном прямом взгляде? Не смотря на кипевшую во мне злобу, я не могла продолжать орать и биться головой об стену. Дариан гипнотизировал меня, не прилагая никаких усилий; все, даже моя истерия, побои и обвинения, входили в его план, и он просто ждал, пока я успокоюсь и начну его слушать. В тот момент, как я это поняла, он заговорил:

— Нас предали. — Твердо повторил он и просто прибавил: — этот человек находится где-то рядом, но в то же время, он связан и с повстанцами. Сейчас я его вычисляю. Перед второй волной его уничтожат. — Дариан помолчал, давая мне время для вопросов, но я не реагировала. — Сейчас я здесь, чтобы раскрыть тебе дальнейший план. Он не прост, но он единственный верный. После того, как ты примешь решение, я соберу твоих родных вместе и лично отправлю их в Лабораторию. Ты увидишь, что они уходят в ваш мир.

Весь его тон, поза, взгляд, говорили, что все уже решено. Дариан не предлагал выбора — только терпеливо ждал, в то время, как из ссадин с его рук, которые я стегала кулаками минуту назад, сочилась кровь.

— Что я должна делать? — без тени эмоций, тихо спросила я.

— Ты выйдешь замуж за хранителя моста.

Мои ноги подкосились, но я снова удержалась на месте. Закрыв глаза, я сделала несколько коротких вдохов-выдохов и уставилась на Дариана. Наш мучительный диалог подходил к концу, казалось, он уже посматривал на часы, прикидывая сколько еще времени я буду тянуть с очередным соглашением.

— За Тартена?

Дариан кивнул и точно! — сощурился, на секунду взглянул на часы!

— Почему же сразу не за вас?

Старик удивленно поднял на меня глаза, неужели я смогла его смутить?

— У меня нет власти над мостом. — Сказал он и стал приводить свой измятый наряд в подобающий вид.

— Вы хотите, чтобы я загадала ему желания? — спросила я, зная ответ — ведь именно так должна была поступить главная героиня. — Но почему я?

— А тебе не нужна помощь? Разве ты сейчас не у м о л я л а меня? — мягко напомнил он.

— Это из-за книжки с дурацким предсказанием? — игнорируя его вопрос, вспомнила я свои первые дни в Замке, когда Дариан с обезумевшим взглядом водил меня в библиотеку.

— Не только. — Старательно оправляясь и прилаживая парик на законное место, ответил старик. — Он тебе поверит.

— Нет. — Твердо заявила я. — Я не могу ему врать. Он видит меня насквозь... Так же, как вы.

Дариан поднял на меня глаза и несколько секунд будто прикидывал, какой из многочисленных вариантов ответов, выдать мне.

— А разве ты не хочешь спасти родных? А потом и немного помочь нам? Ты же видела, что нам нужны перемены!

Да, я видела. Но я тоже хочу домой и врать на счет этого я не смогу. Как бы я не фантазировала на счет Тартена, как бы мне не нравилась Далетания — я реальный человек и мне здесь не место.

— Хорошо, — вдруг спокойней сказала я. — А если я попрошу, чтобы он вернул домой не только моих родных, но и меня?

Старик подошел ко мне и встал почти вплотную. Он него сильно пахло ванильным мороженым и пудрой, следы которой виднелись на плечах.

— Почему ты думаешь, тебя называли Избранной? — спросил он, я пожала плечами. — Из-за твоих способностей? Характера? Навыков? Вовсе нет. Ты просто оказалась в нужное время, в нужном месте, и я сразу понял, что это ты... и он понял, но только не сразу... Теперь твоя очередь. И ты поймешь, со временем.

Дариан вновь величественно поднял подбородок и продолжил:

— Если этого не случится, я проиграю. — Он сделал паузу, прибавляя веса произнесенным словам. — В эту минуту я даю тебе в руки оружие, а дальше я могу только помочь, направить, посоветовать — решать будешь только ты.

Мы стояли настолько близко, что я слышала дыхание старого чиновника, видела металлическую броню, тонкой полоской торчавшую над дорогим бархатом его одеяния. А сколько он пожертвовал ради революции? Сколько лет он готовил ее? Смею ли я отсчитывать его за ошибки? Я даже не знаю, кто он на самом деле. Он смешил, пугал, спасал, обманывал, внушал, а сейчас он просит впрямую... но правда ли это?

Если я получу право загадывать желания — я спасу родных, они точно будут дома. Есть ли другой способ добиться этого? Пока я его не видела. Тогда главный вопрос — вправе ли я лишать их шанса на спасение из-за своей слабости?

— Я согласна. — Тихо, но твердо ответила я.

Дариан кивнул, очевидно, заранее предвосхитив мой ответ.

— Твоя мать находится под действием снотворного, — Заканчивая заготовленную речь, сообщил он. — Предлагаю не будить ее, пока мы не попадем в Лабораторию. Согласна?

Да. Я была согласна. Я бы не выдержала прощания ни с ней, ни с остальными. Нельзя расслабляться, пока не верну их домой, а потом уже и о себе можно будет подумать.

— Тогда я сейчас приведу Тартена.

Я вздрогнула. Все происходило слишком быстро! Но таков Дариан — ему не до чувств людей.

Между тем, он продолжил:

— Мы сказали, что Тартен сделал тебе предложение, а ты испугалась и поэтому сбежала из Замка.

Вот это меня удивило. Я недоуменно уставилась на него.

— Иначе сейчас ты была бы не здесь, а с остальными заключенными. — Объяснил Дариан. — Мне некогда было думать, что сказать и Тартен согласился.

Согласился? На что? — думала я. — Чтобы соврать о причине моего побега или...

— Есть еще что-то, что ты хочешь обсудить, прежде чем...? — он не договорил и я поняла, что сейчас в комнату войдет главный герой...

Я только слабо дернула головой. В последний раз смерив взглядом мою покорность, Дариан вышел.

Секунду я стояла у дверей, а потом медленно пошла к окну. Будто поток свежего воздуха мог сделать меня уверенней!

Сколько времени я представляла эту встречу? — думала я, глядя на придворные сады. Сначала в реальном мире, когда я могла только вообразить чувства Мии, увидеть отдельные

картинки ее глазами... Потом, когда я оказалась здесь, и поначалу Тартен считал меня вруньей и не решался мне верить, зато я могла по-настоящему общаться с ним, и поняла, что он реальный, самый реальный здесь; его, даже в приступе идиотизма, я никогда не осмелилась бы назвать просто персонажем — находясь рядом, я чувствовала биение его сердца, видела его чувства, желания, его несогласие со своей судьбой — выбор, по которому он хотел остаться человеком, во что бы то ни стало.

И третья встреча — через пару секунд. Я не знала, чего ждать — ни одна клеточка моего тела не была готова к этому, я не желала этого по-настоящему, даже в самых смелых фантазиях... Последний взгляд — да, но не больше... Я не знала, что сделает со мной эта встреча. Убьет? Конечно, нет. Но, вопреки разуму, я почему-то чувствовала именно такой страх.

Если бы я могла ему врать! Если бы нужно было изображать влюбленность — было бы несравнимо легче! Пожалуй, я даже помолвилась бы с любым другим, но...

Дверь сзади приоткрылась и по лакированному паркету застучали тяжелые шаги. Он направлялся ко мне.

Я вцепилась в подоконник и попыталась подавить разом завопившие чувства. Мои родные — это главное. А не мое эгоистичное «я». Но чтобы я не твердила себе, я не могла заставить себя развернуться или произнести хоть слово. Я только жала деревянную столешницу и часто дышала, смотря на свои растопыренные, побелевшие пальцы.

— Что с рукой? — спросил Тартен, после минутной заминки.

Я вздрогнула от звука его голоса — спокойного, неторопливого, но всегда твердого — я думала, он стоял дальше, и, оторвала правую руку от подоконника.

— Заплатка, — сказала я, потирая холодный металл.

— Покажешь? — спросил он, скорее из чисто профессионального интереса, но я отшатнулась:

— Нет, все в порядке. Мне уже давно не больно и работает хорошо.

В его сторону я до сих пор не смотрела, стояла так же лицом к окну, наслаждаясь чертовым видом! Внутри, видимо, от осознания собственной слабости и неспособности поступать, как того требует ситуация, у меня начинало закипать. В какой-то момент я даже испугалась возможности наброситься на Тартена с кулаками, как недавно на Дариана.

Так мы и стояли. Потом часы забили, и я насчитала одиннадцать стуков, значит, сюда нас с мамой везли на машине — по воздуху киборги доставили бы меньше, чем за час.

— Говорила с Дарианом? — спросил Тартен, мне показалось, что в его голосе сквозило прежнее отвращение к чиновнику. — Слышала его план?

— Да.

— И что думаешь?

— Мое мнение его не слишком волнует, — не сдержалась я. — А выбора у меня нет, либо я соглашаюсь на вашу с ним помощь, либо родных мне не спасти. — Прибавила я и заткнулась.

Я сделала это! Черт возьми, плохо, но сойдет! Большого я из себя не вырву, не сегодня. Я снова вцепилась в столешницу — мне нужна была опора, чтобы держаться на ногах, но, видно, я слишком ее захватила металлической рукой, и дерево хрустнуло под пальцами.

Тартен хохотнул. Наверное, просто нервный спазм, но меня взбесила его реакция! Он не относится к моей просьбе серьезно? Не понимает, что мои родные в опасности? Или это я должна просить его руки, умоляя мне помочь?

Меня затрясло. С того момента, как он зашел в комнату, все сразу пошло не так! Все слишком натянуто и мучительно медленно, будто кто-то врубил сильно замедленное движение. И самое страшное, что «замедленная съемка» не двигалась дальше — все не шло своим чередом — время будто развалилось на блоки, и я должна была говорить и действовать, чтобы оно сдвинулось дальше! Никогда в жизни я себя так не чувствовала! Я даже боялась пошевелиться, не сдвинув ненароком ход действия в ложную сторону.

На меня давило сильное чувство, что сейчас решалось мое будущее, и не просто на ближайшее время, а на все дни наперед, которые одним словом я могла объединить с этим человеком. Пусть это и планировалось как простой выход из положения, но вдруг я соединюсь с ним куда больше?

Я сглотнула и огляделась, все еще избегая смотреть на Тартена. Вот бы сбежать и отсидеться где-нибудь, пока жизнь не закрутится заново!

Прикинув расстояние до двери, я решила туда проскочить. Навещу сначала маму, обдумаю план еще раз, а за это время, может, Дариан объяснит Тартену, чтобы тот не тормозил.

Я двинулась к двери, но темный силуэт опередил и оказался прямо передо мной. Я опустила глаза.

— Знаешь, наверное, я слишком строг с тобой. — Сказал Тартен. — Просто Дариан сказал мне о твоём возвращении всего несколько часов назад и... Знаешь, когда ты тогда убежала, я думал, то ты исчезла навсегда, кем бы ты ни была... — тихо признался он.

Да уж, кто я и кем считает меня Дариан, Тартену лучше не знать.

— Я говорила, что мне нужно попасть в Лабораторию, — ответила я, не поднимая головы. — Когда здесь появились мои родные, я не могла ждать, нужно было пользоваться моментом — это ты понимаешь?

— Да. Понимаю.

— И сейчас я в такой же ситуации! Только все еще хуже, потому что двое из моих родных спрятались в другом кварде, и я не знаю, что с ними. Они ищут нас с мамой и могут наделать глупых поступков!

Горячие ручьи полились их краешков глаз. Я сжала кулаки. Пути назад не было — я запустила время и будь что будет!

— И, если ты не хочешь помогать и сейчас, уйди с дороги!

Тартен не сдвинулся с места. Не в силах больше терпеть унижение, я рванулась в сторону, но он снова перегородил путь у дверей. Скрипнув зубами, я сцепила челюсти. Он сам не знает, чего хочет! Скачет вокруг, как надоедливый пес!

Но Тартен уже определился. Согнув металлические суставы, он встал на одно колено и поймал глазами мой панический взгляд.

— Я хочу исполнить любые твои семь желаний и взять тебя в жены, Настя. Ты согласна?

Нет! Все слишком пафосно! Нереально!

Путанные мысли быстро сменяли одна другую, я тяжело дышала и пыталась заткнуть собственное сердце, которое нещадно колотилось в груди. И еще... и еще я видела два темных уголька, поблескивающих из глубин брони. Добрые, честные, открытые. Казалось, что все это время они были рядом, начиная с того, как я села писать книгу и потом, во время нашего знакомства, когда я сразу узнала его, и даже во время скитаний, когда я чувствовала его присутствие, сжимая в ладонях пуговицу.

Согласна ли я быть с ним и дальше? Терпеть допросы, недоверие, спорить, ругаться, обижаться и убегать, ревновать и терпеть его упертость, граничащую с психозом? Готова ли я встать рядом с ним, и пусть хоть на некоторое время стать главной героиней?

Будто есть выбор!

А если бы был? — вдруг рванулось что-то внутри, но я вовремя остановила поток дурацких фантазий. Я должна была сказать это слово и снова запустить адский ход времени, иначе что-то опять могло пойти не так! Нудно рассуждать и мечтать смогу и потом, в какой-нибудь конуре наедине с собой.

Отвечай же! Но почему так сложно? Это же формальность, которой нужно скрепить договор, а вовсе не искушение, которому можно поддаться! Внезапно промелькнула еще одна глупая мысль — не по тем же причинам Тартен тянул со своей частью?

Не знаю сколько прошло времени, если оно вообще двигалось; я неотрывно глядела в глубину близких серых глаз и не могла раскрыть рта. В конце концов я выдохнула единственное:

— Да.

И спиной почувствовала, что тиканье часов на стене возобновилось.

Как только прозвучало мое согласие, дверь распахнулась и в комнату влетел Дариан. Старый извращенец подслушивал под дверью? Тартен распрямился и встал смиренно перед начальником, но Дариану нужна была только я — он схватил меня за руку и вытащил за дверь.

— Можешь зайти к матери. — Сказал чиновник.

С этого самого мгновения началась беготня. Дариан, видимо, опасаясь, что мы с Тартеном можем поссориться, исключил между нами всякий прямой контакт. К слову, после отвратительно неловкой сцены я и сама была схожего мнения. Почему-то все сразу пошло наперекосяк и, видно, лучшего уже не будет. Но в конце концов, мое желание его увидеть свершилось, а вот с остальным... через один-два дня меня здесь не будет, так не лучше ли обрубить все сразу?

Заглянув к маме, я убедилась, что с ней все в порядке. Тут же Дариан и допросил меня, где скрываются папа с Сашкой, колебаться было поздно, и я рассказала про арендованную комнату. Единственным моим требованием было сразу их усыпить — хватит с них нервов, а объяснения они получают уже дома! На счет снотворного я не боялась — сама испытала его, когда меня поймали. В Далетании для этого использовалась жидкость, которой sprыскивали лицо. Снотворное действовало вплоть до того, пока под нос не клали противоядия, вроде нашатыря, только с более приятным ароматом. Действовало снотворное долго и было совершенно безвредно.

После этих, самых важных приготовлений, Дариан отправил меня к стилистам — в ожидании Сашки и отца я должна была начинать подготовку к свадьбе. Вечером планировалось еще событие — встреча с Тартеном (в саду или на крыше замка, в романтической обстановке и т. д.), и, как полагается, я должна была произнести свое первое желание официально, но Дариан сразу объявил, что это лишнее — и я, в очередной раз, с ним согласилась. Мое первое желание и так было понятно, а формальности? Не думаю, что за нами так уж будут следить — влюбленные чаще всего уединялись по вечерам, а дни все невесты проводили в походах по салонам красоты и магазинам — поэтому, мне предстояло выполнять только последнюю часть. И отлично! Может, косметологи смогут превратить меня обратно в человека, после многодневных скитаний по квардам!

Большую часть визита в салоне красоты я отмокала в огромной ванной с приторно-розовой густой теплой жидкостью, стилисты в это время подбирали мне ткани и фасоны платьев, и я наугад кивала, расслабившись и раздумывая о своем. Я не могла понять, почему Дариан не предложил мне выйти за Тартена в прошлый раз — тогда ситуация была идентичная — я полностью зависела от чиновника. Почему он отправил «в турне» по квардам, вместо того, чтобы не дожидаться результата восстания вместе с ним? Неужели он действительно мог намеренно устроить мне этот поход?

После визита в салон красоты, я поинтересовалась у Дариана, где я буду спать. Согласно традициям, свое приданое я должна была перевести в мою спальню в жилище жениха, а ночевать у своих родителей.

— У меня. — Не сразу поняв, о чем я говорю, бросил через плечо Дариан.

Последние десять минут ему пришлось ждать меня у дверей салона, и он порядком

разозлился — время для него имело важный параметр, но стилисты не могли ничего поделывать и только хлопали разноцветными ресницами:

— Процедуру нельзя прерывать! — лепетали они.

В салоне красоты даже у высших чиновников не было преимуществ.

Поборов раздражение, Дариан сообщил, что все мои родные доставлены в Замок и завтра вечером он поедет в Лабораторию, чтобы переправить их домой.

— Спасибо, — поблагодарила я.

В башню Дариана мы направились неудобным, но безопасным путем — позади магазинов и салонов, естественно, чтобы не встретить Тартена. В своем новом платье, кринолин которого был ненамного меньше, чем у того, что когда-то достал мне у Кондитеров Сашка, бежать за Дарианом было неудобно, но я молчала — до выигрыша оставалось совсем немного.

Оказавшись в башне старого чиновника, нас встретил такой же бардак, как в прошлый раз — скомканные листы бумаг и сваленные в кучу груды книг валялись даже в коридоре. Дариан пропустил меня, затем запер дверь и со вздохом снял парик.

— Располагайся! — предложил он, вешая парчовый камзол на вешалку.

Ужинали мы сладостями и разными сортами лимонада, которые Дариан хранил в шкафу. Я вспомнила, как он рассказывал, что однажды обнаружил там Рика. Кстати, я так и не спросила где он!

— А что случилось с нашим проводником? Его поймали?

Дариан отвлекся от бумаг, которые просматривал, жуя мармеладную дольку.

— Нет, он дома, — пожал плечами чиновник. — Ко мне пока не забегал — его ищут по всем квардам, что его очень веселит!

Узнаю брата Рика! Думаю, его гордости сейчас нет предела — мало того, что выполнил задание, так еще его ищут все киборги Далетании! Только он, конечно, в шоке от проваленного восстания... Вот бы узнать, что он думает по этому поводу — Рика можно доверять!

Покончив с ужином, я расчистила себе место на одном из широких подоконников и перетасила туда подушки и плед, которые так же отрыла из кучи хлама. Дариан никак не реагировал на мои приготовления, по-прежнему не отрываясь от работы; его включенные седые волосы спадали на ночной халат, под глазами собрались тяжелые красно-фиолетовые мешки, которые открылись, когда он смыл грим, но его неутомимые руки все работали и работали, разгребая завалы бумаг... Видно, часто он и спал прямо в своем широком кресле, поджав под себя сухопарые ноги и прикрыв лицо полой халата, чтобы ночные огни ярких звезд не кололи глаза.

Распоряжений относительно моих следующих желаний Тартену, он пока не давал. Интересно, когда он это сделает? Как он собирается убедить меня остаться, ведь видя меня насквозь, он должен понимать, что я никогда на это не пойду! И это не связано ни с какими личными причинами — просто я не считаю его мир настоящим! С нашей прошлой встречи мы так и обсудили этот щекотливый вопрос, но сейчас, думаю, я бы могла ему доказать, что все они всего лишь персонажи моей книги, и я бы пообещала ему все исправить, когда попаду домой... Только вот поверил бы он?

Дариан настолько верил — в мою ли избранность, в победу ли трущобников, в силу желаний мне помочь Тартена, что, по-моему, никакие слова не могли его переубедить. И ведь он не просто верил, он еще и жертвовал! И не только своим временем, каждую

свободную минуту проводя над бумагами и расчетами, а остальные в бесконечных интригах вокруг Властителя... еще он жертвовал людьми... Я не могла поверить, что он настолько мог быть уверен в победе безоружных повстанцев против вооруженных киборгов и сил Лаборатории.

Какая же чудовищная вера двигала им, что он не собирался останавливаться ни перед чем?

Дариан сидел в нескольких метрах от меня. Спросить? Но кто я такая, чтобы он мне открылся? Какую же тайну он скрывает?!

Отвернувшись от старика, я уставилась в окно. Вот она — последняя ночь в мире мечты. Сады уже покрыла тьма, только вдалеке мерцали костры охранников, вот бы пробежаться по тропинкам еще раз... Ох! О чем я только думаю! Мне сейчас не должно быть ни до чего, кроме моих родных! Но, ведь они в безопасности и завтра должны вернуться домой, верно?

Я снова взглянула на Дариана, пока я мысленно перемысливала ему косточки, он, похоже, задремал. Я что еще нужно старику — тишина, полумрак и нудные тексты по спасению мира, даже я бы уснула!

Медленно стянув покрывало, я попыталась также тихо встать, но мешал надоедливый кринолин, который я забыла снять! Легонько развязав тесемки, я отстегнула его, а затем и пышную юбку, которая с шелестом скользнула вниз. Дариан не отреагировал. На мне остался корсет и легкая туника, которая напоминала ночнушку — выходить так было нельзя! Но не брать же мне один из халатов Дариана! Наскоро поразмыслив, я расшнуровала корсет, а юбку взяла обратно и напялила ее, подтянув до плеч, а затем перевязала одним из шелковых шнурков от корсета. Получился почти вечерний наряд — в самый раз для Замка, в нем меня примут за свою. На ногах у меня были балетки, но, пока я пробиралась к двери, я их предусмотрительно сняла.

Щелкнув замком, я застыла, но от Дариана до сих пор не было звуков, и я проскользнула через дверь. Вот я и на свободе!

Я стояла на верхнем жилом ярусе, кругом башни высших чиновников и Властителя, но заглядывать к ним было слишком безумной затеей! Спускаться с придворные сады слишком долго, да и расхаживать в темноте не имело смысла. Чем же тогда заняться? И тут мое внимание привлекла водонапорная башня, которая возвышалась посреди этажа; в отличие от башен чиновников она не светила изнутри и вообще была практически незаметна на фоне кованых перилл и драгоценных металлов, которыми был украшен весь ярус, но я помнила ее еще с того времени, когда смотрела на Замок снизу — водонапорная башня была главной свечкой на торте и возвышалась над Далетанией, словно маяк.

Заманчиво? Пожалуй, да! Для последнего приключения — самый подходящий вариант!

Я подошла к тяжелому основанию и коснулась рукой невзрачного бока башни. Интересно, есть ли в нее доступ обычным людям? Хотя с другой стороны, что мне терять, я ведь здесь последний день и, чтобы я не натворила, Дариан меня защитит! Я надела балетки и прошла к главной лестнице, чтобы убедиться, что внизу не дежурит отряд киборгов. Вокруг была тишина; огни кованых фонариков, развешанных по стенам, слабо мерцали в полутьме; лестница уходила на многие ярусы вниз и ни на одном этаже не было видно ни души, сотни персонажей мирно посапывали в своих кроватях.

Легкая грусть коснулась сердца — я уйду так и не познакомившись с ними, не узнав, чем они занимаются, о чем думают, я лишь чуть-чуть узнала об их мире. Конечно, дома я сочиню пропущенные моменты, но это будет другое — Далетания, которая существует здесь

и сейчас — неповторима.

Я тряхнула головой. Ладно, нечего хандрить! В конце концов быть хозяйкой этого мира лучше, чем его марионеткой!

Вернувшись к водонапорной башне, я обошла ее и вошла в узкий проем сбоку. За проемом виднелась винтовая лестница, которая круто уходила вверх. По бокам тянулись толстые трубы, а на самой вершине огромный, во всю ширину башни, бак. Выхода на вершину башни с нижней ступеньки видно не было, но я не хотела так просто отступить и полезла наверх.

Поднималась я не меньше десяти минут, под конец ноги волочились, и я тащила себя только силой любопытства. По бокам башни были вырезаны узкие окна и, не обнаружив люка я решила открыть одно из них. Покривлявшись в разных позах, мне удалось вскрыть проржавелую раму, за которой оказались уже знакомые крепления для киборгов — видно здесь располагался очередной пост. Прикусив язык, я вцепилась в крепления и вылезла наружу. Тело мгновенно обдало порывом холодного ночного ветра, но я удержалась на месте, вжавшись в стену башни.

Да, этот вид стоил того! Все настолько малипусенькое, что были бы на улице люди, они бы казались еще меньше муравьев! Огромный Замок, просто огромный! Где-то вдалеке послышалось тихое и почему-то знакомое жужжание, наверное, раньше я слышала его в садах... Ах, как было там хорошо! Наверно, какой-то частью я даже благодарна Дариану за то, что он дал мне возможность познакомиться с этим миром, дал прочувствовать его — я мерзла, голодала, рисковала, боялась, злилась... — все было настолько на грани, настолько рискованно, что то и была сама жизнь!

Между тем, жужжание нарастало. На всякий случай, я огляделась, но вокруг был только воздух и звезды! Чего я могла бояться на такой высоте? Внизу тоже все было тихо, видно, сюда не забирались без особой нужды. Даже случись что, я в секунду могу нырнуть назад и закрыть окно, а там только пятки засверкают! Сейчас я самый драгоценный человек для Дариана, в обиду он меня точно не даст!

С этими мыслями, я гордо распрямила плечи и смело взглянула вперед, в последний раз вдыхая любимые ароматы. И вдруг жужжание раздалось прямо под ухом! От ужаса я поперхнулась и чуть не свалилась вниз, пытаясь оттолкнуться от черного изваяния на ночном небе, которое летело прямо на меня!

— Замри! — крикнуло изваяние и схватило в клешни мои руки!

Что-то булькнув, я вжалась в плечи и закрыла глаза. Долазалась дура!

Под ухом раздался смех, руки слегка дернуло, будто нападающий не сколько держал меня, сколько удерживался сам.

— Да успокойся ты уже! Это я!

Голос Тартена. Я приоткрыла глаза и у меня разом опустились плечи, от чего он чуть слетел вниз, я тут же подняла руки обратно.

— Издеваешься? — хрипло булькнула я. — Я думала, что я здесь одна!

— Уж очень хороший был момент! — чуть ли не ликуя, сказал он. — Давай-ка, отойди, мне не удобно так висеть!

Но куда? Вокруг была только обтекаемая башня и окно. Тартен показал на крепления:

— Встанешь впереди, не бойся, я тебя удержу!

Нет уж, тинаников на такой высоте мне не надо! Вместо его предложения я нагнулась к окну, но Тартен легко меня подхватил и, построив бронь в крепления, обернул обратно к

звездному небу. Единственная опора, которая мне осталась — это его ноги, а держаться и вовсе было не за что! Он лишь слегка фиксировал мою талию, вытянув свои металлические ручищи на расстоянии передо мной — получались такие почти живые перилла.

У меня по коже побежали мурашки. Нужно ли признаваться, от чего?

— Знаешь, меня уже подташнивает, — сказала я, чтобы разбить эту чертову романтику!

— Не проблема! — довольно отозвался Тартен. — Тебя здесь никто не видит, можешь делать, что хочешь!

Отлично! Прекрасно! Чертовый идиот!

— Мне уже пора обратно, — решила я действовать по-другому. — Дариан уже меня наверняка ищет, он может и всю охрану перебудить.

— Не бойся, я договорюсь с ними. Начальник охраны мой старый друг!

Я закрыла глаза и сделала несколько вздохов-выдохов. Непробиваемый идиот!

— Но, если ты действительно хочешь уйти, я тебя отпущу. — Вдруг сказал он совсем другим тоном — тише и скрывая в голосе что-то, напоминающее обиду.

— В смысле, устроишь мне грандиозный полет вниз тормашками? — попыталась снова развеселить его я, но Тартен промолчал — шутка действительно прозвучала несколько вымучено.

Меня напугало его молчание, это было как тогда с нелепым предложением. Я не хотела думать или мечтать, что скрывается за его молчанием! Нужно было срочно забить паузу болтовней и пусть все идет, просто двигается вперед!

— Классная башня! — слишком наигранно сказала я и прикусила язык, но было уже поздно. — Тут тоже кто-то дежурит? Наверное, голова кружится, как тут высоко...

Но Тартен не реагировал на мое притворство, я подкоркой чувствовала, как он формулирует вопрос.

— Завтра, когда твоих родных отправят в Лабораторию, ты уйдешь вместе с ними? Уйдешь туда, откуда пришла? — наконец, спросил он, когда я обсудила сама с собой преимущества данного поста охраны.

— Да, — сказала я минуту спустя.

Это «да» далось в разы сложнее, чем во время унижительной помолвки.

— Значит, сегодняшняя ночь и завтрашний день твое последнее время здесь? — спросил он и, не дождавшись ответа, прибавил: — Поэтому ты забралась сюда?

— Да, — пожалала плечами я, не совсем понимая, что он имеет виду.

— Раньше, в сложных моментах, ты бегала в сад, — напомнил он. — Прежде, чем подняться сюда, я поискал тебя там.

Мне вдруг стало необъяснимо тепло. Я как дура захлопала ресницами и зальбила, радуясь, что меня никто не видит!

— Что у тебя с рукой? — зачем-то снова спросил он, я уже хотела ответить, но вдруг взглянула на металлические чешуйки — они стояли дыбом!

— Черт! — выругалась я и попыталась их поправить.

Чертова чешуя разгладилась от прикосновения, но я почему-то покраснела...

— Было раньше такое? — спросил Тартен.

— Не знаю! — наврала я и зло сцепила зубы.

Как может двигаться металлическая заплатка на руке! Как?!

Внезапно Тартен отнял от меня правую руку, но так, чтобы я могла удержаться за левую и медленно провел пальцем над моей металлической ладонью. Чешуйки, одна за другой,

словно волны, приподнялись за его движением. Я завороженно наблюдала за ними, что это? Мурашки?

Тартен хмыкнул — он тоже не знал. Я отняла от него руку и потерла металл, он снова тут же остановился.

— На что это похоже? — спросил он.

Я задумалась.

— Наверное, на легкую щекотку. — Ответила я немного погодя, по коже будто до сих пор ходили волны, но чешуйки оставались неподвижны.

— Меня не щекотали с детства... — сказал Тартен.

— Меня тоже!

Хотя нет, Сашка иногда мог, но ему этого знать не нужно...

Тартен вернул свою руку на место, и я снова оказалась в периллах-объятьях. Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как он ко мне подлетел, но я чувствовала, что сейчас оно должно подойти к концу, иначе... иначе не знаю, каких глупостей я еще натворю...

Похоже, Тартен тоже почувствовал опасность.

— Какие у тебя планы на завтра? — бодрее, чем требовалось, спросил он.

— Повеситься в салоне красоты! — скривила гримасу я. — Видеть их уже не могу, но Дариан заставит торчать там целый день...

— А вечером в Лабораторию? — уточнил Тартен и, снова не дожидаясь ответа, предложил: — Хочешь, я сам туда тебя доставлю?

Я замешкалась. Что на это скажет Дариан? Не отменит ли сделку?

— Боишься, что Дариан будет против?

Какой он догадливый! Я кивнула.

— Хочешь, я поговорю с ним.

— Нет, — прервала я. — Я не могу рисковать.

— Я поговорю так, чтобы он разрешил. — Сказал Тартен. — Хоть он и мой начальник, я выполнил его просьбу и не задавал вопросов. Пусть и он немного подвинется!

В его голосе снова засквозило отвращение. Отвлекаясь на миг от своих чувств, я попыталась поразмыслить трезво: во-первых, Дариану будет даже выгодно, что я дистанцируюсь от родных, так мне будет сложнее проникнуть сквозь портал, во-вторых, раз я буду с Тартеном, он, в свою очередь, поможет мне туда проникнуть, потому что... потому что для него куда важнее мое желание, чем интриги Дариана!

— Ладно! — согласилась я. — Постой, а как ты меня туда повезешь? Только не говори, что...

— Именно! Мы полетим! — вновь повеселев, пообещал Тартен.

— Нет! — заныла я. — Это так далеко!

— И высоко тоже! — зарычал он и раскинул руки так резко, что я еле успела за них вцепиться! — Найду тебе какой-нибудь шлем, пришпандорю к себе и ори, сколько влезет! Тебя никто не услышит!

— Знаешь, ты ужасен, Тартен! — шикнула я, с удовольствием произнеся вслух его имя.

— Ага! Настя! А теперь, держись!

И без дальнейших нежностей, он обхватил меня за талию и взмыл вверх!

Черт, как красиво это в фильмах и книгах и как отвратительно в жизни! Моя юбка задралась, балетки слетели с ног, дыхание перехватило и сделать новый вздох я просто не

смогла, открыв рот в безумном крике! Вокруг было настолько высоко, что было видно только темное небо, покрытое сверкающими, помигивающими звездами — я думала, это хуже всего, но потом Тартен начал снижаться!

— Мааааааааааа! — кричала я и падала на каменный помост между башнями!

Когда Тартен поставил меня на пол, босые ноги тут же подкосились, и я, все еще продолжая полет, опустилась вниз. Тартен поднял меня и прижал к стене, чтобы я почувствовала опору.

— Да... Потренироваться тебе бы не помешало.

Я бросила на него злобный взгляд, но от бессилия и страха не смогла пошевелиться.

— Ничего не повредила? — спросил он и, не спрашивая разрешения, провел рукой над моими чешуйками — все, как одна волной подхватили его движение.

Я зло оторвала руку. Игратья он со мной будет?!

Тартен хохотнул.

— Ладно, пошли, доведу тебя до башни!

Я оторвалась от стены и поплелась вперед, ступая по мраморным плитам босыми ногами. Убила бы, если бы Тартен предложил взять меня на руки! Но он молчал, зараза!

Перед дверью в покои Дариана, я прислушалась — внутри было совершенно тихо. Охрану он так и не поднял, хотя это я выдумала для Тартена. Но все-таки странно, что старик никак не запер меня, раз я такая прям избранная!

— Во сколько ты должна завтра быть в Лаборатории? — отвлек меня вопросом Тартен.

Я не знала.

— Думаю, Дариан поедет с моими родными где-то после обеда, — наугад ответила я. — Но спроси у него точно!

— Да, я понял! — серьезно ответил он. — В любом случае, я доставлю тебя туда раньше, не волнуйся.

Я кивнула. Пора было уходить. Но мы пока не прощались... благодаря Тартену...

— Увидимся завтра? — тихо спросил он.

— Да, — снова кивнула я. — Иди спать!

— Нет, сначала ты! — игриво сказал киборг.

Боже, зачем он устраивает эти игры?

Мне вдруг стало безумно больно. Я сглотнула и отвернулась, приоткрыв дверь. В последнюю секунду, проскочив внутрь, я расслышала еле заметный огорченный выдох, который сразу же заглушили тяжелые металлические шаги.

Тартен ушел.

Скатившись на пол возле двери, я уткнулась лицом в колени. Правую ладонь, приятно, будто волнами, щекотало. И от каждого этого движения по сердцу бил раскаленный осколок железа.

Переносить на подоконник Дариан меня не стал, как и интересоваться, почему я уснула на коврике у двери, вместо этого, он потормошил меня за плечо, и пригласил к завтраку. Ели мы снова у него. На этот раз были не только сладости, но и фрукты, которые старик успел где-то раздобыть за утро.

Разговор не клеился — обсуждать нам больше было нечего, и пережевывая завтрак, я вспоминала о вчерашней ночи, а Дариан снова просматривал бумаги. Покончив с едой, он отвел меня в салон, а сам, с чистой совестью отправился в зал заседаний. В салоне тоже не пришлось болтать — стилисты, косметологи, мастера по наращиванию ногтей, наложению грима и т. д. и т. п., которым я досталась после очередных водных процедур, больше интересовались моим внешним видом, чем личностью — все длиннущее утро и время до обеда они кружились вокруг, расчесывая, укладывая, замазывая, отрывая, приклеивая и умудрялись при этом еще переругиваться между собой, но только не по-настоящему, а говоря что-то вроде:

— Ах, ты такой прекрасный, Алессандро! Но вот этот ноготок на целый миллиметр короче того!

— Ах! А я и не заметил, спасибо, мой прекрасный друг!

При том их разговоры сопровождалась ужасной гонкой всевозможных акцентов — каждый из мастеров стремился показать свою индивидуальность не только делом или внешним видом, сколько и выразительностью речи, в которой во многих словах они ставили неправильные ударения или перевирали смысл... И как только можно было создать таких пустышек? — думала я, прикрыв глаза, чтобы не видеть отшпугатуренных лиц. В жизни я никогда не относилась к косметологам плохо, скорее не интересовалась ими, но здесь мое подсознание поработало на славу — это были не просто пустые конфетные фантики, они еще изо всех сил гремели своими обертками, чтобы придать себе большего веса.

Но, несмотря на мое отношение, преобразить они меня смогли — кожа, обветренная и испещренная ссадинами, приобрела ровный приятный оттенок, волосы тоже улучшились — местные парикмахеры распутали самые незначительные узелки в волосах, которые я пропустила и будто насытили их силой — теперь моя копна снова блестела, а волны кудряшек приятным грузом падали на плечи; лицо пока тронули незначительно — здесь в основном работала косметолог, и она запретила сегодня накладывать грим — это бы помещало действию всех тех масок и отшелушиваний, которые она сегодня со мной проделала.

Перед обедом, когда Дариан заглянул меня позвать, сотрудники салона снова напялили на меня уже новое платье нежно-салатового оттенка и подпихнули под него вчерашний корсет. Пусть я еще и не была совсем в их вкусе, но все же они были довольны, даже несмотря на то, что я не поддерживала их болтовни! Я тепло их поблагодарила, пообещав, что завтра к ним вернусь, — прощаться было нельзя, чтобы не возникло подозрений, — и для отвода глаз я даже спросила у них пару советов. Радости их не было предела! Хотя с другой стороны, было очевидно, что за моей спиной, они перебирали мне косточки, ведь я — неизвестно откуда появившаяся нелегалка — вдруг оказалась невестой начальника моста!

Дариан встретил меня у входа; вид у него был сосредоточенный.

— Идем! — без лишних предисловий велел он, и направился обратно по алее.

Я засемила за ним, держась из последних сил, чтобы не скинуть неудобный наряд прямо здесь. Мы прошли к лестнице и спустились на несколько этажей вниз в гостевые спальни где, до сих пор находясь под действием снотворного, спали мои родные. Дав мне на них взглянуть, Дариан велел киборгам переносить спящих в машину.

— А это не опасно? — спросила я, припомнив наше последнее путешествие, когда Лаборатория обрушила на нас кислотный дождь.

Дариан понятиливо кивнул.

— Я заранее договорился о визите. — Сказал он. — Не беспокойся, я буду лично их сопровождать.

Да уж, себя-то он любит! Но прошлый раз он тоже сильно пострадал...

— Я хотела бы отправиться вместе с вами, чтобы проследить... — сказала я, но Дариан прервал меня быстрым жестом.

— Да, Тартен говорил. Лети с ним, если хочешь, — быстро разрешил он и отвернулся.

Не знаю почему, но мне не понравилось, как быстро он согласился. Своими действиями — не задавая вопросов о прошедшей ночи и сейчас, разрешая мне остаться с Тартеном наедине... может, он так старается укрепить наши отношения, чтобы я точно осталась? Какой он все-таки жук!

Ну и пусть думает, что я ему поверила! — решила я и попросила на пару минут оставить меня наедине, чтобы переодеться.

Дариан кивнул и сказал, чтобы затем я спускалась к главному входу.

Наскоро превратив пышный наряд в платье с поясом, я вышла из комнаты и поспешила вниз. У главной лестницы уже ждал Тартен. В его руках был грубый металлический шлем, больше похожий на часть рыцарской амуниции, наверное, он весил несколько килограмм! Может лучше поехать с Дарианом? — запоздало подумала я, но, приблизившись к моему герою, вздохнула и мгновенно отказалась от этой дурацкой затеи... ведь, что может быть веселей, чем полет в металлических тисках Тартена с пятикилограммовым забралом на башке?

Дариан уже подходил к машине, и я махнула ему. Он кивнул и сделал величественный жест, мол, ступайте. Не выдержав, я состроила ему мордочку и отвернулась к Тартену. Что со мной творится сегодня — такой важный момент, а я шучу? Но ведь, с другой стороны, Дариан везет моих родных к дому, а мне осталось всего несколько прощальных часов в Далетании? Может я могу, наконец, расслабиться?

— Готова? — спросил Тартен, когда машина отъехала.

— Да! — соврала я.

Голову даю на отсечение, что он улыбнулся! Как же жалко, что я все-таки так и не увидела его лица...

Мы вышли на улицу. Тартен протянул шлем и объяснил, как его закрепить. Пока он говорил, я следила за его пальцами, как же хотелось дотронуться до его кожи! Моя правая рука до сих пор ныла после его полу-прикосновения...

— Поняла?

— Ага! — снова соврала я и, конечно, не смогла застегнуться!

Пришлось торчать еще пять минут, пока, наконец, шлем не был закреплен на моей черепушке! Слишком тяжелым, он не был, наверное, это какие-то новые разработки Лаборатории, ну или Металлурги постарались.

Покончив с моей амуницией, Тартен растянул руки, и я неловко влезла в его объятия. С легким смешком, от которого я густо покраснела, он оторвался от земли и взлетел.

Квадраты лоскутного одеяла замелькали под нами один за другим. Сады, трущобы, заводы, поля вдаль и пестрые дома элитников, все осталось далеко внизу... пролетая над ними, я вспоминала наши скитания и улыбалась — все было так весело, насыщенно, мы так сплотились, помогали друг другу! Знала ли я раньше, что папа настолько быстро может принимать решения и не расслабляться, даже когда все вокруг уже потеряли всякую надежду? Знала ли я, что мама может наброситься на киборга в мою защиту и в то же время оживить меня хорошей оплеухой? Знала ли я, что Сашка может обозвать меня последними словами, но никогда не бросить и помогать мне всеми силами, рискуя напропалую?

Конечно, нет! Да я и себя саму не знала... а как еще объяснить грубый наезд на цыганку или мое воровство, от воспоминания о котором до сих пор дрожат коленки? Да, предметов для гордости у меня, конечно меньше, скорее нужно стыдиться за них, но все же... я это сделала — мои родные едут домой!

Да... и я тоже...

Позабыв о приключениях, я поглядела вперед — на желтое пятно Лаборатории, которое по мере приближения обретало все более четкие очертания. Поговорить с Тартеном я не могла — шлем был закрыт, да и сквозь ветер он вряд ли бы что-то расслышал. А сказать что-то стоило. Ведь, когда придет время прощаться, язык у меня наверняка отнимется...

Машина Дариана осталась далеко позади, Тартен летел настолько быстро, что у моста мы оказались примерно через час после отбытия из Замка. У основания моста Тартен на несколько мгновений завис, показав мне металлоконструкции, с которых он обычно следил за порядком.

— А там мы отдыхаем! — указал он в сторону от ворот в Пятнадцатый.

Там было что-то напоминающее автосервис, — прекрасное место для отдыха киборгов, могла и сама догадаться!

Перехватив меня поудобней, Тартен полетел к Лаборатории. От ее яркости заслепило глаза. Сколько же времени я мечтала сюда попасть! Но в эту секунду не чувствовала ни капли удовольствия от победы. Я зло уставилась вниз, на темно-зеленую гладь озера, от которого шел легкий туман. Тартен на мгновение снизившись, пролетел прямо над водой и моих ног коснулась свежесть.

Вот бы провести с ним еще один день! Сходить на свидание... хотя, может, это и есть наше свидание? — вдруг подумалось мне. — Не мог же он пригласить меня полетать только для того чтобы убедиться, что сунул меня в правильный «лифт»? И что бешеная, сумасбродная дурочка, больше не вернется и не будет его доставать?

Тартен притормозил у верхнего яруса здания Лаборатории и приземлился на хрупкую стеклянную поверхность, из которой, оказывается состояло все здание! Сначала я боялась слезать за ним, но, убедившись, что лимонное стекло удерживает киборга, осторожно ступила на полупрозрачный пол и стянула шлем.

Из-за тонкой двери, которая отделяла нашу терраску от коридора, я уже видела портал. Вот он — прямо на потолке, переливается в лучах, — стоит только подняться на три-четыре шага по лестнице вверх. Кстати, интересно, что думают сотрудники Лаборатории на счет портала? Или, быть может, сюда заходят нечасто? Но, думаю, Дариан должен был позаботиться об этом...

Самого чиновника пока видно не было; глядя на мост, я прикидывала — сколько еще у

меня осталось времени: отстать от нас Дариан мог не дольше, чем минут на тридцать-сорок, еще минут пятнадцать он потратит на всякие проходные и минут пять на переправу моих родных. По логическому исходу, следом Тартен должен был помочь мне проникнуть через портал, даже вопреки несогласию, а может и сопротивлению Дариана... Ну а затем, короткий визит в белую комнату и, наверное, оттуда мое сознание вернется в реальность, и — привет, больничная койка!

Что-то не слишком весело...

Я скосила глаза на Тартена. Пока я подсчитывала оставшиеся минуты, он тоже о чем-то думал, правда, по его не пропускающей ни малейшей мимике, броне, поверить в это было сложно. Черт, и как я еще могу шутить?!

Наверное, именно таким я его и запомню — стоящим без малейшего движения и смотрящим перед собой, будто он на дозоре; он настолько привык к этому положению, что, видно, просто не мог расслабиться... а время уходило... мне хотелось развернуть к себе его лицо, чтобы заглянуть в угольные глаза. Но я и до плеча ему не доставала, не говоря уже о тяжести брони...

Так мы и стояли; безмолвно, как чужие. Комок, застрявший в горле не позволял начать разговор, казалось, что каждое слово будет фальшивым, пусть уж лучше остается так, как есть...

Через какое-то, мучительное и пустое по содержанию время, на мосту показался Дариан. Его автомобиль быстро прошел досмотр и покатился вперед. Теперь я даже испугалась, что Тартен заговорит. А еще больше боялась, что прорвусь я и скажу все, о чем позже очень пожалею! Но заполнять паузу он не стал, и я была ему благодарна. Несколько минут и все... нужно только потерпеть...

Внезапно в уголках глаз стало мокро, горячие капли покатались по носу и щекам. Чтобы не выдать себя, я не смахивала их до тех пор, пока в коридоре не раздались шаги и не показались двое киборгов, переносящие моих родных и устанавливающие стремянку под порталом, которая, видно, предназначалась для того, чтобы я могла подняться и убедиться, что с родителями все в порядке.

Резко отвернувшись, я толкнула дверь и на ходу вытерла щеки, наклоняясь к спящим и проверяя их состояние. Дариан уже стоял рядом и внимательно наблюдал за мной.

— Я дам тебе пакетики с порошком, который их постепенно разбудит, надень их каждому на шею. — Сказал он и протянул три холщовых мешочка с перевязями.

Чтобы занять руки, я выполнила его приказ, но пальцы не слушались и мне понадобилось вдвое больше времени. Смысла в этих приготовлениях не было — я и сама могу посыпать им на нос порошка, когда окажусь с ними в белой комнате, но об этом старому чиновнику, конечно, знать не полагалось.

— Кого сначала? — снова встрял в мои мысли Дариан.

— Маму, папу, потом Сашу, — ответила я.

Говорить было так тяжело, что я просто замолкла и прижалась к стене, чтобы ко мне никто не приставал — киборги и сами справятся!

— Через сколько они проснутся? — с трудом выдавила я, просто чтобы чем-то заполнить тишину.

— Все по-разному, — отозвался Дариан. — Но не позже, чем через пять минут. Не волнуйся!

Да, чего уж нервничать!

— Да, — буркнул Дариан и положил пару свертков рядом со спящими. — Это (он указал на свертки) я оставляю в комнате с зеркалом. Пожалуйста, не открывай их.

Я пожала плечами — мне все равно.

— А еще возьми это. — Дариан высыпал из одного свертка несколько круглых желтоватых капсул и протянул мне. — Это для того, чтобы помнить, что здесь случилось. Если хочешь, можешь дать это своим родным — просто положи в рот.

— Ладно, — кивнула я.

Взяв несколько капсул, я нагнулась над Сашкой и сунула одну ему, потом перешла к родителям. Но взглянув на спокойные лица мамы и папы, передумала. Им не стоит помнить! Мне, Сашке — да, но им это точно ни к чему! И, сделав вид, что кладу капсулу маме в рот, я сама проглотила одну из них.

Киборги встали за моей спиной — все было готово для переноса родителей. Вздохнув, я на тяжелых ногах пошла на террасу. Настала пора прощаться с Тартеном.

Он стоял все также — неподвижно и отстраненно. Вот, ну почему он просто не схватит меня за шкурку и не утащит? Почему он такой честный? Как же я его ненавижу!

Тартен, услышь меня!

Сзади послышался какой-то шум, но мне было наплевать!

— Тартен! — отчаянно шепнула я, боясь сорваться на плач или крик.

Он не обернулся, но заговорил:

— Так и не скажешь, кто ты?

Я замешкалась, хотя чего терять? Сзади снова что-то гроыхнуло; я отвернулась и подошла к нему ближе. Дариан с охраной, все под контролем, а я... Сейчас все закончится! Пусть они сделают сами хоть что-то!

— Однажды, мне приснился сон о вашем мире, и я стала писать книгу, — нескладно, на одном дыхании бормотала я, — там были все — ты, Дариан, твоя мама, Властитель и остальные.

Тартен не отвечал, и я продолжила:

— И вот, как-то раз я снова заснула и обнаружила проход, то есть портал, в Далетанию. Сначала я подглядывала туда, а потом... потом я оказалась здесь и меня поймали.

— Ты появилась в Лаборатории? — подал голос он.

— Да.

— А твои родные?

— В настоящем мире мне сильно нездоровилось, и они за меня волновались. А потом, я не знаю, как, но они прочитали мои черновики и тоже попали сюда.

Тартен обернулся, но смотрел вверх моей головы. Мне снова мучительно захотелось поймать его взгляд.

— Значит, мы все для тебя только придуманные человечки? — спросил он, и я удивилась, насколько быстро он сумел вникнуть в смысл моего сбивчивого рассказа.

— Не все. — Тихо ответила я и потупила взгляд.

На глаза навернулись крупные капли, и я их закрыла, чтобы они поскорей упали и стукнулись о стекло. Тартен нерешительно подошел и коснулся моего подбородка внутренней — теплой — поверхностью руки...

В этот самый миг за дверью раздался оглушительный вопль Дариана!

Не понимая в чем дело, мы развернулись к двери. За прошедшие пару минут пространство коридора заволочло пылью; на полу валялись глыбы — куски цементных стен.

Кто-то взорвал вход, чтобы проникнуть к нам?

Не думая, я оторвалась от Тартена и пролезла в дверь. Один из охранников Дариана лежал на боку, рядом с ним валялся Сашка; сквозь пелену пыли мне показалось, что он проснулся. Дариан с безумным взглядом наблюдал, как второй его киборг из последних сил удерживал дверь в коридор, в который кто-то ломился!

— Что случилось?! — крикнула я.

— Предатель! — махнул Дариан на поверженного киборга.

— Где мои родители?

— Наверху! Тебе с Тартеном пора уходить! Мы позаботимся о третьем.

— Нет! — крикнула я, но голос оборвался; я оглядывалась и не знала, что делать!

Сашка! Я бросилась за спину умирающего киборга и стала трясти Сашку. Вспомнив маму, я дала ему пару крепких пощечин.

— Что? Отстань! — как пьяный, произнес он, отмахиваясь.

Но через пару мгновений его взгляд стал более осмысленным.

— Куда ты пропала? — спросил он, вскакивая на ноги. — Где мы?

— Мы уже в Лаборатории, тебе нужно подниматься! — сказала я, указывая на стремянку.

— А остальные?

— Уже там! Нужно спешить! — я подтолкнула его к лестнице.

— А ты?

— Я следом! Мне... я только попрощаюсь! Да не стой ты, поднимайся скорее!

Пока я пыталась втолкнуть его на лестницу, мимо прошел Тартен и встал рядом с киборгом, который удерживал дверь.

— Разве вы не договорились? — крикнула я Дариану.

Но он даже не взглянул на меня.

— Саша, иди! — обернулась я.

— Нет, сначала ты!

И тут у дверей раздался оглушительный взрыв! Обоих киборгов откинуло назад, прямо нам под ноги.

— Быстрее, уходим! — заорал Сашка и втолкнул меня на стремянку.

В суматохе я разглядела, как Тартен пытался подняться, но крупный осколок цемента величиной с обеденный стол, придавил его грудь и правую руку, а подвинуть или скинуть его он не мог, потому что его левую руку пробило взрывом!

— Отпусти! — закричала я и рванулась назад, но Сашка толкнул меня вверх.

Последнее, что я увидела — как в освободившуюся дыру в дверном проеме протискивается металлическая кисть лимонного цвета с зажатым в пальцах оружием, направленным прямо в беспомощного Тартена!

Холодные зеркальные волны жадно втянули мое тело и выбросили на белый пол. Тут же вскочив на ноги, я бросилась обратно, но Сашка встал на моем пути.

На один — невыразимо короткий — миг все застыло. Его бледное, красивое лицо, засыпанное пылью, и глаза, сверкающие злобой, как тогда, на складе у Полевых, когда он, даже раньше меня, понял, что я не вернусь. Уголки рта дернулись и изогнулись в ухмылке, он видел, что меня разрывает, что я готова головой вперед броситься вниз, но он принял решение — отправить меня домой любой ценой и не собирался сдаваться.

Мгновение паузы окончилось; слова больше были не нужны. Не думая и не

оправдываясь, я сжала кулаки и с бешеной силой бросилась на Сашку. Надежда теперь была только одна, что я успею! Не ожидая атаки, он удивленно попятился, но я не остановилась и всем весом толкнула его в живот. Удар оказался слишком стремительный и его метнуло к стене, по-моему, он даже слегка ударился головой, но этого я уже не видела — я ныряла в зеркало! Внизу прозвучал выстрел — это Дариан прицеливался из ружья убитого предателя. Он промахнулся, но поднятая им суматоха, мешала лимонному киборгу прицелиться. Оставались считанные секунды!

Я спрыгнула со стремянки и подбежала к Тартену, которому почти удалось скинуть с себя глыбу.

— Нет, уходи! — велел он, но я не слушала, вцепившись в острый край глыбы и пытаюсь ее сдвинуть.

И вдруг в дверь снова бабахнули! Она слетела с петель и громынула у ног Дариана, обдав его пылью и цементными ошметками. Не шелохнувшись, чиновник снова выстрелил. На этот раз он попал в бок лимонного киборга; охранник покачнулся, но не упал. Тартен крикнул что-то Дариану, но тот сделал еще один выстрел и окончательно сбил киборга с ног. Нагнувшись к предателю, Дариан снял с его пояса дополнительную обойму.

Тартену, наконец, удалось освободиться, но как только он встал, из-за спины Дариана показались новые киборги, которые шли навстречу, наставив на нас оружие.

— Улетайте! — процедил сквозь зубы, перезаряжавший оружие Дариан, и выстрелил в толпу. — Быстро!

Он обернулся и грубо оттолкнул меня к террасе. В эту секунду ему на глаза попалась разорванная рука Тартена и по сосредоточенному лицу старика скользнула болезненная судорога.

— Я смогу вытащить и вас, — хрипло сказал Тартен.

— Нет, убирайтесь отсюда и летите к Ароне! — велел он и в последний раз пронизательно взглянул на меня: — Я до сих пор верю.

Дариан развернулся. Прежде, чем он успел поднять ружье, в его грудь врезался лимонный комок жидкости.

Схватив меня здоровой рукой, Тартен протиснулся на террасу и резко взлетел. Мой нелепый крик утонул в резком потоке воздуха, от которого взорвалось все внутри. Преследуют ли нас, я не видела, но выстрелов сзади точно не было, может, киборги Лаборатории опасались, что охранники моста могут вступить за нас?

Долетев до проходной у основания моста на стороне кварталов, Тартен снизился и, не отпуская меня, созвал киборгов.

— Дариан мертв. — Сказал он и оглядел окруживших его стражников. — Без причины напали на него и его спутников. В страже Лаборатории замечены чужие киборги, все новой разработки...

Дальше я не слушала. Мне на одежду закапала кровь Тартена! Его левая рука безвольно висела вдоль тела, из покореженных остатков брони сочилась кровь. Меня так трясло, что я не сразу сообразила, что пытаюсь зажать края металла — меня остановил Тартен, отстранив мою руку от своей и продолжив говорить более хриплым тоном:

— До дальнейших распоряжений, мост перекрыть в обе стороны, сообщить обо всем Властителю. — Велел он. — Я буду на лечении в Седьмом.

Киборги дружно кивнули и отдали честь, встав по стойке смирно. Тартен вновь подхватил меня, и мы оторвались от земли. Глядя на стражников, оставшихся внизу, я гадала — не будут ли они стрелять нам вслед — вдруг среди них тоже есть предатели?

До Седьмого мы летели очень быстро; мне показалось, что Тартен включил полную скорость, потому что из-за боли просто не мог терпеть; весь путь я почти не дышала и только сворачивала голову на бок, чтобы следить за его рукой, которая болталась на лету, будто отдельно от тела!

Наконец показался угольно-черный завод Metallургов и серые трущобы, на отшибе которых виднелся дом Ароны. Тартен посадил нас прямо во дворе возле него. Оставив Тартена, я взбежала на крыльцо и забарабанила в дверь.

Арона открыла сразу. На ее лице не было ни малейшего удивления, она явно знала о планах Дариана и ждала от него весточки.

— Тартен ранен! — крикнула я.

В первую секунду Арона будто не расслышала слов; было видно, что она думала о чем-то своем, вроде того, что расчеты Дариана на счет меня оправдались и я действительно не прошла через портал. Но переведя взгляд мне за спину, она увидела раненного киборга и вздрогнула от неожиданности. Она быстро взглянула на меня и на этот раз услышала имя...

— Тартен?... — неестественно слабым для нее тоном, спросила Арона.

— Да! Ему проббили броню!

Я бросила окаменевшую Арону и кинулась назад к Тартену; он неловко стоял на месте и смотрел себе под ноги.

— Быстрее! — велела я и изо всех сил потащила его за здоровую руку.

К этому времени Арона уже овладела собой.

— Хорошо. — Сказала она. — Заходите, я все подготовлю.

Она закашлялась и, отвернувшись, поспешила обратно в дом.

Как смогла, я помогла Тартену подняться на крыльцо и войти внутрь. Арона уже

готоввила мастерскую и велела Тартену лечь на кровать. Я вдруг заметила, что помимо крови из металла сочится густо-желтая жидкость, точно такая, какой запустили в Дариана... меня передернуло.

— Так. Хорошо. — Сказала Арона, когда, скрипя суставами, Тартен лег. — Чем это?

— Пули, начиненные кислотой, — подтвердил мои худшие подозрения Тартен.

Арона ахнула, казалось, что на миг суровая и закаленная с виду женщина потеряла всякий самоконтроль; она подалась к Тартену и коснулась его металлической щеки, слез у нее давно не осталось, но в ее взгляде читалось мучение всех лет, проведенное в страхе за него. Затем, словно смутившись, она оторвала руку и обернулась ко мне:

— На кухне, под столом — открой погреб и вытащи зеленую банку и несколько синих. — Быстро велела она и стала копаться у себя в столе.

Я побежала исполнять ее волю, и чуть не подорвала спину, сдвигая ужасно тяжелый стол. Найдя все, что нужно, я вернулась в комнату. Арона уже выложила скрипящие от стерильности инструменты на стол и приготовила бинты.

— Возьми трубку на полке, — не глядя, махнула в сторону она.

Затем Арона велела мне открыть синюю банку и дать выпить Тартену всю жидкость.

— Это обезболивающее?

— Да.

Пока я прилаживала к банке трубку и помогала Тартену пить, Арона начала операцию: длинным пинцетом, на конец которого она присоединила кусок специальной ткани, она промокнула всю кислоту и сбросила использованные куски материи в таз. Затем, очень аккуратно, другим инструментом подлезла под броню к коже Тартена и переложила ее бинтом. Сначала я не поняла, зачем она это сделала, но Арона достала небольшое сверло и стало ясно — она собиралась снять часть брони, прикрывавшую руку, чтобы потом достать те пули, которые проникли внутрь, но не успели взорваться и извергнуть кислоту. Продолжая поить Тартена, свободной рукой я дотронулась до его здорового плеча. Только бы она еще больше его не ранила! И только бы подействовало обезболивающее!

Но, к счастью, в подобных операциях у Ароны рука была набита — вместо того, чтобы сверлить все подряд, она сделала всего несколько отверстий в нужных местах и полностью сняла слой брони от кисти до плечевого сустава. Под ними оказалась окровавленная, со следами кислоты, пороха и осколков металла, плоть Тартена.

— Хорошо. — Вновь беря себя в руки, сказала Арона и, сцепив челюсти, продолжила работу.

Не взорвавшись пуль не обнаружилось; Арона достала осколки и промыла кожу; приглядевшись, я разглядела на ней застарелые белесые шрамы, которые сеткой покрывали всю руку, их жуткий узор напоминал бело-желтую змеиную кожу. Вот, значит, как выглядят киборги под броней... Сколько же боли ему пришлось перетерпеть, а теперь еще и это!

Но Тартен держался. Допив обезболивающее, он не отрываясь смотрел на мать и молчал.

— Нужно рассказать о произошедшем Дариану. — Сказала Арона, когда с раной было покончено и она заканчивала перевязку.

Дариан... я успела позабыть...

— Дариан убит. — Хрипло сказал Тартен.

Ладони Ароны резко дернулись, но тут же замерли на месте. Сцепив тонкие губы, она глубоко вдохнула и выдохнула.

— Ты уверен? — спросила она.

— Да... Это случилось в Лаборатории, — и Тартен рассказал подробности происшедшего.

Арона надолго замолкла и, завязав последний бинт, стала медленно складывать инструменты в таз, чтобы потом их промыть. Ее глаза были по-прежнему сухи, но я заметила, что гибель Дариана она воспринимает не лучше, чем ранение сына.

Видимо то же почувствовал и Тартен.

— Он помог нам выбраться, задержал охрану. Я не понимаю... — начал он.

Но Арона прервала его жестом и, вернувшись к изголовью койки, заглянула ему в глаза; на ее спокойном, некогда красивом лице, отразилось какое-то сильное чувство, похожее на жалость и соболезнование одновременно...

— Он не мог поступить иначе. — В тишине сказала Арона. — Дариан был твоим отцом.

Наверное, я всегда чувствовала это... Знать, гадать не могла, но было столько похожего в них — Дариане и Тартене — недоверчивость, упертость, и что-то совсем неуловимое, что было заметно только на уровне похожих словечек или манер...

Когда Арона призналась, что Дариан раньше был ее мужем, Тартен потребовал рассказать, почему это до последнего держали от него в тайне.

— Он настоял. — Просто ответила Арона. — Тогда он только начинал карьеру и представить себе не можешь, как ему было тяжело! Его заразили кислотой уже во взрослом возрасте, случайно, и по началу за него даже не хотели браться — взрослого человека ведь сложнее сломить и сделать покорным... А пока занимались другими, его даже не лечили, надеялись, что он погибнет. — Арона вздохнула и продолжила через несколько секунд. — Но потом кто-то взял его и стал с ним работать, Дариана подлечили, стали тренировать, изготовили для него броню. То, что он был старше остальных из той группы в конечном счете даже сыграло ему на руку — карьера пошла быстрее. Правда, ему сразу пришлось оставить меня, ты был совсем крохой...

Арона снова коснулась ладонью лица Тартена.

— Тебе нельзя было знать... — Сказала Арона. — Еще до отравления твой отец задумал революцию... Он собирал народ, придумывал план и, когда его увезли в Лабораторию, это только сильнее подтолкнуло его. Твой отец стал карабкаться вверх, и, хотя не был вхож в элитные круги, его заметил Властитель. Поэтому Алехис ненавидел его — ведь это он должен был занять место первого советника, Алехис с детства дружил с Олегдараном. Из-за постоянной ненависти Алехиса, Дариан и был вынужден скрывать отношение к тебе, да и ко мне тоже... Но он действовал обходными путями, например, благодаря его влиянию тебя назначили хранителем моста.

Тартен кивнул; он начинал понимать.

— По его задумке, именно ты должен был встать во главе революции. Он верил в это до конца.

Арона рассказала, как Дариан продумал восстание, но все пошло не так из-за очередного предательства. Кто это был — Алехис или кто-то другой, она не знала.

— А когда мы первый раз приехали к вам, тогда, когда на нас обрушился кислотный дождь, — вспомнила я и пошевелила залатанными пальцами правой руки. — Тогда Дариан тоже думал на Алехиса.

Тартен громко скрипнул зубами, он впервые слышал о причине моего ранения.

— Я убью его. — Тихо произнес он.

Арона покачала головой.

— И тебя казнят. — Ответила она. — Нет, нужно действовать по-другому... тоньше...

Иначе все усилия твоего отца пропадут зря.

Она была права. Но что мы можем без Дариана? Кто нам еще поможет? Мальчишка Рик? Или престарелая соседка Ароны? Я с тоской уставилась в маленькое грязное окошко.

Какая я Избранная, Дариан? Без тебя я совсем не знаю, что делать! В мозгу услужливо зазвучал скрипучий баритон старого чиновника:

— Но ты осталась и готова делать, а значит, все было не зря!

Пока Тартен с Ароной продолжали разговор, я попыталась немного отстраниться — взяла таз с использованными инструментами и пошла их мыть на кухню — нужно было дать возможность матери и сыну побыть наедине, ведь сколько лет они не виделись! Сама я же думала о Дариане, о его тайном плане на счет меня и всего остального. Точно знала я только несколько вещей: первое — ему нужен был мост, поэтому он способствовал назначению Тартена, второе — где-то в квардах таились трущобники, готовые к активным действиям, третье — где-то был и предатель, а возможно, их было и несколько. Что еще? Думай! — ругала я себя, но больше в моей черепушке не было никаких идей.

Я попыталась отвлечься и вспомнила о родителях и Сашке. Дома ли они уже? Как они очнулись? И что случилось с зеркалом? Смогу ли я когда-нибудь вернуться домой? Хотя нет, на счет последнего даже и думать не стоит — сейчас я там, где должна быть и вовсе не из-за Дариана!

Я не могу уйти. Даже в последнюю минуту, еще до того, как Дариан предал телохранитель, кажется, уже тогда я все решила... Я здесь потому, что здесь он. И будь, что будет — и революция, и сражения, и сказки, и платья, и кошмарная клешня, которая скрежещет по инструментам Ароны, пока я пытаюсь их перемыть!

Сзади скрипнула половица, и я вздрогнула, уронив пинцет на пол. Это была Арона.

— Он зовет тебя. — Сказала она. — Иди, я закончу.

Я подняла инструмент, и направилась в мастерскую.

Тартен лежал в том же неудобном положении, только голова была развернута ко мне.

— Куда ты пропала? Хотела сбежать? — спросил он и я почувствовала его улыбку.

— Конечно! Зачем ты мне такой теперь нужен? — подхватила я его веселый тон, за которым мы оба скрывали боль от утраты Дариана. — Вон сколько у тебя симпатичных подчиненных!

Обойдя койку, я уселась возле его здорового бока. В полумраке оставленной Ароной лампы, его глаза хитро поблескивали; никогда еще не видела его так близко! До такой степени захотелось к нему прикоснуться, что я положила голову на его бронированное плечо и, смутившись, опустила ресницы. Похоже, он не возражал.

— Ты спасла меня... — сказал он.

Меня бросило в краску, вспомнив, как я оттолкнула Сашку и бросилась в портал.

— Ничего подобного! Это ты нас вытащила! И Дариан...

Мы помолчали.

— Значит, есть шанс, что ты задержишься? — как-то по-детски спросил Тартен.

Мне не понравился этот тон — в нем не было ни уверенности, ни даже надежды... Конечно, а что он привык видеть? Как я всеми путями пытаюсь сбежать, сговариваюсь со всеми, бросаю его при удобном случае, манипулирую... Он действительно не догадывался...

Пауза затягивалась. Я не должна была его мучать, но как ответить? От пафоса всяческих признаний, пусть даже это и было то, что я чувствовала, меня рвало. Но как же объяснить, что для меня тот мир настоящий — где есть он?

— Хочешь разорвать помолвку? — наконец, вымученно пошутила я, но Тартен пропустил мои слова мимо ушей.

— Взгляни на меня, — попросил он уже своим обычным голосом.

Я выполнила просьбу и встретила его прямой, открытый взор:

— Я хочу, чтобы ты осталась. — Твердо произнес он. — Я не буду тебя заставлять или препятствовать, если ты решишь уйти. Но, чтобы там ни было в твоём мире, я отправлюсь за тобой, даже, если ты не захочешь меня видеть. Я люблю тебя, Настя.

Я проснулась на рассвете, от жесткого скрипа, который слышался во дворе — это Тартен разминал свою отремонтированную руку.

Вчера сразу после его признания нас прервала Арона — руку нужно было зашивать броней; Дариан не случайно направил нас сюда — сами киборги меняли только незначительные запчасти, а у Ароны был опыт и хороший запас металла; работа продолжалась большую часть ночи, поэтому Арона отправила меня лечь на кухне — я еле держалась на ногах и больше мешала, чем помогала, засыпая и тыкаясь носом в хрупкие детали.

Приподнявшись на локтях, я выглянула в узкое окошко — Тартен поднимал старую проржавелую бочку «новой» рукой — выходило вполне успешно! Зевнув, я встала и пошла к умывальнику, наверняка Тартен решит сейчас же лететь в Замок. Пока я приводила себя в порядок, глупая улыбка словно прилипла к лицу; я была не в силах забыть вчерашние слова Тартена и все перекручивала их в голове, наслаждаясь откровенностью и твердостью его голоса. Мой герой! Я даже была рада, что Арона нас прервала, еще несколько минут и я наговорила бы ему таких глупостей, что обязательно бы все испортила!

Я заплетала косу, чтобы волосы не болтались на ветру, как вдруг случилось что-то странное — сердце сдавило; не больно, но неприятно, будто кто-то сжал его пальцами, отпустил, а потом еще пару раз надавил на него с боков. Я стояла на месте, приводя учащенное дыхание в норму — все прекратилось так же резко, как и началось. Осталось только неприятное ощущение грубого, незваного вторжения...

Нет, я просто перенервничала! С кем не бывает! Правда, обычно сердце может кольнуть, ну, или, как говорится, «сладко зануть»... Ничего похожего на эти ощущения...

Ладно, буду бить панику, если повторится, а сейчас? Пожалуй, я имею полное право выйти к Тартену! Хотя, после вчерашнего, даже не знаю, как себя вести... Но, не вечно же торчать на кухне!

Тартен меня опередил. Раскрылась входная дверь и мой герой тяжелой поступью вошел в дом.

— Привет! Как рука? — спросила я, чтобы разом сбить свое неуместное смущение.

Тартен подозрительно на меня уставился. В чем он подозревает меня на этот раз? Я не могу быть позитивной?! Или он хочет вернуться к нашему прежнему формату общения: подозрение — допрос? А что, я не против!

— Здравствуй, Настя. Порядок, спасибо!

От его вежливого и слишком официального приветствия, я покраснела. Почему бы ему просто не подурачиться или не расслабиться, как другие парни? Если он будет вести со мной себя так же, как с Мией, я его придушу!

— Когда двинем в Замок? — я снова сделала попытку перенести все в естественное русло.

— Если тебе удобно, то прямо сейчас. — Ответил он и я зло сцепила челюсти.

Он... он ведет себя как взрослый! Это из-за помолвки он решил быть таким учтивым? Тогда пора ему напомнить, что согласие я дала под давлением!

Из мастерской вышла Арона. Выглядела она сильно не выспавшейся, но взгляд был

сосредоточенный.

— Так, подойдите сюда! — велела она, и, когда мы встали с ней рядом, продолжила: — Теперь, когда Дариана нет, все внимание будет приковано к вам. Предатели, кем бы они не были, и Алехис, будут интересоваться всеми, с кем Дариан имел дела. А вас вместе могли видеть много глаз! Ко мне лучше не приходите, связь будем поддерживать через Рика.

Я кивнула.

— А теперь летите!

Не сдержавшись, я подалась к Ароне и прижалась к ее худому, но крепкому телу, Тартен немного сняв своей обороны, тоже неловко приобнял мать.

— Спешите и будьте осторожны! — пожелала Арона.

Выйдя во двор, Тартен подхватил меня, и мы взлетели.

Наверное, я ожидала всякой реакции на убийство Дариана — толпы элитников, которые приносят почтительные букеты к воротам Замка, поминальные речи, да и паники, наконец, — ведь убили первого советника Властителя! Но, когда мы приземлились у парадного входа и огляделись по сторонам, то не заметили ни одного взволнованного или расстроенного лица. И дело было даже не в многочисленных слоях грима, скрывающего эмоции, нет! Придворные элитники продолжали жить своими делами, будто ничего не случилось!

Я взглянула на Тартена. Похоже, он был поражен не меньше.

— Нужно идти в зал заседаний. — Сказал он. — Может они не знают?

Но как? Подчиненные Тартена ослушались приказа? По какой еще причине Властитель мог быть не в курсе?

Спеша за быстрыми шагами Тартена, я оглядывала придворных, но все были улыбки как всегда, единственное, что заставило прогуливающихся взволноваться — это стремительность, с которой мы пробежали мимо них к лестнице. Поднявшись на второй этаж, Тартен предложил мне подождать в боковой аудитории, чтобы лишний раз не попадаться на глаза правительству.

— Хорошо, — сказала я, но, как только он вошел в зал заседаний, я встала за приоткрытой туда дверью и стала подглядывать в щель.

Рядом со входом, спинами ко мне, стояли киборги, между ними виднелся крошечный просвет, сквозь которого было видно «сцену» амфитеатра. Четыре кресла чиновников пустели, только одно — справа от центрального занимал худощавый чиновник в багряной мантии — Алехис; весь напوماженный, он светился от радости и бросал пренебрежительные взгляды на окружающих.

Я скрипнула зубами, и поискала глазами Тартена, но он уже скрылся. С кем же он собирается говорить, если ни Властитель, ни остальные чиновники еще не собрались?

За спиной послышался шорох. Обернувшись я увидела трех заседателей, которые направлялись в мою сторону по коридору. Быстро смекнув, куда они идут, я распрямилась и направилась в аудиторию, где велел сидеть Тартен.

Комнатка оказалась пуста. Не теряя времени, я стала искать лазейку здесь — вентиляцию, дыры в стене и все, что могло пригодиться, но усилия пропали даром — стены в аудитории оказались сплошными. Так прошел час, под конец которого я могла только бессильно пялиться на дверь. Когда я уже изнемогала от нервов, в комнату, наконец, просунулся Тартен.

— И? — вскричала я, бросаясь к нему.

— Они все знают, но делать ничего не собираются. — Коротко отрапортовал он и подтолкнул меня к двери. — Дома поговорим. — Выразительно сказал он, чтобы прервать вопросы, которые вот-вот должны были сорваться у меня с губ.

И мы вышли в лестнице. Поднявшись на пятый этаж, мы прошли к башне Тартена, и он отпер передо мной дверь. Я ждала, что Тартен скажет что-то официальное или через чур романтическое и меня вырвет прямо на каменный пол, но, когда мы оба оказались внутри, он статуей застыл на месте, не отрывая от меня глаз.

На мгновение мне стало не по себе. Последний час я думала только о том, что творится в зале заседаний и гадала, как быть дальше, я и думать забыла об отношениях с Тартеном! А теперь он запер дверь и меня никто не услышит... Да и кто в здравом уме полезет драться с киборгом?

Я нервно покусывала губы. Что со мной происходит? Это же Он. Разве я с самого начала не чувствовала это? Да, между нами стало меньше преград, но неужели из-за этого я теперь должна бояться его? Я вдруг вспомнила его утренний официальный тон. А что, если это была не формальность, а та же скованность, что сейчас овладела и мной?

Видно Тартен тоже прошел какую-то внутреннюю борьбу и медленно подошел ближе... Без слов, он протянул мне руку ладонью вверх, и я, отпустив идиотский страх, инстинктивно провела по ней пальцами, так же, как видела когда-то делала Мия... Нежно, самыми подушечками, боясь сделать что-то неправильно... Наверное, это было как поцелуй, как близость, которую себе позволяли только влюбленные...

Я снова коснулась его руки, передавая всю нежность, которая была у меня внутри. Тартен закрыл глаза, и я коснулась его всей ладонью!

Не знаю, сколько мы так стояли у входной двери, держась за руки. Неслышно двигая металлическими суставами, Тартен притянул меня к себе, и я прижалась щекой к холодной броне. За стеной слышались голоса, шаги — Замок просыпался, готовился к новому дню... Но мне было страшно сдвинуться с места, страшно прервать волшебное мгновение неуместной суетой. Хотелось только чувствовать тепло и нежность, которые будто сочились сквозь металл...

Но время шло... Оставшись здесь, я обрекла себя на судьбу быть спутницей хранителя моста и, как бы мое сердце сейчас ни пело, любопытство всеми способами пинало его, чтобы я задала вопрос:

— Тартен! — тихо позвала я, — расскажи, что ты узнал?

Мой герой недовольно вздохнул и еще крепче прижал меня, настолько, что я чуть было не запихнула любопытство на пару часиков куда подальше!

— Пока мало, что ясно, — признался Тартен. — Я узнал только, что Алексис заговорил зубы Властителю на счет Дариана, мол, тот уже не первый раз «устраивает подобные представления».

Этого следовало ожидать... Дариан действительно грешил интригами, и последняя была совсем недавно. Другое дело — по каким причинам он это делал, но Властитель, само собой, этого знать не мог.

— Алексис вообще сейчас стал опасен, — продолжил Тартен. — Сама понимаешь, его мечта сбылась — вся власть теперь практически в его руках.

Да уж! Про инертность Олегдарана говорил еще сам Дариан, да и я была в курсе — сама вручила ему такую роль!

— Голоса в совете у меня нет, — продолжил рассуждать Тартен. — Может только при личной встрече с Властителем... Но... не знаю, — Тартен фыркнул. — Я не умею говорить нужные вещи, убеждать. А если просто сказать правду, то он точно не поверит — это даже опасней — Алехис узнает и тогда...

Да, тогда нас «уберут». Тартен был прав — здесь нужно здраво оценивать свои возможности — ни он, ни я не годимся в интриганы и у нас нет ни малейших связей в правительстве.

— И что будем делать? — спросила я.

— Схожу на сегодняшнее заседание, а там посмотрим!

Тартен выпустил меня из объятий, побеспокоившись, что мое тело затекло от неудобного положения. То было правдой. Ему-то привычней — он часами неподвижно стоит на посту! Я подвигала суставами, разминая их и пригладила спутанные волосы. Вновь взявшись за руки, мы прошли к широкому подоконнику, где когда-то он подарил мне пуговицу. Как давно это было! Но, наверное, какая-то эгоистичная часть меня даже рада, что мы прошли весь этот путь — ведь теперь наши руки вместе и мне не нужно никуда убегать!

Тартен угадал мои мысли, и коснулся моей металлической заплатки — по ней тут же пробежала щекотная рябь.

— Когда я увидел твою реакцию впервые, — Тартен снова провел по моей руке, — то подумал, что ты ко мне равнодушна!

Я покраснела и одернула кисть.

— Сложно быть равнодушной к тому, кто подвесил тебя на несколько сотен метров над землей! — съязвила я, вспомнив обстоятельства нашего разговора.

— Сейчас мы не на высоте, — метко заметил Тартен.

Я показала ему и язык и закатила глаза. Нет уж! От меня он признаний не дождется! Я и так не могу оторваться от него, что и так выпадает из рамок «приличий»!

— Знаешь, я бы поела! — сказала я, меняя тему.

Тартен вздохнул, но все же подчинился. Довольно ухмыльнувшись, я приняла его руку, и мы отправились в столовую.

Интересно, когда меня увидит Мия, расцарапает ли она мне глаза? — думала я, глядя по сторонам, но ее нигде не было видно. Может она теперь и не навевается в Замок? Даже жаль! Нет, сражаться за честь Тартена, я конечно же не стала бы. Но... черт возьми, как она могла не понять, какое он сокровище? И как она могла его упустить?!

Мы взяли еду и сели за столик. Не подозревающий о моих мыслях Тартен поглощал свою порцию через трубочку. Я тоже не теряла времени и хватала все, что положила на тарелку, а было там много! За дни скитаний, я успела порядком похудеть, что не слишком мне шло — нужно было приходиться в форму! Тем более, все вокруг было таааким вкусным!

Родители и Сашка, наверное, тоже сейчас наслаждаются нормальной жизнью и круглосуточным доступом к холодильнику, хотя нет — я же не вернулась. Совсем забыла... Жаль, что не передать им весточку, что у меня все в порядке! Хорошо, хоть родители ничего не помнят, а Сашка... Должно быть, он испытывает ко мне мало теплых чувств, особенно после того, как я его оттолкнула... Но в конце концов не могу же я вернуться вопреки всему своему существу, которое стремится быть рядом с Тартеном! Не могу же я вечно поступать так, как того хотят другие!

Я схватила очередной бутерброд и с удовольствием впилась в него челюстями и тут... снова... мое сердце грубо дернули и будто пошуровали пальцами!

Поперхнувшись, я вернула еду на тарелку и неосознанно схватилась за грудную клетку, будто пытаюсь удержать сердце внутри.

— Что случилось? — тут же поинтересовался Тартен.

— Не знаю, — хрипло сказала я.

На лбу выступила испарина. В голове вдруг мелькнула очень неприятная мысль и я откинула ее подальше, чтобы даже не слышать!

Но от Тартена нельзя было так просто отвязаться!

— Больно? Ты вся побледнела! Пойдем к целителю!

Я помотала головой и взяла бутерброд обратно, чтобы его успокоить. Всякий аппетит пропал, вместе с желанием увидеть зависть Мии. Никакой здешний лекарь не мог мне помочь, потому что там, в реальности, сейчас тоже работал врач. А если он что-то делал с моим сердцем, значит, мои дела плохи.

Как я ни старалась, мне не удавалось уговорить Тартена отправиться на заседание — после моего необычного поведения в столовой он не желал оставлять меня ни на секунду и требовал ответа! В конце концов мне просто повезло — пока мы переругивались в холле, мимо проходил один из четверки советников, имя которого я не знала, — он и позвал Тартена за собой. Наградив меня уничижительным взглядом, в котором читался последующий неизбежный допрос, Тартен поплелся за ним. А я побежала наверх — мне срочно требовался укромный уголок, чтобы подумать!

Войдя в башню (перед уходом Тартен успел отдать мне ключ), я направилась в бывшую спальню Мии. Вещей там не оказалось — после отмены помолвки она или ее родители вывезли все до последнего каблук. Вот не задача — теперь даже воровать одежду не у кого! Придется намекнуть Тартену, что я не могу расхаживать по Замку в юбке из-под кринолина! Где там обещанные желания?

Подбадривая себя всякими глупостями, я прошла в ванну, где — вот удача — все осталось по-старому! Настоящие радушные джунгли, только косметика и щетки для волос исчезли, но это уже дело десятое! В таком месте и жалеть себя приятней! Я прошла в дальний уголок и села прямо на траву под пальмой, чем довольно удивила попугайчиков — они непонимающе слетели и затрепетали крылышками по комнате, ища безопасное место для приземления. И ладно, не до них сейчас!

Итак, какие же есть предположения? Пока я бежала в башню по лестнице, мне уже привиделись несколько страшилок и одна из них была самая неприятная, но наиболее правдоподобная — в реальном мире меня пытаются реанимировать, видимо, массажем сердца или еще какими-то чувствительными способами, а если они это делают, значит, мне стало хуже. А что может быть хуже комы?

Да... получается очень нехорошо...

На сколько я могла предположить, «кома» означает — что находишься в состоянии покоя, на капельнице, которая поддерживает физическое состояние лекарствами и жидким питанием, которое тоже поступает в организм по трубкам; а здесь, в моем воображаемом мире, сейчас находится такое сложное определение как моя «душа», которая переживает разные, порой, бешенные эмоции... И вот телу становится хуже. Почему? Не от того ли, что душа от него отдалается?

Ведь, по сути, каждый день я зацепляюсь здесь все больше, я уже не хочу отсюда уходить! А что будет дальше? Когда мы совершим революцию, когда соединимся с Тартеном? Сможет ли мое тело продолжать существовать отдельно, как пустой фантик? А если нет... что тогда со мной случится?

Я не готова умирать, черт возьми!

Одичалые птички, наконец, привыкли к моему присутствию и стали подсаживаться ближе, следя за моим поведением и высматривая, нет ли у меня в ладонях какого-нибудь лакомства. Едва замечая крылатые силуэты, я глядела сквозь них, в силах думать только об одном — а не совершила ли я ошибку оставшись здесь?

Раньше я считала свой поступок эгоистичным, ведь я бросила родных, которые потеряют теперь всякую надежду меня вернуть... Но я думала, что свыкнусь с этим, ведь у

меня есть Тартен!

Но теперь моя жертва обретала новую цену... мою жизнь... И, знайте что, я не готова к этому!

Я вскочила на ноги и потрогала сердце — оно билось вполне спокойно, как всегда, может только немного чаще из-за волнения. Но сколько у меня времени до следующего приступа? И, вообще, от чего он произошел?

Я попыталась воспроизвести в памяти оба момента, когда мне стало плохо, но не могла припомнить, чтобы в эти секунды особенно переживала. С чем тогда это связано? Промелькнула безумно приятная мысль — а может, мне все показалось и эти ощущения просто реакция моего теперешнего тела, в котором я ощущаю себя сейчас? Может, мне и вправду обратиться к целителю? Арона же мне помогла!

Да, глупее не придумаешь — пойти к бумажному персонажу своей книги и спросить, как поживает мое тело в реальном мире! Не дожидаясь второго вопроса, меня просто отправят в дурку... Но что еще делать? Если бы Дариан был здесь! Только с ним я могла быть откровенна, да и мозг у него работал, что надо, хоть он и думал о выгоде... Дариан! Прости меня, мне так тебя не хватает!

Кому мне еще довериться? Тартену? Он поднимет панику и сунет меня обратно в портал, при том, пройдя за мной и пожертвуя своей жизнью! Рику? Он предложит мне короткую лазейку в дурку! Ароне? Да, она бы могла меня выслушать, но посоветовать что-то точно нет, скорее всего, скажет свое коронное и предложит заменить сердечко шпугенцией из своей коллекции запчастей!

Но что делать? И к кому идти?

Пока я сидела в ванной, прошло не меньше часа, а до прихода Тартена нужно было еще успеть определиться в двух вещах: как не сказать ему правду и как перестать нервничать, иначе он и сам все поймет! А как я его тогда остановлю? Да никак!

Что же делать? Что делать? Где в этом волшебном мире чудесное зеркало, которое отвечает на все вопросы?!

Я вскочила на ноги и стала ходить из стороны в сторону, совсем как папа. Узкая ванна не позволяла особенно развернуться, но меня это мало волновало — мне внутренне было необходимо сдвинуться с мертвой точки, по крайней мере хоть на несколько шагов! Повторяя движения отца, я думала о днях наших скитаний по квардам — теперь я понимала, как он нервничал, ведь он отвечал за всех нас, а я теперь — за всю себя! А это немало, учитывая то, на какие страдания в случае провала, я обреку и родных и Тартена!

В голове снова почему-то замелькал Дариан. Может порыться в его бумагах? Нет, их там тысячи! В этом хламе я раньше от пыли помру! Тем более, теперь там наверняка поселится кто-то другой, возможно, даже Алехис, а шмыгать у него под носом — не лучшая затея, даже для отчаянных времен!

Но где же еще найти ответ? Может сходить в библиотеку и отрыть там лечебник?

Внезапно я прервала поток глупого черного юмора и замерла на месте. А это вариант! Нет, конечно, не библиотека, а кое-что другое!

Мне срочно нужен Тартен! Когда уже вернется этот киборг?

В ожидании своего жениха (как пафосно, фи!), я забралась прямо в одежде на кровать и закрылась пледом. Нужно хорошо выспаться и неважно, что еще день! Завтра мне предстоит трудный путь и нужно запастись силами! Не собираюсь пока думать о революциях, персонажах, которые находятся под гнетом — они бумажные, а я такая здесь одна. Ну,

помимо Тартена, конечно! Хоть немного, но я могу выделить времени себе, за пару дней здесь ничего не случится! Кстати, про революцию можно тоже спросить...

Итак, вот как выглядел мой план: Лабиринт в кварде искусств. Разве Рик не говорил, что там собраны все когда-либо созданные книги и что каждый находит ответы на то, что ему сейчас нужно? Тем более, меня с первого взгляда туда потянуло, будто там действительно было что-то, предназначавшееся для меня... Чем я хуже жителей Далетании? Почему я тоже не могу спросить? Например, о предназначении Избранной? Уж где-нибудь там должны быть написаны ее «священные обязанности», а рядом и средства их достижения, кто знает, может, там сделано и пророчество на мое будущее! По крайней мере на несколько десятков лет вперед, чтобы эти боли в сердце меня больше не отвлекали!

Про Лабиринт я была уверена еще потому, что предзнаменование Дариан прочитал по книжке, а если она существует в Замке, то и в сердце книжного мира она точно должна быть! В Замковой библиотеке ее без указателя мне ее в жизни не найти!

Думаю, несколько дней у меня точно есть! Врач там в реальности работал профессионально, несколько движений и я прекрасно себя чувствую! Нужно только не волноваться зря... и... думаю, пора заняться самообманом — другими словами, я не должна так яро желать остаться здесь. Без оглядки! Может поэтому тело барахлит — чувствует, что моя душа желает отделиться?

Нет, конечно же нет! Я хотела бы вернуться, увидеть родных, обнять маму, объяснить все отцу... Ах, черт! Что-то внутри болезненно зануло и теперь это была не физика — я сама задела свое сердце такими перспективами. Выбрав Тартена, я отказалась от всех, а теперь мне надо тешить себя пустой надеждой, чтобы не умереть? Какое-то изощренное извращение...

Чтобы спрятаться подальше от всех этих мыслей, я натянула плед на голову. Раз лучше не нервничать, то лучше вообще не думать! Дрыхнуть буду вплоть до прихода Тартена!

Но сколько бы я не вертелась, поспать удалось не больше пары часов, а Тартена все не было. В животе предательски урчало — время далеко перескочило за обед и неизбежно приближалось к ужину, за окном тоже темнело. Поняв, что не смогу сидеть здесь так долго, я решила вновь пробраться к залу заседаний и подслушать, что там творится!

Скинув плед, я выбралась из кровати и направилась в опостылевшую ванну. Видок у меня был еще тот! Платье смялось, волосы в кучу. Самое хорошее в этой ситуации только одно — Тартен меня такой не увидел! Намочив ткань, я кое как попыталась ее разгладить, потом умылась и распустила волосы, расчесав пряди пальцами. Получилось намного лучше; не первая леди, конечно, но быстро пробежаться по Замку можно! Жаль только, что у меня нет хотя бы какой-то палитры грима — на фоне разукрашенных придворных, я выгляжу, мягко говоря, по-детски...

Но, делать нечего! Надев балетки, я вылезла из башни и побежала вниз по лестнице.

Зал заседаний оказался закрыт, к тому же вокруг шныряли придворные и слуги. Подслушивать было небезопасно! Прикинув варианты — идти обратно и томиться в пустой башне, пока принц не принесет мне бутерброд или самой сходить в столовую — я выбрала второй. Думаю, Тартен сможет меня найти — столовая не такое сложное место, как сад или водонапорная башня. Справится!

И я направилась на первый этаж. Народу здесь было больше, чем обычно — пять киборгов и примерно вдвое больше людей; в углу, около столиков суетились уборщики.

Подавив смущение, я как ни в чем ни бывало, взяла поднос и пошла к раздаче. Выбор блюд как всегда был обалденный! Глотая слюнки, я набрала всего понемногу, прихватив в придачу пару сочных булочек и пошла к укромному местечку у окна.

До моего стола оставалась уже пара шагов, как вдруг за окном показалось что-то странное: бело-желтый силуэт высоко в небе; несмотря на то, что до него было не меньше нескольких километров, на чистом голубом небосклоне он выделялся отчетливо. Прежде, чем в голове промелькнула догадка, раздался оглушивший все здание гром!

Поднос с любовно набранными продуктами полетел на пол; я не сделала ни малейшей попытки его удержать, в силах только смотреть на желто-бурую тучу, которая разрасталась по чьей-то команде. Сзади и по сторонам послышались быстрые движения — не я одна услышала раскаты грома, люди и киборги облепили окна, глядя на все новые молнии и тучу, которая уже наверняка отравляла землю кислотой...

На глаза навернулись слезы, руки сжались в бессильной злобе — над кем теперь Лаборатория творит свой эксперимент? Чьи дети теперь станут инвалидами, обреченными на судьбу всю жизнь носить многокилограммовую броню?

Видно, звуки искусственно созданной бури, слышали не только мы — на лестнице послышались громкие шаги нескольких десятков пар ног. Когда они дошли до холла, я заметила в толпе Тартена — он шел за Алехисом, который возглавлял отряд киборгов. Несколько секунд и Алехис, сцепившись с каким-то киборгом, взмыл в небо, еще секунда и за ним последовали остальные, неровным строем направляясь к самому центру бури!

Тяжело дыша, я шагнула вперед и наткнулась на свой сваленный поднос, который в суете не успели убрать. Перейдя через него, я напрямик направилась обратно в башню — оттуда, по крайней мере, можно все увидеть! Сделать хоть что-то я все равно не в силах.

Только бы Тартен не пострадал! Но обычно киборги не подлетают к месту, где идет дождь, какой бы он не был... Зачем же они тогда отправились, да еще и с Алехисом? Может, это незапланированный эксперимент Лаборатории о котором правительство не в курсе?

Одна мысль, дурнее другой. Одно ясно, что люди снова страдают. Вот я иду — Избранная — а что я могу сделать? Как мне это взять и прекратить?

В полной прострации я зашла в башню и прикрыла за собой дверь. И только тогда заметила, что ключ мне не понадобился, хотя до этого я ее точно запирала! Я тупо уставилась на замок, а потом услышала тихое дыхание.

В полумраке коридора я была не одна...

Застыв, я разом перестала дышать и нащупывала рукой ручку двери, чтобы поскорей выскочить. Внезапно из темного угла громко усмехнулись:

— Да хватит трястись, это я! — сказал Рик и толкнул меня в бок.

Дверь в мою спальню приоткрылась и оттуда полился свет, осветив нескладную фигуру мальчишки.

— Рик! — я кинулась его обнимать, и пацаненок от неожиданности даже не отшатнулся.

— Эй, ты чего! — грубо сказал он, но мне показалось, что он тоже рад меня видеть.

— Пойдем! — я потянула его за руку в свою комнату. — Все расскажешь!

Рик двинулся за мной и сразу, без спроса, забрался с ногами в кровать.

— Ох, хорошо... Есть что пожрать? — спросил он, растягиваясь во весь рост.

— Неет!

Черт! Только сейчас же была в столовой! Хотя, после того, что случилось, у меня

пропал всякий аппетит...

— Давай, тащи! — велел Рик. — Я со вчерашнего утра шнырял тут по углам, в животе уже гремит с голодухи!

Пришлось идти обратно! Оставив Рика, я снова выскочила из башни и понеслась вниз, благо внимание всех было приковано к окнам. По дороге я тоже туда заглянула — туча рассеялась, в небе были видны только далекие силуэты киборгов, мелкие, как комары.

В каком же кварде шел кислотный дождь? — думала я, набирая в тарелку все, что попадалось под руку. — Может Рик что-то знает про это? Хотя нет — последние час-два он прятался в башне.

Когда я вернулась, мальчишка уже храпел, но проснулся сразу же, как учуял запах еды. Без лишних приличий, он набросился на ужин. За те дни, что мы не выделись, он похудел и еще больше вытянулся — как любой подросток он рос, как на дрожжах. А еще он был перемазан в какой-то дряни с ног до головы, может он маскировался грязью?

Задавать вопросы, пока он хрустел за обе щеки, было бесполезно, поэтому я вкратце рассказала, как мы расстроились, что он нас оставил и как удалось пройти остальные кварды. Рик внимательно слушал, ему понравилось, что мы не стали менять его плана и не ринулись сразу в Пятнадцатый.

— Иначе бы вас сразу словили! — вставил он, выхватывая из кучи еды булочку и вгрызаясь в пышный бок.

Закончив про путешествие, я упомянула про Дариана, но Рик меня прервал.

— Я был у старушки Ароны, — сказал он.

Выражение лица Рика стало угрюмым; он отложил еду. Чтобы сменить тему, я рассказала, что видела сегодня из окна. Мальчишка выслушал очень внимательно, но особых догадок у него не было — он держался моей версии, что это внеочередной эксперимент. Смущало то, почему туда отправился отряд киборгов.

— Дождемся Тартена, — предложила я. — Он все расскажет.

— Ладно! — согласился Рик, снова разваливаясь на кровати. — Пусть твой женишок еще скажет, что там с пленниками, а то меня достали их родственники!

Рик как всегда прятал свои чувства за бравадой.

Оставив мальчишку отсыпаться, я забралась на подоконник и стала глядеть на лимонный корпус Лаборатории, выделяющийся на фоне пейзажа даже в сгущающихся сумерках.

— Кстати, — вдруг всполошился Рик. — Я думал, что тебя больше не увижу!

— Почему? — удивилась я, хотя тут же вспомнила, что всего несколько дней назад я всеми силами стремилась вернуться домой.

Но Рик, похоже, умел в виду другое:

— В тот день, когда вы перебирались, было слишком много вспышек. — Сказал он.

Я вспомнила, что при переходе через зеркальные волны, небо Далетании пронизали яркие всплески света, — сама видела такие, когда сюда пробрались мои родные.

— Я не проходила через портал, — пожалала плечами я. — Точнее, перешла и тут же вернулась обратно. — Уточнила я.

— К жениху? — усмехнулся Рик.

К сожалению, не нашлось, чем в него кинуть и я ограничилась тем, что скорчила рожицу. А пока придумала подходящую колкость в его адрес, Рик снова отключился. Бедняга, когда он в последний раз спокойно спал, не скрючившись под каким-нибудь

кустом, боясь издать лишний звук?

Тартен вернулся под утро, когда сонные трели Рика, напоминавшие дрель, смогли усыпить даже меня. Но только заслышав тяжелые шаги в прихожей, я, кубарем скатившись с подоконника, помчалась ко входу.

Даже не имея возможности лицезреть мимику Тартена, я сразу поняла, что он устал — еще бы! — всю ночь на дежурстве, да к тому же в том самом месте, где таились его наибольшие страхи!

— Тартен! — позвала я.

Он обернулся и протянул мне руку. Я схватила его ладонь и сжала со всей силы, стремясь его поддержать. Чтобы он немного отвлекся, я стала рассказывать о Рике, но Тартен внезапно меня остановил.

— Пойдем. — Необычно официальным тоном сказал он и повел меня к окну в конце коридора, чтобы при свете ранних солнечных лучей мы могли видеть друг друга.

Что случилось? — хотела спросить я, но язык почему-то отнялся. В глазах Тартена было что-то очень нехорошее и касалось это меня. Он сжал мою руку, но молчал, ожидая, чтобы я собралась с силами. С каждой секундой я чувствовала, что все больше разваливаюсь на части. Наконец, он заговорил:

— Один из твоих спутников, молодой мужчина...

Сашка?

— ...он здесь.

Я судорожно вздохнула.

— Но это не все... Теперь он предводитель отряда новых киборгов. И его тоже сделали одним из них.

— Он...

— Да, Настя, его тоже заковали в броню.

Тартен не мог дать мне пощечины, поэтому просто потрянул меня за плечи, но это не помогло; я с трудом воспринимала окружающее и сейчас была от него дальше дальнего. Я представляла тот день в коридоре Лаборатории: вот киборг целится в Тартена, а Сашка втискивает меня в портал, — по шагам, вспоминала я, — вот я толкаю его и ныряю обратно... Но что произошло дальше?

Я думала, что потом он поможет моим родителям пробудиться от снотворного и перебраться обратно, а дальше покинет Далетанию и сам, поняв, что я его действительно не хочу возвращаться...

Могла ли я в тот момент тратить драгоценные секунды и объясняться с ним? Нет. Но я была должна, просто обязана, потому что именно поэтому что-то заставило его вернуться назад!

По движению на моем лице Тартен понял, что я отхожу от шока. Он заговорил, но я его не слушала. Я думала о Сашке — что он сделал, когда понял, что я опять сделала «неправильный» выбор? Отправил родителей? Или они тоже где-то тут? Меня обдало холодом. Нет, думаю, ими он не стал рисковать. Но как вернулся он? Пытался найти выход из Лаборатории, чтобы разыскать меня и его схватили?

Из моей груди послышался стон, и я сжалась в комок, чтобы спрятаться от всего этого ужаса!

— Настя! Настя! — тряс меня Тартен.

Сзади послышался шорох и рядом оказался Рик. Он коротко представился и для верности показал Тартену заплатку, сделанную руками Ароны. Затем мальчишка попросил рассказать, что случилось.

Тартен скрипнул зубами, но нянчиться со мной у него не было времени — из его быстро брошенных слов я уловила, что в эти минуты созывалось внеочередное заседание, на котором он должен был присутствовать.

— На Пятнадцатый обрушили кислотный дождь, пострадали все, кто был на улице... Когда мы прибыли, их уже увозили. Главварь, — Тартен быстро взглянул на меня, но продолжил: — убил двоих моих людей, они лежали у его ног. Позже мне доложили, что они пытались проникнуть в Лабораторию и остановить несанкционированный эксперимент. Сделать нам ничего не дали, — добавил он. — Алехис только позволил наблюдать, а затем, велел выставить новую охрану на мост, взамен павших, и улететь обратно.

Забыв о своем горе, я очумело обернулась.

— И вы просто смотрели?

— К тому времени, как мы прибыли, было уже поздно что-то делать. — Вздохнув, сказал Тартен. — Все военные подчиняются Алехису, если бы я один попытался убить Главваря или разбомбить Лабораторию, меня бы пристрелили.

— Я не то имела в виду...

— Алехис не признает вины Лаборатории. — Сказал Рик.

— Да, — подтвердил Тартен.

— И он не будет ей сопротивляться. Лаборатория руководит нами, а не мы ей. Так говорил Дариан.

— И он был прав. — Кивнул Тартен.

— Но что теперь делать? — спросила я, смотря на перемазанного мальчишку и такого же мальчишку, чуть повзрослее, закованного в броню.

— Искать людей, которые помогут свергнуть Алехиса и всю его братию. — Сказал Тартен и серые глаза сверкнули металлом.

Как только он вышел, я снова свернулась в клубок; Рик молча пристроился рядом. Он тоже переживал за Сашку; во время нашего путешествия они успели подружиться — болтали, травили байки, помогали друг другу... Рик не меньше меня был ошарашен новостью Тартена. Как они могли заставить его служить им? Но ответ был ясен — Сашка пойдет на все, чтобы вернуть меня в реальный мир — убьет всех, ведь для него все люди вокруг просто бумага.

— Он не понимает, что делает.

— Возможно. — Ответил Рик. — Киборгам дают сыворотки, чтобы они подчинялись, обычно они не так быстро действуют, но может появились новые разработки.

Я не стала его разубеждать. Зачем? Сашка и так подставился — Тартен прямо сказал, что убил бы Главаря, если бы была возможность. Сейчас Сашка оказался между трех огней — повстанцы, которые его заслуженно ненавидят, правительство, которое его не назначало, а значит, будет действовать против, и Лаборатория, которая сделала из него чудовище...

— Рик, а что с броней? Тартен сказал, она какая-то особая, может... Понимаешь... Егс не обязательно травил кислотой?

— Не знаю.

И я не знала.

Что сейчас с ним? Где он? Неужели после всего он еще хочет меня спасти?

Что мне сейчас делать? Пойти к нему?

Столько вопросов... и какая-то пустота в голове. Пустая, безумная бессмысленность... Что говорил Сашка, когда мы стояли там, на далеком складе в кварде Полевых? Что я врунья, бессердечная, что только здесь он увидел мое истинное лицо... Что он тогда имел в виду под этими словами? Что я эгоистка и не вижу его чувств ко мне, не желаю воспринимать их всерьез? А еще раньше, когда мы были у Ароны, Сашка подслушал наш разговор с Дарианом и подумал, что я действительно остаюсь... Тогда он начал считать меня бессердечной эгоисткой? Или еще раньше, когда дома, в реальности, я вдруг в один день впала в кому и оставила его с моими родителями в полном недоумении и горе?

Он настолько хочет меня вернуть, что рискнул жизнью во всех смыслах! Но почему... почему я не чувствую того же? Это же мой самый родной человек, как родители, как Тартен... Когда я успела разлюбить его и почему не призналась в этом открыто? Ведь тогда, не было бы ничего!

А сейчас он там один. Совсем, совершенно!

Его обкалывают сыворотками агрессии или еще чем-то, внушают, что он должен убивать и набирать новых людей для жутких экспериментов... Но разве все силы Лаборатории победят его единственное желание — вырвать меня отсюда?

И теперь только один вопрос — на что он пойдет ради этого?

— Рик! — позвала я. — Есть какой-то способ быстро попасть в Лабораторию?

Мальчишка не обернулся. Кажется, он ждал этого вопроса.

— Найдется, если подумать долго. — Ответил он.

— Хорошо. — Сказала я.

День-два и Рик придумает. Если к кому и обращаться за подобной помощью, то только к тому, кто знает все лазейки. Тартен бы тоже мигом меня туда доставил, но он этого никогда не сделает, да и я не позволю... ведь Саша уже убил пару киборгов...

Нет. Я должна одна туда пойти и встретиться с Сашкой наедине. Только, смогу ли я его переубедить? Не вколют ли ему что-то такое, что он даже меня позабудет? Хотя... вариантов у меня нет... если и сможет кто-то поправить ситуацию, то только тот, кто ее «заварил»!

Правда, что случится после нашего разговора я не знаю. Поймет ли Сашка меня? Позволит ли остаться в Далетании? Или насильно запихнет в портал, и я никогда больше не увижу Тартена? Черт, а вдруг портала вообще больше нет, ведь зеркало вообще могли разрушить, когда нас обнаружили! И Сашка, так же как я, останется на страницах моей книги навсегда?

Не знаю, сколько мы сидели каждый углубившись в свои мысли, но вскоре у входа снова послышались тяжелые шаги — Тартен возвратился с заседания.

— Почему так рано? — спросила я, когда он зашел.

Неужели еще что-то случилось?

Тартен подошел к нам и стальной горой встал рядом.

— Алексис повернул все так, будто Лаборатория «зачищала» новое восстание. — Жестко отрапортовал он. — Мне заткнул рот сразу же и приказал вывести, теперь я временно отстранен от права посещать заседания.

— А как же теперь мы узнаем... — начала я, но Тартен меня прервал.

— Больше узнавать нечего — Алексис будет отрицать любую вину Лаборатории. Но и это не главное, — Тартен тяжело вздохнул. — Для чего Лаборатории толпы новых людей? Подумайте.

Рик и я переглянулись. Меня не покидал образ Сашки, закованного в лимонную броню, поэтому я плохо соображала. Толпы людей... кислота...

Рик догадался первым:

— Они будут делать из них киборгов нового образца. Но для чего? Чтобы заменить старых?

— И да и нет. — Сказал Тартен. — Но одно ясно точно — Лаборатория создает свою армию.

— Армию? — переспросил Рик. — Но зачем, ведь правительство ей подчиняется?

— Не знаю, — признался Тартен.

Голос у него, после того как он провел больше суток на ногах, был очень усталым.

— А что с пленными? — вдруг спросил Рик.

— Пока здесь, — ответил Тартен. — Но перед тем, как меня вывели, Алексис начал разговор о них. По-моему, в наказание их тоже хотят отправить в Лабораторию!

У меня вырвался стон, и я быстро прикрыла рот рукой.

— Значит, это точно будет армия. — Бессильно признала я правоту Тартена. — Но против кого? Населения? Или всех вместе? Может всех хотят сделать рабочими?

Но ответов никто не знал и вопросы повисли в воздухе.

— Значит, нужно брать все в свои руки, как ты сказал. — Твердо произнес Рик.

— Да. — Ответил Тартен.

— Но одни мы не справимся! — вглядываясь в две пары жестких глаз, сказала я.

— Нужен план. — Согласился Тартен. — Оружие я достану, людей возьмем из пленников.

Я придумую, как их освободить.

— Но их там мало! — вставила я; меня снова затрясло от позабытой на время сильной дрожи.

— Да, и киборги повсюду, извини, друг, — сказал Рик, глянув на Тартена; в лице мальчишки совсем не было страха — для него это было очередным приключением.

Тартен согласно кивнул:

— Чтобы все получилось, нужно вывести из Замка всю охрану. А для этого их отвлечь. Нужны еще люди.

Люди. Просто сказать! Изможденные трущобники, которым еще к тому же придется рисковать жизнью!

Но Дариан знал таких, которые согласились бы действовать, вопреки опасности... И Рик знает, но только лидеров в каждом кварде, которым он передавал сообщение о дне восстания — не можем же мы снова всех их обходить!

И тут меня осенило!

— Вайль! — крикнула я. — Нам нужен Вайль!

Тартен удивленно на меня уставился, а Рик задумчиво почесал подбородок и одобрительно выгнул бровь:

— Вариант! — сказал он и вкратце рассказал Тартену историю изгоя из Полевых.

— Он активный мужик! — заверил Тартена Рик. — Если кто и соберет людей в один день, то только он!

— Тем более, в его кварде все очень крупные, — добавила я.

— Похоже, выбора у нас нет. — Сказал Тартен. — Где он живет?

Я сбегала в спальню и принесла карту, на котором мы стали рассматривать Двенадцатый квард.

И только, когда я стала водить по старому холсту пальцем, продумывая, как можно поскорей вывести Полевых, до меня потихоньку стало доходить... Вот она! Революция! Подкралась незаметно и теперь я помогаю составить ее план... что же со мной случилось, что я дошла до такого?

Это планировал Дариан, когда назвал меня Избранной?

Нет... какая я Избранная? Я только рядом, только наблюдаю, вставляя свои три копейки... Без связей Рика, без возможностей Тартена, без людей и Вайля, который, возможно их мотивирует, ничего не выйдет! Я здесь по-прежнему совершенно ни при чем.

И все же, я та же марионетка Дариана, хотя его давным-давно нет.

Между тем, Рик уже рассказывал Тартену про регулярный дождь на полях, который по вечерам устраивает Лаборатория.

— Это отпугивает стражу — чем я и пользуюсь, — хвастливо рисуясь признался он.

— Не боишься мне это говорить? — поддел Тартен. — Ну хорошо, — вздохнул он, возвращаясь к плану. — Значит, нужно перевести их через пустую стену, но тихо — вплоть до Замка они должны пройти незамеченными.

Мы все тупо уставились на карту.

— Привалим что-нибудь к стене, — предложила я, — примерно так мы раньше перебирались.

— Полевые слишком тяжелые, — отрицательно мотнул головой Рик. — Каждый килограмм по двести-триста — провалят, что угодно!

— И я не смогу поднять в воздух каждого... — заметил Тартен.

Похоже, мы застряли.

— Знайте, а вдруг Вайль и вовсе не согласиться? Может сначала поговорить с ним? — предложила я.

— Да, — согласился Тартен. — Времени у нас не много, если мы решаем устроить все сегодня, то надо действовать, пока пленников не увезли.

— А их точно вывезут не сегодня? — спросил Рик.

— Я могу узнать. — Ответил Тартен. — Но в любом случае, придется действовать сегодня, просто людей будет меньше. Этим новым киборгов делают очень быстро, у нас нет времени!

Мы поглядели в окно; кусочек стены был виден отсюда.

— Допустим, Полевые согласятся, переберутся за стену, пробегут вдоль нее по полям... — вслух прикинула я, снова уставившись на карту. — Как они проберутся к нам?

— Это просто. — Тут же сказал Тартен. — Я пробью стену со стороны Замка. Шум и отвлечет стражу — все вылезут из Замка.

— А как же ты? Тебя же сразу схватят!

— Там будет не только он, но и куча безоружных Полевых. — Жестко напомнил Рик.

— Выхода нет, — подытожил Тартен, не глядя мне в глаза. — Мы должны дать время пленникам, чтобы они захватили правительство. Перед отлетом я сориентирую их в Замке. И, кстати, надо передать им, чтобы каждый сделал вид, что заражен — так их будут бояться даже больше оружия!

— Тартен! — не обращая внимания на осуждающий взгляд Рика, позвала я.

— Настя, мы успеем еще поговорить. — Не давая мне возможности вставить слово, ответил он. — Сейчас я иду к заключенным, потом мы встретимся с тобой у главного входа и полетим к Вайлю, — кивнул он Риду. — А ты, если хочешь помочь, придумай, как не допустить киборгов обратно в Замок, если что-то пойдет не так... Ведь просто запереть ворота не получится — они разбомбят их с одного выстрела.

С этими словами, Тартен отвернулся, сделал несколько шагов к двери и ушел. А я так и осталась сидеть с безвольно раскинутыми на коленях руками.

Вот и все. Теперь я и его потеряю. Вот Сашка обрадуется — после сегодняшней ночи я смело могу возвращаться домой!

Рик не стал меня утешать — то ли был безумно уверен в победе, то ли считал мое поведение непозволительной слабостью; в любом случае, он свернул карту и забрав свой узелок из спальни, юркнул за дверь вслед за Тартенем.

Я осталась одна.

Кто мне теперь даст совет, что делать дальше? Ни мамы, ни папы, ни Сашки, ни Тартена, ни Рика, ни Ароны, ни Дариана. Ни чертовой Цыганки, которую я когда-то держала за горло; где моя тогдашняя сила? где тот адреналин, где уверенность, с которой я говорила и действовала? все исчезло бесследно? Ведь те, кто сегодня будут сражаться — теперь моя новая семья, ту, которую я выбрала, оставшись с Тартенем! Где смелость, отвага, чтобы защитить моего суженного?

Почему я жму свои глаза, будто выдавливая из тряпки слезы? Почему я сижу на месте, а не ищу способ отвлечь киборгов, как он велел? Почему я неудачница, которой повезло попасть в мир мечты и потерпеть фиаско, потеряв его по кусочкам?

Когда первая волна паники спала, пришло уныние, а затем злоба на всех подряд — чтобы дать ей выход, я со всей дури стукнула кулаком о подоконник. Сразу стало лучше. Вот так поступлю следующий раз, когда придет уныние или истерика и захочется себя пожалеть! Нечего! Растяпа пустоголовая! Раз я сюда попала, значит все не просто так! Я смогу! Я придумаю! Я не желаю видеть еще одну смерть, как видела Дариана! Нужно просто придумать, что делать! В книжках побеждают не только сильные ботаники, бывают, что мир спасают и слабаки! Но активные, думающие слабаки! Которые не сидят по пол часа на месте, потому что их парень решил сражаться, а их, видите ли, оставил без слов утешения!

Рубанув по подоконнику еще раз десять, я разожгла в себе пламя необходимого адреналина и стала продумывать план.

Итак, что я имею: во-первых, допустим, что Тартен успешно свяжется с заключенными и сообщит им о вечернем «мероприятии» — это очень большое допущение, а ведь ему еще нужно достать оружие и как-то передать его пленникам! во-вторых, после этого Тартен и Рик отправятся к Вайлю — договариваться, чтобы он собрал людей, вооружил их мотыгами, лопатами или черт знает, чем еще, и как-то придумал, чтобы вечером, во время дождя, они перебрались через стену и подобрались к нашему кварду. Ладно, допустим, что все это сбудется! А дальше Тартен затаится где-нибудь в кустах и по сигналу пробьет стену, чтобы повстанцы могли пройти. Киборги выскочат на улицу и нападут на них, а заключенные станут рыскать по Замку и захватывать членов Правительства...

Так, сразу надо отсеять последнюю часть — что будут делать заключенные, пусть полностью останется на их совести — в этом деле у меня может быть только одна маленькая роль, — и я полностью собираюсь посвятить ее защите Тартена! А значит, и всех Полевых, которые будут пробираться к Замку.

Получается, мне просто нужно отвлечь чем-то толпу киборгов. Всего-то! И чего я раньше беспокоилась?

Так, раз сарказм вернулся — жить можно.

Думаем дальше... Чем отвлечь? Еще одним взрывом? Или выскочить к ним в толпу голышом и, вилля задом, побежать в сады? А может, как в одной старой американской

комедии, прикинуться жрецом и предсказать пожизненное затмение солнца, если все вдруг мигом не помирятся?! Отличный план! Сейчас быстренько слетаю домой и сменю сегодняшний прогноз погоды! Я же Избранная — я все могу!

Кстати... а что если бы я сейчас действительно сидела в своей комнате, печатая на клавиатуре, — что бы я навеяла в мысли моей Главной героине? Ведь, явно что-то поумней пробежки гольшом!

Карты при мне не было, поэтому я представила предзамковый квард мысленно: вот он — длинный прямоугольник, длиной четыре стандартных кварда; слева пробитая стена и оттуда выскакивают мускулистые Полевые трущобники, рядом Тартен, готовый отбиваться от волны киборгов, которые уже, поднятые по тревоге, выскакивают из главного входа...

Запустить в них что ли что-то?

Нет, любая железяка отвалится от брони, а меня сразу заметят. Тем более, что-то по-настоящему тяжелое я просто не смогу поднять на нужную высоту — не разваренные же спагетти на них сбрасывать и не торты!

Я вновь представила схему готовящейся битвы — все на своих местах, а я будто взираю на них сверху, с самой верхней башни — оттуда все такие маленькие и беззащитные, что кажутся просто козявками! Вот бы спугнуть их чем-то! Была бы у меня маленькая, ручная тучка...

Хм. А дождик — это хорошо. Например, запустить самодельный дождик сверху над главным входом! Только как?

Я чувствовала, как шевелятся мозги. После порции адреналина, сарказма и глупости, у меня родилась какая-никакая идея! Единственная, но хоть что-то! За то время, что у меня есть, я вряд ли надумаю что-то еще, сколько бы я еще ни уродовала подоконник!

Итак, мне нужно устроить «душ» на высоте полторы сотни метров и с тем расчетом, чтобы он был хоть чем-то напоминал кислоту, чтобы отпугнуть отряд киборгов. Помощь рукастого отца или Сашки мне бы сейчас не помешала!

Перестав метаться из стороны в сторону, что я делала уже на автомате на протяжении нескольких минут, я остановилась и задумалась. Водопровод в Замке есть — иначе, как бы я смогла наполнить ванну? Это первый плюс. Второй — я знаю, как сделать из простой воды кислоту! Не зря я проворовалась в доме у Кондитера! Нужно просто достать краситель и подложить нужное количество в трубу! Третий — это водонапорная башня, где мы бывали с Тартеном, мало того, что она самая высокая, так еще она располагается по центру, хвала симметрии!

Дальше пока по нулям. Нет ни подобия огромного душа, ни прочной трубы, которую нужно протянуть хотя бы на десяток метров от башни вперед, чтобы она повисла над главным входом, ни сантехника, который бы взмахнул волшебным разводным ключом. Да, к тому же нет и красителя. А еще нужно придумать что-то вроде тучи... Может достать где-то летучий порошок или взять несколько килограммов муки и подкрасить ее?

Так. Сколько у меня времени, чтобы решить все эти проблемы? Тартен, а затем и Рик ушли больше полутора часов назад. Примерно через пол часа после этого, они вылетели. Сколько они будут у Вайля? Нужно рассказать ему план, добиться от него согласия, продумать, как перебросить людей через стену... не меньше двух-трех часов. Получается, что назад они вернуться уже к ужину, а может, и после, — к тому времени я должна проделать хотя бы половину работы, иначе весь мой дурацкий план никого не спасет и сражение неизбежно!

Ладно, прямо по списку, что мне нужно: длинная труба, огромный душ, очень много желтого красителя и порошок или еще что-то, что сойдет за тучу. Всего четыре вещи! При том, тучу я пока мысленно вычеркнула — в темноте достаточно жидкости. Правда, было бы классно, если бы она еще и светилась...

Может заглянуть в башню Дариана — а там все это лежит на столике, аккуратно запакованное в подарочную упаковку? Он же все предчувствовал!

Ладно, довольно. Взять себя в руки!

Начну с легкого — деньги. Пришло время пробежаться по местным магазинам! Для этого придется порыться в комнате у Тартена — он же мой жених и имущество у нас скоро будет общее, если он, конечно, выживет и не отменит помолвку!

Прервав поток ядовитого юмора, который так и просился на язык, я направилась в ванну и быстро привела себя в порядок — любое великое дело женщины начинается с прихорашивания у зеркала! А затем наведалься в покои Тартена — деньги нашлись почти сразу — они лежали небольшой стопкой в стеллаже, как обычно, заполненном запчастями. Прости, Тартен, не надо было меня так резко бросать — теперь я все потрачу!

Спрятав купюры за поясом — ни сумки, ни кошелек у меня не было, я сняла с крюка ключ от входной двери и вышла, заперев башню. Сюда я не вернусь, пока все не будет готово, — твердо напомнила я себе. — Я должна защитить свою будущую семью всеми силами, чтобы не потребовалось! И у меня получиться. Я же главная героиня, черт возьми!

Что важнее — подкрасить воду или запустить ее? Понятно, что второе, поэтому я напрямик отправилась к магазинам. Разукрашенная и напудренная публика меня сегодня не интересовала — ночью их ожидало большое приключение, так что пусть пялятся на мой скромный вид, сколько влезет!

Я смело протиснулась мимо двух ахающих старушек, которые кокетливо полускрывали размалеванные морщинистые лица, прикрываясь веерами из перьев, и зашла в первый магазин. Тут были всевозможные наряды — юбки, кринолины, платья, отдел с нижним бельем, шарфики, боа... Не прошло и пяти секунд, как я вылетела обратно, чуть не сбив старушек с ног.

— Извините, — бросила я и направилась дальше.

А дальше были следующие магазины — косметика, фигурные булочки и торты с конфетами, лучшие фрукты и овощи, косметика и парики, дизайн интерьеров и винтажный бутик, «лучшие наряды страны», косметика и парфюмерия... От обилия приторных ароматов и воркующих на каждом углу покупателей закружилась голова; я отошла от аллеи, ведущей в такие же магазины, и примкнула к периллам. Здесь ничего нет! Ни трубы, ни сита! И о любых строительных материалах здесь отдаленно слышали разве что дизайнеры — но не могу же я заявиться к ним с просьбой сделать срочную перепланировку центральной башни Замка?

Что делать?

Чем еще можно заменить сито? Нужно что-то, что рассеивало бы воду на струи — чтобы создать имитацию дождя, но что? Никакого детали из металла или пластика такого размера мне здесь не достать, самое подходящее — это соломенная шляпка, но она раз в десять меньше!

От обиды я пнула балясину... и вдруг мне в голову пришла по-настоящему безумная идея! Настолько дурацкая, какая щелкает только в самые последние минуты отчаянья, когда все, абсолютно все заканчивается! Сжав кулаки, чтобы придать глупости больше

уверенности, я оторвалась от перилл и поспешила к самому первому магазину.

Денег у Тартена оказалось достаточно; я купила четыре первоклассных кринолина, два мотка крепкой шелковой нити темного оттенка, несколько толстых игл и портняжные ножницы — есть ли у Тартена какие-то другие я не имела понятия. Нагрузившись покупками, на прощанье я всем мило улыбнулась и побежала назад!

Достигнув башни, я открыла дверь и кинула пакеты прямо у входа, и сразу снова побежала в комнату Тартена — если у него не будет того, на чем держался мой новый безумный план, я пропала! Итак, вот его стеллаж. Раньше я не особенно сюда вглядывалась — лежат железяки друг на друге и ладно! — но теперь мне была крайне необходима всего одна деталь и, если ее не окажется на месте... нет! Я должна ее найти!

Мелкие железяки — суставы, заклепки, разные шурупы, лежали в десятках прозрачных контейнерах, рядом были детали покрупнее — части шлема, конечностей. Того, что именно мне нужно было — а именно самых широких частей его брони — защиты груди или спины — не было видно, вплоть до того, как я не забралась на кровать и не вытянула шею, заглядывая на самый верх стеллажа. Ура! Широкая пластина около полуметра шириной у меня есть! А «сито» получится из нескольких сетчатых кринолинов, которые, сшитые между собой, выдержат напор воды и разделят его на струйки дождя!

Боясь даже дышать от нетерпения, я кинулась в свою ванную — теперь нужны были трубы, которые необходимо отвинтить от своих мест и продлить к нашему окну! Да, я не смогу вывести поток воды от водонапорной башни, но наша находится чуть левее главного входа, а это лучшее, что есть! И никто не помешает строить установку!

Влетев в ванную комнату, я отмахнулась от верещавших птиц и рванула к пальме, срывая по пути мешавшие декорации. Трубы нашлись прямо за ней — вертикальные, длинной во всю стену, от них шли короткие отводы к раковине, унитазу и ванне. Еще я заметила маленький вентиль — значит, воду в нашей башне можно остановить, по крайней мере, на время работ! Спасибо папа, что когда-то ты объяснил мне, что это за штука!

Так... уже что-то намечается! Пусть мой план и неказистый, но другого нет! А если и Тартен или Рик сочинят что-то другое, я обязательно возрадуюсь, но сейчас... сейчас мне нужно достать запчасть Тартена, накрепко приделать к нему кринолин, отсоединить трубы и присобачить их к моей конструкции...

И нечего время терять — нервы и пустые сопливые истерики вечером пригодятся! А сейчас каждая секунда на счету!

Да... Не знаю, что ожидал увидеть Тартен по своему возвращению, но точно не то, как сижу по-турецки посреди спальни и прилаживаю кринолин к пластине с его спины...

Но я слишком замоталась, чтобы чего-то стесняться — перед этим мне пришлось эту пластину стаскивать со стеллажа, а весила она добрых килограмм 30 (и как он это носит?!), да к тому же была тщательно прикручена к стене, чтобы не упала; потом я наскоро сшивала кринолины, периодически проверяя, чтобы вода через ткань проходила именно так, чтобы было похоже на дождь...

Поэтому, никакой нежности и романтики, прости, Тартен!

— Эй, подсоби-ка! — велела я, кивнув на иголку, которую уже замучилась продирать через нескольких слоев сетчатой ткани — оставалось вытащить самый последний раз. — Вот так. Ага! Теперь все отлично!

Радуясь, что все получилось, я наткнулась на взгляд Тартена, который похоже решил,

что я свихнулась... Мне бы понаслаждаться его недоумением, но я слишком устала, поэтому пришлось просто ввести его в курс моего плана.

— Сейчас отключим воду и присоединим к этому трубы, одну за другой, — объясняла я, — потом вытащим все наружу и в нужный момент я пушу воду. Как-то так, — смущенно закончила я — Тартен слишком удивленно на меня смотрел.

— Ты все это придумала... сама?

Я пожалала плечами. Надеюсь, он не ожидал от меня чего-то поумнее...

Но Тартен не дал мне додумать. Молниеносно склонившись ко мне, он схватил меня за талию и притянул к себе:

— Я думал, ты обиделась, сидишь расстроенная! — признался он, настолько пристало глядя мне в глаза, что я невольно отстранилась.

— Знаешь, в нашем мире мы стремимся к равноправию между мужчиной и женщиной, — немного запинаясь, выговорила я. — Ты взял на себя свою часть плана, я продумала остальное и сделала, что успела, как видишь.

— Но как тебе пришло в голову такое?

— А что еще! — разозлилась я. — Ты там будешь торчать на самом виду, чем еще отпугнуть от тебя остальных киборгов? Не буду же я в них кидаться подушками?!

— Значит, это все ради меня?

— Нет, ради Вайля! Отпусти, мне надо работать. Времени не осталось!

Тартен ослабил объятия, и я быстро вывернулась из-под его рук.

— Что там, кстати, с Полевыми? — спросила я, чтобы сменить тему. — Удалось договориться?

— Да. — Прокашлявшись, ответил Тартен. — После нашего ухода он пообещал тут же начать собирать народ.

— А как проберутся через стену?

— Подгонят автобус и залезут на него. Двигатель включать нельзя, поэтому подвезут его вручную. Должны справиться.

— Здорово! А где Рик?

— Он внизу — ищет сына Вайля — тот тоже поможет, а потом Рик будет на подхвате у заключенных. Оружием мы уже запаслись.

— Ого! Молодцы! — отозвалась я, чувствуя, что между нами повисло напряжение.

Но какое к черту напряжение, если на за окном уже опускаются сумерки и скоро должно начаться сражение?!

— Тартен, извини, что я на тебя набросилась. — Прямо сказала я. — Просто я не в себе — перенервничала слишком!

Он подошел и сел рядом.

— Нет, это я не... — он задумался, подбирая слова, — ...не оказался готов к тому, что такая хрупкая девушка будет продумывать план моего спасения. Настя, я просто растерялся!

Я довольно ухмыльнулась. Знал бы он еще про один из моих вариантов пробежаться гольшом...

— Простишь? — спросил он.

— Подумаю над этим! А пока запрягу тебя на работу! — с этими словами, я коснулась его протянутой руки и на миг забыла обо всем, тая от блаженного тепла, которое она мне дарила...

— Тартен...

Боже, но почему я не могу просто его поцеловать? Почему нас разделяют эти вечные слои брони? За что такая мука, что мы даже не можем поделиться нашей последней нежностью перед сражением?!

Он понял мое желание, и, придвинувшись ближе, осторожно коснулся моего лица своим; кожа и металл соприкоснулись, и я закрыла глаза, обняв его за плечи.

Все застыло. Все всех мирах вместе взятых, существуем только мы, только наши навсегда соединенные сердца!

Тартен сжал меня; спиной я чувствовала магическую теплоту его пальцев.

— Не отпущу тебя. — Твердо пообещал он. — Никогда и никуда!

— А я тебя! — шепнула я в ответ.

Он отнял одну руку и провел ею по моему лицу, по линии волос, по щеке... Я притянула его ладонь и прижала ее к губам, лаская ее своим дыханием и поцелуем.

— Настя!

Тартен обхватил мое лицо ладонями и снова прижал к своему, а потом опять обхватил меня и сжал в объятиях пуще прежнего!

Нет между нами никакой брони, нет никаких границ — книжных фантазий или подобного. Я с Тартеном и только это настоящее. А если нет этого, то и ничего больше — потому что нет ничего более реального, чем то, что связывает нас двоих.

Раз Тартен реален, то так же реальна и опасность потерять его сегодня ночью! Эта мысль с размаху шибанула меня по голове, и я мгновенно очнулась. Надо спешить! Иначе... Дальше лучше не продолжать!

Тартен помог мне встать, и мы пошли в ванную, где я показала на трубы, которые планировала использовать.

— Давай сначала проверим твою конструкцию над ванной подсоединив одну и них, — разумно предложил Тартен.

Я согласилась, и он принес "душ", затем перекрыл вентиль, открутил одну из труб и пришпандорил ее к конструкции, пока без инструментов. Мы вместе запустили воду.

Вначале ткань набухла, покрылась струйками воды, а затем хлынула дождем во все стороны. Работает! Мы оба отшатнулись и переглянувшись засмеялись.

— Умница! — Похвалил меня Тартен. — Если твое изобретение даст нам хотя бы пару минут на то, чтобы люди добежали до Замка, то, возможно, обойдемся без жертв!

Но довольными мы были не долго — ведь уже почти стемнело, а самая главная работа по соединению труб только предстояла! К тому же выяснилось еще одно обстоятельство — я даже не подумала, чем крепить тяжеленую конструкцию к стене — ведь труба ее не выдержит!

Тартен внимательно выслушал мои замечания.

— Не волнуйся, у меня найдутся инструменты. Я сам здесь закончу, — сказал он. — Иди поспи. Еле на ногах стоишь!

Глядя на его чуткие пальцы, которые, несмотря на броню, ловко управлялись с креплениями и легко, словно карандаши, поднимали трубы, я немного успокоилась. Он прав, мне нужно поднабраться сил — сейчас я только буду ему мешать!

Но не только желание выспаться заставило меня согласиться — проведя весь день впопыхах, я только сейчас заметила, что странно себя чувствую. И дело вовсе не в спешной подготовке к захвату Замка — вернулись забытые ощущения, будто сердце кто-то пытается насильно оживить!

Оставив Тартена работать, я вернулась в спальню, и сжалась в комок на кровати. Как успокоить эти порывистые движения, которые издает мое сердце? Как повлиять на того, кто пытается починить его из вне? Снова обманывать себя, внушая, что когда-нибудь я вернусь домой? Боюсь, что мое сердце теперь знает правду...

Но что же делать? Просто отпустить себя ту — мою школу, родителей, мой дом, мои планы на будущее? Об этом плачет оно?

А готова ли я все это потерять? Ведь после захвата Замка, после того, как я поговорю с Сашкой и верну его домой, я останусь одна — больше никто не будет тянуть меня, чуть ли не за волосы назад в реальность...

Готова ли я обменять все свое прошлое на Тартена?

Я знаю ответ. Но он не звучит однозначно: я готова быть в любом мире, где есть Тартен. А в моем мире ему не место — как бы не пыталась я его оживить, он никогда не станет реальным там, где он — всего лишь чернила на бумаге. Поэтому, я остаюсь.

Но тогда второй вопрос, который я уже задавала себе — что случится со мной, той,

которая сейчас живет и думает в этой комнате, когда мое тело на земле умрет? Ведь недаром там его пытаются оживить...

И третье, на что полагается вся моя надежда: то, что я чувствую — просто отголоски меня былой, и никак не могут повлиять на меня сейчас. Ведь моя душа здесь! Здесь она и останется!

Но... вдруг я ошибаюсь? Не сказать ли мне сейчас Тартену о своих опасениях, чтобы он срочно доставил меня к порталу?

Когда я проснулась, мое лицо было мокро от слез; я молча протерла щеки и глаза. Поднявшись на локтях, я увидела тянущиеся через всю комнату замысловатые зигзаги соединенных между собой труб. Тартен стоял у окна и прилаживал конструкцию на внешней стене башни, видно, я пробудилась от грохота, который он создавал.

На улице уже было совсем темно; казалось, что даже звезды светят ярче обычного!

— Тартен! — позвала я и, спрыгнув с кровати, подошла к нему.

Он высунулся из окна.

— Готово. — Сказал он, и поддержал меня, пока я выглянула посмотреть на работу — конструкция была прочно посажена на крепления; Тартен даже успел чем-то напоминающим по цвету и запаху деготь, замаскировать светлую ткань кринолина.

— Повернешь ручку через пять секунд после взрыва, — сказал он и я тут же вернулась обратно.

— Тартен...

Но, не дав мне договорить, он на миг стремительно притянул меня к себе и шепнул:

— Я вернусь, — быстро вышел из спальни.

Как только дверь за ним хлопнула, я побежала в ванну. Нельзя сейчас впасть в панический шок — от потока воды, который могу пустить только я, могут зависеть жизни!

В ванной было темно и я, чтобы не терять времени, наощупь дошла до нужного места. Вот он — тот кран, который может всех спасти! Вот та возможность, которая даст людям и киборгам несколько секунд, чтобы не перебить друг друга в угоду властям!

В темноте все звуки были четче, чем при свете. Чтобы сфокусироваться еще лучше и точно не пропустить взрыв, я закрыла глаза.

Птицы тихонько попискивали, переговариваясь, я зло шипнула на них, и они разом замолкли; теперь я слышала даже гул легкого ветерка, который бродил по крыше башни, задевая черепицу. Ни одной мысли в голове не было — никогда в жизни я еще не была так сфокусирована на одной цели; я не замечала секунд, застыв ровно в одном положении; я знала, что смогу выстоять так и час, если понадобится, потому что, видит Бог — это единственное, что я могу сделать!

И тут, где-то позади меня, снаружи раздался взрыв, а затем звук чего-то падающего на землю!

Раз... два... три... четыре... пять! Задеревеневшей рукой я повернула вентиль, и тут же труба, на которой он был, заледенела от потока холодной воды! Бросившись вслед за потоком, я залезла на подоконник и выглянула из окна вниз. Кринолина видно не было, но через несколько секунд по бокам металлической пластины образовались тонкие струи и закапали вниз. С каждой секундой они все крепили и вот уже уверенный дождь капал вблизи от парадного входа!

Я решила взглянуть на стену, но в черноте были видны только размытые очертания

фигур, которые то и дело вырисовывались на фоне светлого пятна цемента. Полевые уже пробирались внутрь! Я искала в небе Тартена, чтобы поймать его торжествующий взгляд. Но в ту же секунду, в нескольких метрах ниже нашего этажа, послышался ровный строй шагов!

Киборги спешили на сигнал тревоги!

Чтобы не рисковать, я нырнула обратно в комнату. Если они меня увидят — то могут схватить за предательство! Ведь, вдруг что-то пойдет не так!

Почти сразу киборги поднялись в небо, сначала по одному, а потом и по двое, по трое — мой план удался — они действительно испугались воды! Мне бы ликовать, но сердце вместо этого, будто схватили твердой рукой! И не физически... а будто кто-то нашептывал, что сейчас, вот сейчас, все оборвется и пойдет прахом!

И правда, киборги не стремились улетать. Они зависли на довольно большой высоте и вглядывались в пространство — еще секунда и сражение начнется!

Я искала глазами Тартена, но не смогла различить его от собратьев, с которыми вот-вот он должен будет драться. Внизу слышалось тяжелое дыхание. Оторвавшись от киборгов, я глянула туда и... прежде, чем я попыталась что-то рассмотреть, все вокруг осветило ослепительным светом!

В секунду я увидела каждого застывшего от шока повстанца, каждого киборга, включая того, кто притаился вдали за спинами остальных — киборга, закованного в лимонно-желтую броню, с прозрачным шлемом, через который на меня смотрели глаза Сашки!

И тут же, не дав мне даже выдохнуть, небеса разорвало от нового оглушительного взрыва, после которого на землю хлынул настоящий дождь.

Только инстинкт заставил меня отшатнуться от раскрытого окна и упасть на пол — на подоконник уже лился поток, прожигаящий все живое. Хватая ртом воздух, я пятилась, пока не уперлась в противоположную стену и не захрипела, ни в силах издать иного звука — Тартен не мог избежать дождя. Сейчас он прямо там, под потоком горячей кислоты!

Двинуться с места, чтобы сделать хоть что-то, я не могла. Я закрыла глаза и прижалась к ледяной стене, до боли давя в нее головой. Ничего. Ничего больше нет. И мне больше ничего не надо.

Когда с боку послышался шорох и звук открывающейся двери, я не обернулась. Тартена больше нет. И мне все равно, что будет дальше.

— Ну здравствуй, Избранная! — сказал высокий старческий голос и мне в челюсть ударил чей-то кулак.

Боль, наполнившая всю нижнюю и правую часть лица, пробудила меня от забытья. Стоная, я открыла глаза. Передо мной сидел Алехис.

Теперь, после кислотного дождя, под который попал Тартен, ничего уже не имело значения — этот мир снова стал для меня пустой бумагой. И все же, я отметила, что меня трясет, но не от дрожи или от боли, а как во время движения — Алехис меня куда-то вез.

— Очнулась? — с нескрываемым отвращением сказал он.

Я не ответила.

— Что, даже не спросишь, где ты и что я собираюсь с тобой делать? — как-то постарушечьи глумливо, спросил он.

Я снова промолчала, но не от того, чтобы его помучить — я не могла произнести ни слова — губы, будто слиплись между собой — разорвать их теперь мог только безумный

воплъ, который я всеми оставшимися силами удерживала в себе. Пусть этот последний крик травит меня, пусть я умру вместе с ним, ничто и никто в мире больше не заставит меня действовать. Я больше ничего не хочу.

Обиженный моим безразличием, Алехис стал еще злее и пнул меня в бок своей ножкой, обтянутой белыми лоснящимися лосинами.

— Не подохни раньше времени! — улыбнувшись, сказал он. — Мне тебя живой доставить нужно...

И, видимо, не выдержав моего очередного равнодушия, заговорил, будто раньше только сильным усилием воли удерживал поток слов:

— Как видишь, Избранная, ваша попытка опять не удалась! Тебе не интересно, почему? Почему каждый раз, когда твои немытые дружки что-то затеют, я сразу обо всем узнаю?

Алехис снова меня пнул и на этот раз больнее, задев ребра на правом боку. Я теснее сцепила челюсти.

Машина подпрыгнула на каком-то пригорке и меня подкинуло в воздух. От неожиданности я охнула, — восприняв это, как положительный интерес, Алехис, продолжая скалиться в мою сторону, начал свой рассказ:

— Думаешь, только бедняга Дариан знал, что ты «избранная»? Вовсе нет! Я понял это, как только он тобой заинтересовался... я давно следил за ним и ждал... Но я не стал тебя убивать. Почему? А потому что ты была нужна мне еще больше, чем ему — ведь, благодаря твоей слепой вере в свое предназначение, удалось вычислить всех сопротивлявшихся...

Невозможно было вынести его глумливый оскал, когда он говорил о погибших на моих глазах людях!

— Ты ошибся, я вовсе не Избранная. — Твердо, стараясь, чтобы в голосе не звучала боль, сказала я.

Но вместо разочарования, улыбка на лице Алехиса разрослась вдвое:

— Самое хорошее, что это не имеет значения! Дариан так считал, поэтому он стал действовать и сводить тебя со своими людьми, среди которых были мои... Мне оставалось только реагировать на их сообщения!

Ясно, что среди киборгов были предатели — первый, который сообщил, что мы собираемся к Ароне, и второй, который пытался остановить переброс моих родителей через портал. Но кто же еще? Кто еще отправлял Алехису сообщения? Кто мог предать своих?

Когда в Замке узнали про восстание в Пятнадцатом и про сегодняшнее... этот человек должен был иметь связь с Замком постоянно и, к тому же, иметь абсолютное доверие Дариана и трущобников... И вдруг меня стукнуло — Рик! Он постоянно бродил по всем квардам и был в курсе всех дел!

Нет, он мой друг, никогда в это не поверю!

Пока я, забыв обо всем, пыталась вычислить предателя, Алехис, не скрывая удовольствия, наблюдал за мной. Заметив это, я стиснула челюсти и подняла подбородок. Пусть говорит, что хочет! Я верю мальчишке, с которым мы столько пережили!

— Не дошло! — резюмировал Алехис мою попытку спрятать истинные чувства. — Но, так как тебе теперь все равно не жить, я, так уж и быть, скажу. — Великодушно заверил он. — Устроить все было не так уж и сложно... только был бы тот, кого сразу пожалеют, утешат и поймут его желание бороться с властью... Снова не дошло? Ну подскажу еще, он должен был бы иметь постоянную, налаженную связь со мной, через своего человека у меня под боком...

И тут до меня начало доходить... Это вовсе не Рик, хотя и он косвенно виновен, но только тем, что проникся к якобы полюбившей его семье...

— Вайль! — выдохнула я и взглянула на Алехиса.

— Ну неужели?! Может ты не такая тупая, какой выглядишь?

Пока чиновник выговаривал очередные гадости, я представляла Вайля — изгоя, которого приняли в трущобах и действительно сочувствовали ему. А Рик! Он так был к ним привязан, нахваливал мне Полевого, как прирожденного лидера! Значит, Вайль передавал записки мальчишке, а Рик уже относил их его сыну, который был придворным пажом — вот откуда связь с Алехисом! Черт, Вайль же передавал записку в нашу первую встречу, когда мы с Риком сообщили о дне восстания! Как я не догадалась!

Машина остановилась, и мы проехали очередной пост; окна были наглухо затонированы, и я не имела понятия, куда мы направлялись. Алехис, в течении уже более получаса, все продолжал себя нахваливать за находчивость и хитрость, подробно перемалывая все неудавшиеся стратегии Дариана; со временем, я перестала обращать внимание на его болтовню и просто отключила мозг, сосредоточившись на равномерном покачивании в такт движению — оно убаюкивало сознание, мне все сильнее хотелось закрыть глаза и просто отключиться, чтобы больше никогда не видеть, что происходит вокруг; но, как только я отворачивалась, Алехис снова меня пинал и заставлял слушать его бред дальше.

Вот и сейчас, я чуть было не уснула, но он ущипнул меня за локоть.

— Подъезжаем! — раскрасневшись от удовольствия, объявил он и великодушно приоткрыл окно, чтобы я могла выглянуть на улицу.

Снаружи было видно только спокойную, с легкими мерными волнами, воду. Мы ехали по мосту! Значит, он везет меня в Лабораторию! Но зачем? Для экспериментов? Я невольно поежилась.

Заметив это, Алехис не стал скрывать удовольствия:

— Помнишь дождик в Пятнадцатом пару дней назад? И сегодняшний тоже... Это сделал новый Предводитель стражи Лаборатории. Уничтожил всех активных повстанцев для нашего спокойствия! А как плату за свои услуги, он заказал тебя! Видно, мечтает уничтожить Избранную своим собственным методом...

Неожиданно для него и даже для себя, я улыбнулась. Алехис закрыл окно и, сощурившись, уставился на меня. Не без удовольствия я отметила, что его самоуверенность резко упала.

— Что, у Избранной есть секретное оружие? Где оно? В твоих тряпках? — попытался вернуть себе лицо очередным оскорблением Алехис.

— Как знать... — тихо проговаривая слова, ответила я. — Но везешь ты меня в правильном направлении. Лаборатория — это именно то место, куда я сейчас хочу попасть. Так что, спасибо за услуги извозчика.

От удивления Алехис даже забыл меня ударить, продолжая недоверчиво пронизывать меня своими перекрашенными глазками гиены.

Между тем, мы довольно быстро пересекли последний пост охраны — на берегу Лаборатории и, проехав с десятков метров, остановились. Пора было выходить.

Сейчас я увижу Сашку и узнаю, кем он стал и осталось ли у него хоть что-то, что поможет мне выжить после нашей встречи.

Алехис вылез первый. Так как у меня были связаны руки, мне требовалась помощь,

поэтому он махнул своему телохранителю-киборгу, чтобы самому «не пачкать руки». Краем глаза я заметила, что броня у телохранителя шоколадного цвета и в сеточку — такая же была и у погибших охранников Дариана. Киборг выволок меня из кареты, поставил на ноги и пустил идти после чиновника, который спешил ко входу, семена за вторым киборгом.

Лаборатория располагалась в нескольких десятках метрах от берега, стены или других ограждений, вокруг нее не было, если не считать скал, к которым она примыкала; смотреть на здание при солнечном свете было нелегко, особенно учитывая, что последние пару часов я провела в закрытой карете. Но постепенно глаза привыкли, и я разглядела вход — громадные двери из матового стекла.

Киборг, который шел перед Алехисом, открыл двери, и мы вошли в жилище ученых. На первый взгляд, внутренний интерьер напоминал Замок — тот же огромный зал и лестница посередине, но на этом сходство кончалось, и прежде всего, от стерильного больничного запаха, который резал ноздри.

Алехис отправил одного из киборгов доложить, а сам стал поправлять сплюснутый в пути парик. Я заметила, что он прямо-таки пышет гордостью, что так быстро меня доставил! О моей — пусть и дугой — уверенности он давно позабыл.

Ждали мы не долго — буквально через пару минут, сверху лестницы показался силуэт лимонного киборга. Как только он стал спускаться, я сразу поняла, что это Сашка — не смотря на слои брони, что-то необъяснимо-похожее было в его движениях, походке, повороте головы... Я во все глаза глядела на него, но лицо моего бывшего парня за прозрачным шлемом было совершенно непроницаемое; казалось, он ни испытывает ни малейшего дискомфорта от своего нового обмундирования — он двигался совершенно свободно!

Спустившись, Сашка подошел к нам. Алехис, очевидно желая выслужиться, подбежал ко мне и толкнул меня в бок, да так сильно, что я не удержала равновесие и упала прямо к ногам Сашки!

— Как вы заказывали, Предводитель! — заламывая руки, выдохнул Алехис.

Сашка, не глядя в мою сторону, кивнул, а затем поднял руку и сделал едва уловимое движение. Что он имел в виду, я поняла только когда со стороны лестницы к нам поспешили невидимые до того двое лимонных стражников.

— Убрать! — послышался неестественно низкий голос Сашки из недр его брони, и он кивнул на Алехиса.

Тот запоздало отпрянул, и охранники вмиг его сцапали. При этом телохранители чиновника даже не двинулись.

— Вы что! Предводитель! Я же выполнил задание! Я служил вам! — захлебываясь слюной, верещал Алехис.

Но Сашка быстро потерял к нему интерес и вопли чиновника, по мере того, как его тащили к выходу, становились все тише.

После этого, Сашка взглянул на меня — я до сих пор лежала у его ног со связанными руками. Поймав его пустой, чужой взгляд, в голове быстро промелькнуло, что ничего хорошего меня тоже не ждет... предчувствие оказалось верным:

— В камеру! Сторожить по двое! — махнув рукой другим стражникам, велел Сашка. — Этих, — он указал на пару телохранителей, — в фильтрационный отдел.

Покончив с распоряжениями, он развернулся и двинулся обратно к лестнице.

Двое стражников подняли меня с пола и отвели в камеру — квадратную комнату с маленьким окном, с потолка до пола облицованную лимонной плиткой. Как только они вышли, я залезла на узкую больничную койку, которая стояла у стены, и постаралась отключиться от всего внешнего, — хотя бы несколько часов я должна побыть в абсолютной тишине, подальше от всего, что произошло сегодня. Иначе сойду с ума.

Но инстинкт самосохранения не дал надолго впасть в спасительную апатию — даже в полудреме, я прокручивала в голове последние минуты перед дождем — где тогда был Тартен? Успел ли он заметить неестественную тучу в небе? Но сколько бы я не вспоминала все по секундам, ответа не было. Более того — теперь я даже не была уверена, что когда-то мне позволят узнать, что случилось...

Увидев нового Сашку, я слишком растерялась, чтобы сказать хоть слово. В прошлом, когда в похожей ситуации я оказалась в темнице Замка, у меня, по крайней мере, была возможность перекинуться парой слов с Тартеном. А что делать теперь? Когда я не имею никакого доступа к единственному человеку, который может меня спасти?

Теперь, когда я под охраной новейших киборгов, надежно заперта в стенах Лаборатории, которая при малейшей опасности может насрать новый дождь, я больше ничего не могу решать. Теперь я завишу только от Сашки. А что с ним произошло? Кем он стал?

Не представляю, как измученно мозгу удалось отключить сознание и дать мне поспать хотя бы немного. Но очнулась я уже утром — сквозь матово-стеклянное окно на лицо падали еле теплые лучи солнца.

Тело ныло и страдало, койка была очень жесткая, к тому же вчерашние удары Алехиса жутко саднили; видимо, все бока у меня теперь в синяках. Во рту было сухо и плохо пахло — я не ела со вчерашнего утра, когда перекусила только забытой на кровати булочкой Рика. Про голову и говорить нечего, видно, болеть она у меня будет вечно.

Единственно, что более-менее восстановилось за ночь — душевное самочувствие — вопреки всему, я не могла поверить, что Тартен мертв! Не могу и все тут!

Не может так просто уйти со сцены главный герой, просто по какой-то безумной ошибке! Не бывает такого!

Нет! Нет! Нет!

Я выясню, я придумаю, я... не знаю пока, что, но я сделаю что-нибудь, чтобы все изменить. Не должна моя сказка оборваться таким вот поганым способом!

Сжав кулаки, чтобы подбодрить оживляющий всплеск адреналина, я резво вскочила с койки и обомлела... Прямо напротив меня сидел Сашка! Все то время, пока я боролась с собой, он неслышно за мной наблюдал!

Ноги подвели меня, и я опустилась обратно.

Сашка-киборг молчал. Я тоже, — не зная, как теперь с ним себя вести. В прошлом в подобной ситуации, мне, пусть и не сразу, удалось убедить Тартена в собственной невинности. Но что мне делать с Сашкой, которого я не просто толкнула с пути, но обманула, променяла на другого и обрекла на участь носить эту ужасную бронь и служить безумному лидеру Лаборатории?

Не в силах начать разговор, я заставила себя посмотреть ему в глаза. Они были пусты, как вчера; ни малейшей нежности или, пусть даже, обиды. Чужой. Но все же он пришел сюда. Зачем? Уничтожить Избранную?

Я невольно поежилась. Сашка заметил это и тяжело вздохнул. Может в нем еще осталось что-то человеческое?

Пауза длилась невыносимо долго. Когда я уже пришла к решению, что он пришел сюда, чтобы дополнительно меня охранять, Сашка, наконец, заговорил:

— Я отправил твоих родителей домой. — Сказал он.

— Спасибо, — поблагодарила я, осторожно пожав плечами.

В суете я совсем позабыла о маме с папой, слепо уверенная в том, что Сашка их не бросил. Как же он все-таки мне помог! Я не могу быть ему не благодарной... но как простить ему то, что он натворил, став Главарем? Найду ли я в себе силы для этого?

Только, если Тартен жив.

— Что случилось, после того, как я покинула белую комнату? — сделала я первый пробный шаг навстречу.

— На какое-то время я отключился, — сказал Сашка. — Когда ты меня отбросила, я стукнулся головой об стену и потерял сознание.

Я опустила глаза, не в силах дать объяснение.

— Потом очнулся. — Продолжил он. — Твои родители еще почему-то спали, поэтому я сам разбудил их, а затем... мы все вдруг оказались в реальности!

— Ты тоже? — не выдержала я и удивленно на него уставилась.

— Не долго. По-моему, я понял устройство этой комнаты или меня просто очень сильно тянуло назад... в любом случае, я почти сразу вернулся.

Мы помолчали. Каждый из нас понимал, для чего, а, точнее, для кого, он это сделал.

— Что было потом? — спросила я. — Тебя сразу схватили?

— Нет, — в его глазах мелькнула и быстро исчезла знакомая искорка. — Сначала я прятался, бродил по всяким лаборантским, искал выход... Но потом на меня объявили облаву — кто-то заметил лишнюю вспышку и меня вычислили...

— И как... — я сглотнула, чтобы набрать воздуха для главного вопроса. — Что они сделали с тобой, когда поймали?

Сашка снова вздохнул и помолчал. То ли воспоминания были нестерпимо болезненные, то ли он не хотел рассказывать подробности, чтобы я не нервничала.

— Прежде всего этого, — он кивнул на свои покрытые броней руки, — меня заперли в камере. Как я потом понял, в это время за мной наблюдала директор Лаборатории, та, кто все здесь решает. Сам я с ней не общался, только через подчиненных, которые попеременно меня допрашивали — зачем я здесь очутился и чего хочу.

— Ты сказал?

— Выхода не было. Я бы не смог сбежать. Здесь нет никаких лазеек, даже зеркало увезли в другое место...

— Но как они сделали тебя Главарем? Алехис говорил...

— Алехис был прав! — внезапно грубо прервал меня Сашка.

Он встал и подошел к моей койке. Я замерла на месте.

— Директор передала, что, если я соглашусь выполнить их условия, они найдут тебя. А после того, как я завершу последнее дело — нас отправят домой.

— Но что это? — пискнула я, боясь пошевелиться.

— Ты узнаешь. Но только после того, как все будет сделано. Больше я не совершу ошибки!

Когда Сашка ушел, я подумала, что мне придется сидеть здесь до его возвращения, но у моих похитителей были другие планы — спустя пол часа за мной явились двое киборгов.

— Пойдешь с нами! — неожиданно обратились они ко мне, и вывели за дверь.

Связывать меня не стали — видно, сбежать из Лаборатории было действительно невозможно. Проведя меня по стандартному коридору, они позволили мне зайти в туалет и умыться (оттуда тоже не было возможности выбраться). А затем повели к главному входу, но на этот раз, свернули к лестнице.

Следуя за киборгом впереди (второй страховал сзади) я поднялась на второй этаж. По обеим сторонам от лестницы шли ряды бесконечных лаборантских, каждая из которых была абсолютно прозрачна; не будь я так напугана, что сейчас меня отправят обшивать лимонной броней, я бы дала волю любопытству, но сейчас я даже боялась смотреть по сторонам. Глупая наивность двоечника — не смотри на учителя и он тебя не вызовет! Но все же, кое-то я разглядела: второй этаж был посвящен разработке каких-то мелких материалов, сывороток, структуры дождей или чего-то подобного, потому что вокруг стояло множество пробирок, центрифуг различных размеров и просто огромное количество различных микроскопов. Люди сновали меж ними, как карлики — до того все приборы были громадными!

Киборги провели меня через десяток лаборантских и остановились перед одной из них. Я задрожала, но сопротивляться было бесполезно, поэтому я просто шагнула через порог за первым киборгом.

Заслышав тяжелый лязг ног по стеклянной плитке, ученые тут же оторвали глаза от своих трудов. На меня уставилось с десятков разных глаз, но в каждом читалось одинаковое выражение — они чего-то ждали. Но чего? Приказа облить меня кислотой? И почему Сашка не предупредил меня, что со мной будут делать? Неужели было сложно?!

— Базисный оживитель и халат. Она будет на заседании. — Проскрипел передний киборг.

Ближайший ко мне сотрудник кивнул и, не сказав ни слова, стал рыться в ящиках стола. Киборги в это время, отошли от меня и замерли, встав вдоль стены. Дальше все происходило очень быстро: сотрудник вытащил из ящика шприц, напоминающий прививочный и сделал мне укол, затем нашел в соседнем шкафике стопку с формой и передал мне, быстрыми и ловкими движениями расставив вокруг меня белую больничную ширму.

В стопке оказался не только халат, но и легкие кеды, просторные штаны, майка, и медицинских колпак — все стандартного лимонного цвета.

Переодевшись, я вышла, и киборги повели меня дальше — уже на третий этаж.

Лаборантские здесь были тоже прозрачные, но, как только я увидела ряд громадных клеток, которые виднелись сквозь стекло, то сразу отвернулась — не хочу, не могу знать, как проходят эксперименты!

К счастью, меня провели не туда, а прямо — к большим дверям, за которыми виднелся зал с множеством рядов кресел. Большая часть мест уже была занята, но киборги провели меня вперед и велели сесть между ними в заднем ряду.

— Уважаемые сотрудники! — произнес приятный и чем-то знакомый голос. — Прошу минутку внимания!

Все мгновенно притихли и застыли на своих местах. Говорящего видно не было, но

скорее всего это была тот самый Директор, о которой рассказал Сашка.

— Сегодня, в этот торжественный день, вас оторвали от работы, чтобы представить наши последние результаты! — продолжал голос. — За последние годы были улучшены породы населения...

Она так и сказала! От удивления у меня приоткрылся рот! Я огляделась, но все остальные слушали очень внимательно и так, будто она не сказала ничего странного...

— Благодаря Отделу Кислот и Добавок, мутация развивается на двадцать процентов быстрее, что улучшает общую производительность в полтора раза! Разработаны новые кислоты для пустых квардов; на данный момент, они проходят последние проверки. Что касается киборгов — внедрена сверхновая броня, которая не требует вмешательства кислоты, что значительно экономит наши ресурсы...

Дальше я не слушала. Скрип моих зубов причинял нестерпимую боль, и я пыталась сосредоточиться на ней, чтобы не вслушиваться в эти сводки — говорившая изворачивала все так, будто они делают огромное добро для всего населения! Увеличивают производительность, экономят ресурсы — да просто молодцы! И все ученые слушали — среди сотни лиц я не заметила ни одного, кто хоть как-то выразил бы свой ужас!

Маговая стеклянная стена перед первым рядом стала подниматься, и я вынужденно наострила уши.

— ...и сегодня мы проведем итоговую Чистку и Перемену. — Объявила невидимая женщина. — Все главные очаги сопротивления успешно устранены, так что порода не будет отбракована! — от восторга ее голос усилился многократно. — Уважаемые сотрудники! Сегодня нас ждет тяжелый день, но уже завтра мы внедрим все наши разработки! А теперь смотрите!

Стена открылась полностью — вдалеке виднелись до боли знакомые башни. Перед глазами внезапно что-то опустилось — это был мощный бинокль, который на какой-то железяке съехал с потолка. Не теряя времени, я тут же направила его на Замок!

С первого взгляда все было по-старому — между башен неспешно прогуливались люди, собирались кучками, чтобы обсудить последние тенденции моды и новые поступления косметики... Но уже через пару секунд оказалось, что я не совсем права — приглядевшись, я заметила, что это были вовсе не элитники, хотя некоторые действительно были в богатой одежде, но лица не спрячешь — худые, изможденные лица могли принадлежать только трущобникам. Значит, узникам удалось занять Замок!

Ликуя про себя, я направила бинокль на крайнюю башню на пятом этаже — окно в моей спальне было до сих пор распахнуто, а под ним, среди бела дня, висел нетронутый металлический «душ»... Признаков жизни не было ни малейших, вряд ли в комнату кто-то заходил после вчерашнего дождя. Хотя, если Тартен все-таки выжил и ищет меня, не может же он тупо сидеть на подоконнике! Да... если выжил и если не ранен...

Голос снова что-то заговорил, но я слышала женщину только на фоновом восприятии — я снова просматривала гуляющих меж башен — вдруг увижу знакомую фигуру киборга?

И я увидела... но не Тартена, а Сашку! Он попал на глаза случайно и оказался очень большим. Я быстро уменьшила расстояние и стала разглядывать, что он делает — он же говорил, что отправился на задание!

Сашка зависал в воздухе над центральными квардами; мне показалось, что сегодня его броня приобрела иной оттенок — более желтый, но потом я пригляделась и заметила, что он в защитном костюме...

Киборг в защитном костюме? По спине пробежали мурашки...

Около него промелькнули силуэты еще нескольких киборгов «в защите» и направились напрямиком к Замку. Как назло, говорившая уже закончила свою речь, и, видно, самое главное я пропустила! Оставалось только ждать и проклинать себя за тупость!

Минут десять ничего не происходило; нервозно оглядываясь по сторонам, я уже стала привлекать к себе внимание; остальные были совершенно невозмутимы, словно роботы — смотрели перед собой и ждали чего-то. По их покорному поведению и абсолютной вере в своего лидера, уже можно было заподозрить что-то неладное, но еще больше меня смущала это собрание и официальная речь — здесь явно намечался не просто очередной кислотный дождь! Что еще придумали эти «улучшители породы»?

Внезапно киборги, сидящие по обеим сторонам от меня, одновременно подняли головы, будто что-то услышали. Затем, сидящий справа, резко вытянул металлическую руку вдоль моего сиденья, прикрыв таким образом мне возможность двигаться.

— Что происходит? — хотела сказать я, но не успела.

Началось...

Небо, на котором не было ни облачка, прорезала яркая молния и послышался звук дождя. Но он был невидимым! Какие-то прозрачные тучи извергали бесцветный дождь!

Не в силах пошевелиться, я уставилась на последнее, что увеличивала биноклем — а именно, квард, под которым парил Сашка. На сколько удалось разглядеть — это был элитный квард Парфюмерии и Косметики. Людей на улицах было немного и все они недоуменно подняли головы, но с места почему-то не двигались! Значит, дождь не причинял вреда, но что же тогда?

Я вспомнила слова женщины в самом начале ее речи — что-то на счет очистки и новых технологий и еще то, что предстоит много работы... Что бы это значило? Может, это какая-то кислота, которая не причиняет вреда? Бред! Да и к тому же, зачем насыпать дождь на элитников?!

И тут группка Парфюмеров прямо на моих глазах покачнулась и люди по одному попадали на землю; сзади них, пара раздетых детишек уже лежали на земле, я просто не заметила их за взрослыми! Окружающие, все, кто оказался в поле зрения моего бинокля, так же падали. Что это? Яд? Снотворное? Новая кислота, которая улучшит всю «породу»?

Все сотрудники, как один, уставились в бинокли; никто не задавал вопросов. Киборги, напротив, смотрели на меня в упор, ожидая реакции. Но что я могла сделать? Закричать, запротестовать, вырваться из их рук-кандалов? Я была загнана в угол и даже пошевелиться не могла без их позволения!

Собрание закончилось через несколько минут после дождя. Голос произнес еще несколько пустых слов, и сотрудники поднялись с мест. Киборги схватили меня за руки с обеих сторон и, выведя из зала, сопроводили обратно до камеры. Оставшись одна, я как вчера, сразу забралась на койку с ногами и прижалась к стене, свернувшись клубком.

По сравнению со вчерашним днем, сейчас у меня не было никаких мыслей. Я просто не понимала, зачем меня заставили смотреть на это. Отнять последнюю надежду? Сломать окончательно? Что же, если они добиваются этого, то они на правильном пути. Я больше не понимала, что происходит, я совершенно одна и не вижу никакого будущего, кроме как торчать в этой полупустой коробке! У меня не было сил даже плакать. Я просто не представляла, что меня ждало дальше...

К вечеру вернулся Сашка. Несмотря на уколы «оживления», которые мне вколол

безликий сотрудник, на еду, которую я проживала на автомате, я была в полностью разобранном состоянии; это была даже не апатия, я что-то еще более низшее, если такое вообще существует.

— Вставай! — вместо приветствия, велел он.

Я не двинулась с места. Пусть тащит меня силой, если ему так надо. Я не хочу с ним больше разговаривать и подчиняться ему. Этот Сашка не мой бывший друг — это какой-то совершенно иной человек. Как можно воспринять все то, что он натворил за несколько последних дней? А сейчас? Ведь это он руководил «операцией»! Я никогда не смогу пережить таких жертв!

— Они все живы, — сказал Сашка, словно догадавшись, о чем я подумала. — Просто усыплены на время.

— Зачем? — хрипло отозвалась я и прокашлялась. — Что вам еще нужно от них?

— Мне ничего! — вдруг гаркнул Сашка. — Я исполняю приказ! Я должен заплатить за дорогу домой!

Я выдавила из себя кислую улыбку.

— И много ты убил по приказу? Сколько стоит твой билет?

С лязгом он сжал стальные кулаки, но не двинулся с места.

— Они не люди. Не живые. По-твоему, я должен был пожертвовать собой ради нарисованных тобой персонажей?

— Ты нет. — Ответила я. — Так что смело уходи домой. Заслужил!

С бешеными глазами, он в мгновение навис надо мной; под прозрачным шлемом было видно, как ходят желваки на его лице. Что же ему вкололи? Или он всегда был такой, а я просто не замечала?

Я ждала удара, но он медлил. В глазах вместо вчерашней пустоты была абсолютная злоба — на меня или на обстоятельства, в которые он попал, но она была настолько сильная, что я не выдержала его взгляда и опустила глаза. Вправе ли я его судить? Как я сама бы поступила на его месте? Если бы вдруг через портал не прошел кто-то из родителей или мне нужно было спасти Тартена? Но, представив, что для этого мне бы пришлось травить и убивать других людей, меня передернуло.

— Можешь думать обо мне, что хочешь, — наконец, заговорил Саша; голос у него был ужасно хриплый, я еле различала слова. — Но я выполнил все. И сейчас мы отправимся к зеркалу. Там, в реальности, мы поговорим об этом, но сейчас... — он оборвал предложение и замолк.

Как ему объяснить?

— Саша... — не в силах смотреть ему в глаза, я пялилась на свои вспотевшие ладони. — Прошу тебя, не заставляй меня. Я не могу пойти с тобой... Теперь здесь мой дом.

— Ты в своем уме?! — вновь взорвался он. — Да что с тобой происходит? А, впрочем, какая разница, я не собираюсь больше тебя слушать! Ты пойдешь со мной в любом случае!

С этими словами, он схватил меня за руку и попытался взять на руки, но я изогнулась всем телом и мне удалось выскользнуть. Я отбежала от него и предостерегающе вытянула вперед руки.

— Не надо! Остановись! Я так хочу, почему ты меня не слышишь?

— Ты чокнулась! — раздраженно повторил он. — Польстилась на сказочку и просто чокнулась! Ты не можешь жить в книжке! Там, на койке ты стала овощем! Сколько ты еще проживешь? День? Неделю? А когда аппараты отключат?!

Сердце в груди болезненно кольнуло; оно было совершенно согласно с Сашкой.

— Мне нужно... Я еще не все закончила здесь! — путаясь в словах, сказала я.

— А что же? Спасти мир? Устроить новую революцию? Посмотри на улицу — жестом указал он в окно, — поздно что-то менять, нет больше способных тебя поддержать!

— Нет! — я вновь сорвалась на крик; в душе поднималась истерическая паника. — Я не могу просто уйти, я теперь... я не одна здесь! Я не могу уйти Саша, я не могу оставить его!

Этого он не ожидал. И, пытаясь переварить новую информацию, тряхнул головой.

— Другого? — спросил он. — Но... ты хочешь остаться в вымышленном мире ради рисованного персонажа? Ты готова пожертвовать своей жизнью?

— Нет! Я придумаю что-нибудь...

— Но что? Вариантов нет, ты можешь это понять?! — вновь стал заводиться он. — Я видел себя — мое тело лежит все обколотое, рядом прибор, людей вокруг нет — потому что делать что-то бесполезно — я в пустой, беспросветной коме! И тебя, черт дери, волнует какой-то придурок? Да ты умрешь прежде, чем его найдешь!

— Саша, пожалуйста...

— Знаешь, а нет! Я пожертвовал всем, хожу в этой проклятой броне, исполняю любую работу... Знаешь, я не собираюсь тебя слушать!

В два шага он подошел ко мне.

— Ты такая чистая, невинная, тебе просто говорить! А посмотри, на что я пошел, чтобы тебя спасти? Да как ты смеешь мне еще о ком-то говорить! Что он-то для тебя сделал?!

С этими словами, он накрепко схватил меня за плечо и, не обращая внимания на мои крики и попытки вырваться, толкнул ногой дверь; с одного раза она вылетела с петель и рухнула на пол.

— Я забираю пленницу в Восьмой. — На ходу бросил Сашка застывшим у дверей стражникам. — Велите тут убрать и возвращайтесь на места.

Отдав последний приказ, он молча потащил меня к выходу.

Вот я и спасаю свою жизнь — сейчас Сашка доставит меня к зеркалу, я перейду в реальность и окажусь в своем теле. Рано или поздно, я очнусь от комы и поправлюсь, а потом заживу прежней жизнью — буду ходить в школу, готовиться к поступлению в институт, встречаться с подружками... Прощу ли я Сашку или нет, все остальное будет по-прежнему. И никто не узнает, что со мной случилось, ни я, ни он, не будут никому отвечать — мы же не захотим, чтобы для нас выделили общую палату в психушке. Поэтому, все просто кончится. Может, когда-нибудь, я напишу текст книги и все. Я уйду из этого мира, оставлю его полностью поработанным и разрушенным, в беспросветном будущем — потому что стовор правительства, Лаборатории и предателей никогда не даст ему по-настоящему освободиться.

Я уйду. И все жертвы бесполезны. Дариан, который посвятил себя борьбе и отдал за это жизнь, чтобы дать нам последний шанс, Тартен, который с детства ходит в многокилограммовой броне и вряд ли когда-то освободится, если он вообще жив, Арона, Рик и многие другие, обреченные на постоянный голод и гнет безумного руководителя Лаборатории, которая «улучшает породу»...

Избранная... зачем только Дариан дал мне это имя? Зачем только подарил отравляющую все нутро надежду, что я могу хоть что-то изменить?

Прицепив меня к себе, Сашка поднялся в небо. Как только он оказался достаточно высоко, я увидела тела — множество людей всех слоев населения, которые были раскиданы по земле. Их будто смыло волной и выбросило на берег; в неестественных, порой странных позах, раскинув ноги и руки, с закинутой на плечи головой, они выглядели совершенно беспомощными — сейчас Лаборатория могла творить с ними, что угодно.

Но я была надежно прицеплена к Сашке и только смотрела на них. Я ничем не могу им помочь, из меня снова сделали марионетку, за меня снова решили, что я должна делать.

Двигатель, встроенный в новенькую лимонную броню работал лучше, по сравнению с возможностями Тартена. До нужного кварда мы долетели в два раза быстрее. Уже издали я увидела отряд киборгов, стоящих в кварде искусств — Сашка направлялся прямо на них. Здание, которое они сторожили, показалось необычным местом для хранения зеркала — это был Лабиринт Литераторов. Совсем недавно я хотела отправиться сюда... странно...

Но думать о киборгах и остальном не хотелось, я смотрела влево — там, где был квард Металлургов. Несколько десятков человек также лежали на темной, пыльной земле; различить меж ними Арону было невозможно.

Хм. Что-то не сходится — дождь был с утра, когда трущобники должны были быть на работе, как же удалось вытащить их на улицу? Может было какое-то объявление? Или на заводах дали выходной? Разве никто ничего не заподозрил, неужели все население теперь усыплено?!

Вот бы достать тот порошок, который мне показывал Дариан, и распылить его над всеми! Люди бы разом очнулись и, возможно, даже пошли против режима, объединившись меж собой — ведь получается, что Лаборатория тиранит не только беззащитных трущобников, но и элитников! Да что уж там, даже высших чиновников — ведь Сашка четко велел «убрать» Алехиса!

Но додумать мне не дал необычный звук — откуда-то сзади, за спиной Сашки послышался какой-то знакомый гул. Он так быстро приближался, что я уже было подумала, что это очередной эксперимент Лаборатории, но вдруг увидела краешек металлической брони, а затем и целого киборга!

— Тартен! — закричала я и, забыв, что я в воздухе и удерживают меня только крепления Сашки, яро стала вырываться. — Я здесь! Ты жив, Тартен!

Но смотрел он не на меня. Зависнув в воздухе у нас на пути, он вытянул вперед руку с оружием и наставил его на Сашку. С ужасом я заметила, что шлем и плечи Тартена проела кислота! Участков кожи не было видно, но повреждения были значительные. Как он только передвигается? Наверное, он кое-как добрался до своей матери и Арона его хоть немного успела подлатать! Хорошо, что Сашка полетел сюда, иначе мы бы так и не увиделись!

Но радость как рукой сняло. Сашка тоже завис в воздухе и поднял оружие — секунда и он пустит кислотную пулю в моего Тартена!

— Стой, — закричала я. — Убьешь его — убьешь меня! Не смей его трогать! Отпусти меня! Ты не имеешь права!

Изо всех сил я заколотила по нему кулаками, но то ли Сашка этого не замечал, то ли готовился принять последнее решение — чтобы навсегда отвязать меня от этого мира...

— Опустит! Я прошу тебя! Ну послушай ты хоть раз! Я не могу без него! Все, что скажешь, только отпусти его! Саша, пожалуйста! Пожалуйста!

Не говоря ни слова, Сашка быстро опустился на землю и отстегнул меня. Тартен следил за каждым его движением.

— Не смей! Ты не отнимешь его у меня! Ты не смеешь!

Но, оторвавшись от моих кулаков, он снова поднялся в воздух. Схватка началась.

Я вопила во все горло, кидала в Сашку камнями, просила Тартена прекратить все это, но они будто не слушали меня. Мой жених и мой бывший парень парили в десятке метров над землей и смотрели только друг на друга, не отрываясь. Слова им были не нужны, вопрос о примирении тоже был лишним, оставалось только решить, когда начать бой и как одержать победу.

Новенькая броня Сашки сверкала в солнечных лучах; его скорость была несравненно выше, двигатель более маневренный, но он был пока новичок и не мог двигаться, как Тартен, для которого его старая верная броня была второй кожей! Догадавшись, что простыми выстрелами тут не обойдется, они начали старое, как мир, движение по кругу, с каждой секундой все ускоряясь и понемногу приближаясь друг к другу.

Вот-вот они столкнутся или кто-то выстрелит, или стукнет по башке металлическим кулаком! Все, все кончено! Не один мой камень не мог долететь до них, чтобы хоть на секунду отвлечь!

Что же делать, куда податься, кого позвать?! Я сцепила ладони и, смотря на смертельный танец двух киборгов, молилась, чтобы все это прекратилось! Сейчас, пожалуйста! Я не могу больше это видеть!

И тут сзади громыхнул выстрел! Обомлев, я обернулась и увидела троих, а затем и пятерых киборгов, которые отвлеклись от охраны Лабиринта и спешно направлялись ко мне. Не думая, что они хотели сделать, я подняла глаза к небу. Тартен и Сашка замерли и смотрели на очнувшихся киборгов, которые уже были в нескольких шагах от меня — намного ближе, чем они двое.

— Беги! — крикнули они почти одновременно.

Не сразу вникнув в их слова — они ведь только что хотели убить друг друга! — я оглянулась на киборгов, которые уже протягивали ко мне руки и метнулась в сторону! Черт! Страшно, конечно, но зато схватка прервалась! Лыбясь, как последняя дура, я бежала к домам — между ними можно спрятаться, а, на крайний случай, я просто заберусь в один из них! Не в первый раз уже!

Тяжелые шаги за спиной стали реже, я обернулась — теперь за мной двигались только двое стражников, остальные отбивались от Сашки и Тартена. Хотя, может это Тартен отбивался от них всех, ведь Сашка их Предводитель? Это меняло ситуацию!

Решив, что там я нужнее, чем просто в догонялках с непонятно почему меня преследующих киборгов, я решила запутать их, а потом вернуться обратно — вдруг опять придется отвлечь весь огонь на себя?

Если бы еще не тела, которые лежали тут и там! Стараясь ни на кого не наступить, я только тормозила, единственное преимущество, которое у меня было — это узкое расстояние между домами — двое моих преследователей с немалым трудом протискивались между ними. Но рано или поздно, они разделятся и тогда — держись!

Решив рискнуть, я прибавила ходу, забежала за угол, а потом нырнула в первое подвернувшееся окно! Приземлившись на пол на выставленные вперед руки, я быстро поползла прямо на них, максимально опустив голову и только смотря перед собой, чтобы ничего не задеть. Интерьер был какой-то безумный, но не тратя время на осмотр, я заползла за ближнюю декорацию-ширму и притаилась за ней.

Примерно через пол минуты я услышала шаги — одного или двоих — было не ясно, но в любом случае, «шаги» прошли мимо окна. Теперь надо срочно выбираться! Иначе, не увидев меня дальше, киборги догадаются, что я где-то спряталась!

Но где выйти? Из этого окна или поискать другое, на противоположной стороне дома? По счастью, пока я раздумывала, близ окна прошел и второй киборг. Теперь медлить нельзя!

Решив не испытывать удачу, я снова подползла к этому окну и выглянула наружу — никого! Ладони вспотели так, что я не могла удержаться за подоконник, нужно успокоиться! Мысленно дав себе пинок, я легла животом на подоконник и, снова оглянувшись, быстро перебралась на улицу, мгновенно бросившись в сторону Лабиринта! Так, сюда, потом между этих домов, а затем я обходила вот этого растянувшегося человека... черт, а как я бежала потом? В безумной спешке я и не думала запоминать дорогу — смотрела только себе под ноги! Я стояла, прижавшись к стене дома, и совсем не знала, куда идти дальше!

Черт! Только не сейчас!

Сзади послышался неестественный скрежет. Не тратя секунды на выяснение, я кинулась в первый же проем между домами и сразу же поняла, что никогда здесь не была! Протиснувшись, я побежала дальше, соображая, не упасть ли мне на землю и не прикинуться ли спящей, но нет — я не смогла бы лежать без движения, если бы на до мной навис киборг! Еще проем, еще... все дома были расставлены хаотично, я понятия не имела, куда двигаюсь — вполне возможно я вообще бегала по кругу, как неумелая крыса в лабиринте!

Сейчас я стояла в небольшом сквере между тремя домами — слева был проход, из которого я вышла, справа — очень знакомый, но я не помнила, когда я через него протискивалась — по пути туда или уже когда заблудилась, а впереди, за домами, виднелся совершенно незнакомый переулок! Что делать? Где могут сидеть в засаде киборги?

Вокруг была совершенно искусственная тишина, только мое частое дыхание меня выдавало, и я прикрыла нос рукой. Куда идти?

— Настя! — раздался справа голос Тартена, и, не сомневаясь ни секунды, я юркнула в его сторону!

Вот он! Я его вижу! Тартен стоял на площади и глядел вокруг, ища меня глазами. Но что это? Внезапно из окна, мимо которого я шла, вытянулась светлая металлическая рука и схватила меня!

— Тартен!

Но было поздно! Киборг уже выбрался из окна и крепко держал меня перед собой, приставив пистолет к моей голове!

Не раздумывая, Тартен двинулся ко мне. В его глазах горел ледяной стальной огонь; он сжал оружие и направил его на киборга.

— Отпусти. — Велел он.

— Нет, — ответил киборг. — Ее ждет Директор.

Тартен, будто переваривая его слова, нагнул голову к правому плечу, потом к левому и, вдруг, без предупреждения выстрелил прямо в голову стражника! Я так и застыла на месте, пока киборг сзади меня подкосился и упал.

Тартен опустил пистолет и в два шага подошел ко мне.

— Ранена?

— Нет.

— Хорошо, тогда улетаем отсюда.

— А как же? Ты его...

— Нет, он сражается. — Сказал Тартен и, обняв меня за талию, взлетел.

— Нам надо спрятаться! — крикнула я. — Я не хочу с ним больше встречаться!

Тартен кивнул и осмотрелся.

Но мой план не мог исполниться — рядом взревел более мощный двигатель и в двух метрах от нас мгновенно оказался Сашка. На новой, безупречно сделанной броне, поблескивали капли крови, но не его...

Тартен обхватил меня покрепче и для надежности быстро сцепил крепления — как ремни безопасности.

— Она не хочет тебя видеть. — Спокойно сказал Тартен. — Иди, куда шел, тебя никто не тронет.

Сашка ухмыльнулся. Но сквозь его гримасу виднелась неподдельная боль, которую ему причинял вид объятий Тартена.

— «Не хочет видеть», — покатал на языке слова Тартена Сашка. — Да, вижу, я тут чужой!

Он распростер руки и снова ухмыльнулся.

— А ты, значит, с ней. И когда вы только успели...

Тартен не ответил. Сашка тоже замолчал, видно не хотел развивать тему — видел, что бесполезно.

— Хорошо. — Наконец, сказал он. — Раз она твоя... ты должен кое-что знать...

— Саша, не надо! — крикнула я, догадавшись, что последует дальше. — Это мое дело!

Но, прервав поток моих пустых возмущений, он подлетел ближе. Агрессия от него уже не исходила и Тартен остался на месте, только отведя меня немного в сторону — видно, просчитывал, как в случае опасности, быстро завести меня за спину.

— Ты знаешь, откуда мы пришли? — спросил Сашка.

— Да, примерно, — не стал скрывать своей не полной осведомленности, Тартен.

Мое сердце кольнуло. Сейчас он узнает, что я ему опять солгала! Да еще в таком!

— Пожалуйста! — взмолилась я, но на мою мольбу никто не отреагировал.

— Там, в нашем мире, она лежит в больнице без сознания, все те дни, что провела здесь. — Сказал Сашка. — Это называется кома. И это очень опасно, человек может не выйти из нее! Тело постепенно умирает!

— Но многие выходят и через много лет! — снова встала я, но на этот раз меня прервал Тартен.

— Я понял. — Так же спокойно ответил он. — Чего ты хочешь?

— Вернуть ее домой. — Просто ответил Сашка и замолчал.

Теперь мы оба ждали реакции Тартена. Но разве у него были варианты?

— Где портал? — после паузы, вместо ответа, спросил он.

— В Лабиринте.

Тартен развернулся и полетел прямо к нему.

Оказавшись на земле, я вырвалась из креплений и уставилась в глаза Тартена — кроме спокойной решимости в них ничего не было.

— Я не собираюсь никуда идти! Вы не имеете право решать за меня!

Тартен взглянул на застывшего рядом Сашку, тот кивнул и отошел. Тартен подошел ко мне и взял меня за руки, не давая вырваться.

— Я не хочу тебя заставлять, но он знает, о чем говорит, не так ли? Так что ты перейдешь через портал в любом случае, чтобы ты не предприняла, пойми это.

Он помолчал.

— Ну а я пойду тоже, вдвоем ведь не страшно? — в серых глазах промелькнула улыбка. — Покажешь мне свое окно, за которым растут деревья...

— Ты не сможешь там выжить! Там нет тела! Ты просто погибнешь, неужели ты не понимаешь!

— Да ладно! Откуда ты знаешь?

— Это так! Я не хочу тебя терять, Тартен! Только не это, пожалуйста! — я зарыдала и вцепилась ему в плечи. — Ты не посмеешь меня оставить! Я никогда тебя не прощу... — бессвязно бормотала я, бросая слезы на холодный металл.

Тартен гладил меня по спине; его горячие пальцы, проникающие сквозь ткань формы, причиняли невыносимую боль.

— Я не оставлю тебя, никогда! Никогда!

— И я тебя. Но если не перейти сейчас, я точно тебя потеряю, — тихо сказал он. — А этому я совершиться не дам!

С этими словами, он оторвал меня от себя и взял в руки мое заплаканное лицо:

— Сейчас мы перейдем портал. Ты не сможешь этому помешать. Даже не думай! — твердо закончил он и прижался к моему лицу своим, так же, как тогда в башне.

— Тартен!

— Нет.

— Эй, сюда кто-то летит! — вдруг крикнул Сашка.

Тартен оторвался от меня, но я прижалась к его груди, не в силах потерять последних мгновений.

— Это отряд! Скорее! — отозвался он, и обняв меня, потащил за собой в ненавистный Лабиринт!

Оказавшись внутри, я невольно отстранилась от родного плеча Тартена — вокруг было

совершенно темно и... как-то очень странно — будто я уже бывала здесь...

— Что это? — спросил Сашка.

Но его голос вдруг потонул в других звуках — это было похоже на всплеск огромной волны, которая внезапно обрушилась на всех нас!

Я упала, но никакой волны вокруг не было — это кучи, ворохи, самых разных исписанных листов обрушились сверху и сбили нас с ног!

— Тартен! — позвала я, хватаясь за стену, чтобы подняться.

Но мне никто не ответил. Из-за обилия бумаги, которая постепенно оседала на пол, ничего вокруг не было видно.

— Саша? Тартен? Эй, где вы?

Но ответом было только шуршание бумаги.

В литературном Лабиринте я осталась одна.

Стоя в практически полной темноте, я мучительно припоминала, что Рик рассказывал про Лабиринт. Вроде как нужно задать вопрос или пожелать почитать что-то определенное и путь сам найдется... Но что? Тартена с Сашкой я звала чуть ли не пять минут и не получила в ответ ни одного отклика...

Хотя, может, сейчас мне нужны вовсе не они?

А чего же я хочу? Просто остаться в Далетании, как глупая влюбленная девчонка? Разом остановить все зверства? Или что-то иное, то, о чем я гадала с самого начала как оказалась здесь, то, что причинило мне настоящую боль, то без знания чего я не смогу продолжать свой путь... Да, похоже, у меня есть заветное желание.

Я встала прямо; не зная к кому или чему обращаться, я вгляделась в темную пустоту, которую нарушали только ворохи листов.

— Я хочу узнать, кто виновен в экспериментах Лаборатории, я хочу встретиться с зачинщиком всех ее дел, тем, кто готовит эти планы. — Максимально твердо сказала я, хотя ноги от страха подкашивало — я полностью осознавала, что, если желаемое сбудется, я окажусь с ним один на один — Сашка и Тартен вряд ли смогут меня найти.

Минуту ничего не происходило. Только темнота стала гуще; она точно гипнотизировала. А затем впереди вспыхнул ряд факелов, которые висели вдоль коридора, и путь открылся.

Полным идиотством было торчать на месте — сама же просила! — но мне потребовались добрые десять секунд, для того, чтобы просто заставить себя поднять ногу и сделать первый шаг. Пугало необъяснимое — я находилась не просто в здании, а в месте, которое слышало, думало, принимало решения — а что, если я сделаю что-то не так и разозлю его? Что оно сделает со мной в таком случае?

Но выбора не было — стой я тут хоть вечность. Не дойдя до конца Лабиринта, мне не выбраться — сзади сплошная стена — дверь исчезла.

И я пошла вперед.

Факелы освещали темные деревянные стены; хоть это и была библиотека, книг здесь не было. Или, может, ни в какой из книг не было ответа на мой вопрос, поэтому они и не встречались на дороге? В любом случае, я вовсе не чувствовала себя «на прогулке по библиотеке», скорее это напоминало путь в укромный уголок старинного замка, хоть и деревянного... Не было и сывороток, о которых рассказывал Рик, тех, которые должны вызывать галлюцинации и заставлять идти до конца. Может потому, что у меня не было выбора или потому, что не было той сыворотки, которая заставила бы меня увидеть в книге ответ — я же искала не просто строки, написанные чернилами, а живого человека.

По мере продвижения, глаза все лучше привыкали к полумраку; я стала замечать не только печатные листы, которые кружили где-то под высоким темным потолком, но и рукописные заметки, карандашные наброски, схемы... все они казались знакомыми... мне начинало казаться, что, то ли я здесь когда-то была, во сне, например, то ли часть этих зарисовок принадлежала мне...

В душу закралось подозрение, но вдруг впереди появился просвет — полукруглая арка, за которой виднелось освещенное пространство. Не останавливаясь, чтобы снова не впасть в

ступор, я подошла к порогу, прошла через дверной проем и оказалась в совершенно круглой комнате, освещенной множеством свечей. Посередине лежала старая печатная машинка, в нее была вложена бумага; полуистлевшая клавиатура стучала, будто кто-то незримый отдавал ей приказы. Вот откуда ворох листов!

От обилия огоньков, которые мерцали в полумраке, я не сразу поняла, что я не одна. Но увидела я того, кого вовсе не ожидала увидеть никогда в жизни!

Это была я сама.

Расширенными от неожиданности глазами, я смотрела на самую себя, стоящую напротив. Это не было зеркало, не другое подобие отражения — на моей копии была другая одежда, волосы уложены, отсутствовали синяки на лице... и двигалась она по-другому, не повторяя жестов и мимики за мной...

В отличие от меня, она была совершенно спокойной, разве только капля высокомерия и некоего превосходства, читалась в ее чертах.

— Кто ты? — вырвалось у меня помимо воли.

Я просто не могла продолжать молчать. Пусть она ответит что угодно! Ведь, может, это просто глюк?

Но «глюк» наклонила голову на бок и улыбнулась. Все в ее движениях так напоминало меня, что по спине пробежали мурашки.

— Я — это маленький кусочек тебя. Часть твоего подсознания. — Сказала она. — Я появилась и осталась здесь тогда, когда тебе впервые приснился сон об этом мире.

— Значит, — я пыталась сделать мыслительное усилие, чтобы все осознать, — значит, Далетания существовала еще до того, как я увидела сон?

— Может быть. — Неопределенно ответила она. — Но я развивалась и росла вместе с ней.

— Но я видела Далетанию всего лишь за пару недель до того, как попала сюда...

От усилий сосредоточиться я вся вспотела, но мне все равно было как-то холодно, и ужасно некомфортно, будто в этой комнате я совершенно лишняя...

— Да. Раньше время здесь шло быстрее — пока не появилась ты.

Было видно, что мои вопросы волновали ее гораздо меньше, чем... возможность влиять на этот мир... ведь, раз я попала сюда, значит, Директор Лаборатории — это она! И вот чей ликующий голос произносил речь на собрании!

На этот вариант развития событий у меня не было плана — любого другого лидера Лаборатории я бы постаралась убедить оставить людей в покое или применила бы всю силу, на которую была способна, ну или сделала бы хоть что-то, что смогло помешать его планам... Но что я могла сделать здесь?

Мне стало совсем не по себе — одно дело корить себя за черновики, раскиданные по комнате, которые чудным образом дали жизнь целому миру, но совсем другое, видеть себя на месте главного злодея. Но... разве я не знала об этом с самого первого дня в Далетании? Разве мог здесь существовать больший антагонист, чем создатель этого мира? Алехис, Вайль и ученые были всего лишь ее... то есть, моими пешками.

Я поежилась. Она заметила это и ухмыльнулась.

— Значит, ты руководишь Лабораторией?

— Да. — Сразу ответила она, словно ожидала этого вопроса. — Я та, кто следит за порядком, чтобы все было неизменно, пока ты не допишешь текст книги и не сделаешь все

по-своему.

— Но... я же уже здесь, я не просто пишу, а живу! — не сдержавшись, закричала я. — Я действую, я... заняла место главной героини...

И тут Часть-Моего-Подсознания тоже впервые не сдержала эмоции:

— Этого не должно было произойти! — выплюнула на одном дыхании она. — Как только ты пришла, все персонажи вышли из-под контроля! Я должна была действовать! Моя задача — хранить равновесие!

— Поэтому ты решила уничтожить всех способных к восстанию? Поэтому приказала усыпить всех, чтобы они вовсе ничего не делали?

— Я вовсе не собираюсь вечно держать их под снотворным! — взяв себя в руки и снова натянув высокомерную полуулыбку, сказала Часть-Моего-Подсознания. — Ученые дадут им новые воспоминания, а потом поменяют квардами элитников и трущобников, так все будет поровну и моя работа будет выполнена!

Выполнена? Поменяют квардами? В моей голове все ходило ходуном, но я мучительно собирала ее слова воедино... Она усыпляет людей, дает им новые воспоминания, меняет их квардами... Это она считает равновесием?

Мне вдруг вспомнился далекий разговор с Риком, когда в ожидании записки мы сидели в доме предателя-Вайля; тогда он рассказывал о мутациях в каждом кварде и упомянул еще кое-что:

«— Но элитники тоже страдают, — не поняв моей реакции, заверил мальчишка. — В квардах, которые располагаются рядом, часто встречаются похожие симптомы, но в более легкой форме. Никто не знает, почему... От этого Лаборатория напридумывала множество лекарств, так что элитники прямо захлебываются ими! — Он улыбнулся.»

Получается... что она делала так не в первый раз?!

— А то, что погибли повстанцы — так это поможет сохранить численность населения в норме, — между тем спокойно добавила она.

Я смотрела на нее с открытым ртом.

— Ты не я, — помотала я головой, — я бы никогда так не сделала! Это безумие! Они же живые люди!

— А что мне было делать? — снова сорвалась Часть-Моего-Подсознания. — Ты меня бросила сюда и все это время я была заперта тут, только получала новые приказы! — она развела руками по стенам, где были пришилены мои записки с помарками, кляксами и перечеркнутыми строчками.

— Это вовсе не приказы... — начала я, но осеклась на полуслове.

Часть-Моего-Подсознания. Бедное, ограниченное существо. Она искренне верила, что исполняет мои приказы. Вопреки всему мне стало жаль ее.

Разве она понимала, что творит? Она лишь слепой исполнитель моей воли. Это я все затеяла...

Я.

— Почему ты не вышла отсюда? — уже мягче, спросила я. — Ты бы увидела, что они уже перестали быть просто персонажами, просто чернилами на бумаге. Каждый стал личностью, человеком! Я не хочу, не могу больше управлять ими! Они должны сами решать, как поступать! Пусть со своими ошибками, но без приказов! Они заслуживают этого!

— Если бы я пустила все на самотек — это был бы уже другой мир! Они бы вышли из-под контроля, стали восставать, буянить, я должна была это остановить!

— Но ты ведь даже хотела уничтожить меня, нашу семью... — напомнила я. — Дождь, который ты на нас наслала по наводке Алехиса, мог убить нас!

Я вытянула вперед правую руку показывая ей металлическую заплатку.

— Нет! — Часть-Моего-Подсознания по-настоящему взбесилась и затоптала ногами, закрывая пальцами уши. — Я хотела уничтожить вовсе не вас, а Дариана! Он хотел воспользоваться тобой, чтобы остановить меня! Он вечно стоял на пути! Если бы не помощь предателей, все бы рухнуло!

— Но откуда Дариан знал о тебе? — удивилась я.

Меня он считал Избранной, но у нас же одно лицо с Частью-Моего-Подсознания!

— Этот старый хрыч, постоянно рыскал в Лаборатории! — завизжала она. — Я пряталась от него, ведь знала, что он скрывает какую-то тайну!

— Единственная его тайна — это то, что Тартен его родной сын и то, что Дариан всю жизнь посвятил борьбе с тобой.

— Нет, не только это! Он знал, что это ты! Он помог тебе не просто так!

Я вспомнила про книгу, которую показывал мне Дариан — какие-то отдельные слова, но в тот момент мне было до такой степени не интересно, что я не запомнила их. Да, и сейчас это не имело значения, — теперь я вовсе не чувствовала себя марионеткой. Истинная избранность не значит следовать чем-то приказам, это значит — жить волей своего сердца и делать то, что считаешь нужным.

А это я делала именно сейчас:

— В любом случае, — твердо сказала я, прерывая проклятий, которые Часть-Моего-Подсознания насылала на Дариана. — Это уже не важно. Теперь все кончено. Далетания реальна, она живет и ее развитие нельзя остановить!

Часть-Моего-Подсознания продолжала кричать, ругаться и настаивать, что она делала все, как должно, но с каждым моим словом ее голос звучал все тише и ее фигура становилась все менее четкой — правда будто рассеивала ее, делала слабее.

— Раньше я действительно думала, что написать книгу можно составив план и выдумав героев, — продолжила я. — Но на собственном опыте убедилась, что нарисованные человечки не всегда делают, что им велят. Как, например, Мия, — она чуть не сошла с ума, вынужденная выполнять мои приказы! Никто не сможет ими повелевать. Мы только можем прислушиваться к ним и помогать им по мере сил. Чем больше автор к ним присматривается, тем больше он с ними знакомится, и они действительно оживают! Это не остановить!

Часть-Моего-Подсознания кричала все тише и я не позволяла ей меня прервать:

— Ты не должна была так поступать! Но я не могу отвергнуть тебя, ты — это часть меня. Ты — мое прошлое, как бы мне не хотелось себе наврать. Ты — мои заблуждения, ошибки. Исправить их я не могу, но могу в дальнейшем поступать верно!

Откуда-то я знала, что должна делать. Пройдя мимо Части-Моего-Подсознания, которая бессильно пыталась меня остановить, я подошла к машинке. Она продолжала невозмутимо печатать.

— Этот мир не погибнет, не исчезнет. Это — я указала на готовую стопку свежее отпечатанных листов, — станет только частью их истории.

Быстрым движением, я вырвала бумагу из машинки, и она тут же прекратила работать. Саму машинку я не стала разрушать — после того, через что я прошла — поняв, что задуманные на листе бумаги персонажи действительно оживают, она казалась чем-то

священным... Тем более, сама по себе машинка не сможет ничего сделать — это всего лишь инструмент.

Осталась только стопка готовых листов. Выкинуть? Разорвать? Или заглянуть в них, узнать, что мне делать?

Я уже потянула к ней руку, но сзади послышался тихий шепот:

— Разве вы поменялись местами — они стали людьми, а ты персонажем?

Оглянувшись я увидела только прощальную улыбку Части-Моего-Подсознания, которая, освободившись, растворилась в воздухе.

Значит, в конце концов, она поняла...

Может, она и не согласилась с моим решением, но сопротивляться не стала. И вряд ли она исчезла окончательно — ведь это часть меня, и она всегда будет со мной, спорить и бороться, навязывать свою точку зрения и свое видение, но так и должно быть — потому что я человек, а не пустая оболочка конфетного фантика. Я. Делаю. Выбор.

Подумав об этом, я отвернулась от молчащей машинки.

В то же самое мгновение, все окружающее — записки, листы, черновики — вихрем пронеслись вокруг и подняли меня на своих волнах до самого потолка! Улыбнувшись своей победе, я обняла свои труды и мое сердце запело от радости!

Но в следующую же секунду его пронзила настолько острая боль, что я, потеряв малейшую опору, с высоты полетела вниз.

Сны... иногда такие яркие, завораживающие, в них хочется остаться и никогда не вылезать... а иногда это просто пустота, бесцветная и огромная, вмещающая в себя все и ничего, и ты не понимаешь, есть ли ты на свете или это тебе только кажется...

Что было, что будет — в пустоте не имеет значения. Она — пауза — которая длится, сколько ей заблагорассудится. Можно кричать, звать, плакать, но пустота, словно черная дыра, поглощает все без остатка.

Голоса, слабые, призрачные видения зовут тебя. Но куда? Откуда? Здесь нет ни входа, ни выхода, лишь одиночество, помноженное на ноль.

Я очнулась ночью. Глаз открыть не могла, но чувствовала, что вокруг темно. Значит, это уже не пустота.

— Тартен! — захрипела я.

Но, как и в прошлый раз, никто не ответил.

Я опять одна, опять в Лабиринте, только... что это за запах? Лекарства? Неужели меня снова доставили в Лабораторию?!

От бессилия я не могла пошевелиться, но могла слушать. Основной звук — белый шум работающих приборов (их в Лаборатории хватает!), прерывался писком, таким равномерным и раздражающим, что не удивительно, что я проснулась!

Как же я устала, даже голову не поднять! Нет, лучше еще посплю — нужно беречь силы. Кто знает, что предстоит завтра?

Но спать не хотелось, пустота тоже не возвращалась. Что было до того, как я сюда попала? Я ничего не помнила! Может, в меня тоже плеснули снотворным и подменили воспоминания?

Проклятый навязчивый звук запищал чаще! Это такая пытка ученых?

Сделав над собой усилие, я открыла глаза. Где эта чертова пищалка? Слева от моей койки виднелась коробка с красными огоньками и бегущими полосками, но я никак не могла сфокусировать на ней взгляд — все расплывалось, будто ливнем заслоняло!

С трудом я поднялась на локтях; боли не было, но каждая часть тела задеревенела и двигаться приходилось с усилием, будто меня сильнее стало притягивать к земле. Перевернувшись на бок, я протянула руку к пищавшей коробке, но она оказалась дальше, чем я думала. Пришлось сделать еще усилие и спустить ногу на пол.

Потянувшись на свет приборов мне удалось что-то задеть, но не коробку, а что-то невидимое — вроде стойки, которая стояла у изголовья — с треском и грохотом она полетела вниз. Не теряя времени, я рванулась к прибору, но не удержав равновесие на слабой ноге, слишком сильно толкнула коробку, и та тоже полетела на пол!

В довершении всего, потеряв всякое равновесие, я, как мешок с картошкой, грохнулась об пол, и тут же заорала во все горло — тело пронзила страшная боль!

На этот раз, сны были другие, в них тоже было много пустот, но встречались места, заполненные туманом, смотря через который, можно было разглядеть странное...

Фантазии или воспоминания? — думала я, глядя в серые встревоженные глаза Тартена,

который склонялся надо мной. Позади него застыл Сашка; его губы двигались, но слов разобрать было нельзя. Он выглядел взволнованным и, казалось, убеждал в чем-то Тартена, который смотрел только на меня.

Видение заслонило густой пеленой, и я отправилась на поиски других.

Удача случилась не сразу, но в итоге, я набрела на еще одно видение: снова Тартен, на этот раз, я лежу у него на руках, металлическое лицо склоняется надо мной и, ставшие родными, глаза, пытаются что-то сказать. Затем снова пелена, заслонила взор, но на это раз быстро исчезла, будто мы прошли сквозь водопад или жидкое стекло...

Вдалеке, за спиной Тартена, стоял Сашка. Но не двигался с места. Только продолжал смотреть на меня; на его лице застыло суровое выражение.

На утро меня разбудила мама. Я не была удивлена ее появлению, так же, как и отцу, который стоял с другой стороны больничной койки и держал меня за руку. То, что я покинула Далетанию, я поняла еще во сне.

— Где он? — выдавила я, как только справилась с сухостью во рту и неспособным двигаться, разбухшим языком.

— Сашка? Он в соседней палате! Нет, тебе нельзя вставать!

Мама удержала меня, но это было излишне — я не могла находиться в сидячем положении дольше нескольких секунд.

— Он... проснулся? — спросила я, упав обратно на подушку.

Родители переглянулись. Я повторила вопрос и снова безуспешно попыталась подняться.

— Пока нет. — Наконец, сказал отец. — Ему потребуется еще время. Врачи говорят, состояние нормальное.

— Я... к нему...

— Нет, тебе нельзя двигаться! — догадавшись, чего я хочу, воскликнула мама. — Послушай, я серьезно! Ты столько всего пережила... эти приступы... Врачи только чудом оказались рядом! Если бы не массаж сердца, ты бы...

Папа положил руку на мамино плечо, и она замолкла, опустив голову, чтобы успокоиться.

— А если бы ты вчера так не скакала, то рука была бы цела и разрыва мышц на ноге не было бы! — с упреком добавил отец. — Так что будь добра, ляг обратно!

Силы заканчивались, сопротивляться дальше я не могла и только попусту тратила крохи энергии, накопившиеся со времени пробуждения. И еще одна вещь... меня не покидало странное ощущение — сознание или то, что называется внутренним «я», снова стремилось покинуть тело. Это было пугающе... Ведь портала здесь не было!

— Ладно, — кивнула я и постаралась собрать разбегавшиеся мысли.

— Вот и умничка! — уже придя в себя, похвалила мама. — Мы так волновались...

Мама заворковала на до мной, рассказывая, как они с отцом очнулись после комы. То ли от того, что они меньше пробыли в Далетании, то ли потому, что они с меньшим трепетом относились к ней, в любом случае, их пробуждение прошло гораздо легче — уже через несколько дней они стали нормально передвигаться и сейчас готовились к выписке.

— Про нашу семью даже в новостях рассказали! — всплеснула руками мама. — Правда, нам так никто и не смог ответить, что с нами случилось! Хотя я нашла в интернете похожую историю...

Чтобы не слушать остальные подробности, я закрыла глаза и притворилась, что засыпаю. Единственное, что меня сейчас волновало — это человек в соседней палате. И, чем быстрее я наберусь сил, тем быстрее его увижу!

Подняться я смогла только на третий день — сделала несколько шагов и, сбив вазон с цветами, бухнулась в инвалидное кресло, которое медсестра предусмотрительно оставила у дверей палаты. Даже от простых действий, в глазах потемнело и пришлось подождать, пока голова перестанет кружиться. Руки уже двигались нормально, правда, на левом предплечье висел гипс, но пальцы были свободны, и я смогла пошевелить боковые колеса, чтобы понять, как ими управлять. Металлическая заплатка, которая не перешла со мной в реальность, здесь бы пригодилась — кожа стала какой-то слишком нежной, и я натерла ее до болезненной красноты, пока крутила колеса.

Открыв дверь, я выехала в коридор. Запах лекарств уже пропитал всю меня с головы до ног, но все же здесь он был еще заметней. Не отдавая себе отчета, я пугливо оглянулась по сторонам — не поджидает ли за углом лимонный киборг? Справившись с приступом паники, я вырулила кресло в левое крыло — нужно было проехать только проем между палатами и открыть дверь...

Соседняя палата освещалась вполовину меньше и коек с пациентами здесь было несколько. Тихо, чтобы никого не потревожить — хотя это был полнейший абсурд! — я подъехала к его койке. Ну же, еще усилие! — поддала я себе воображаемый пинок и, приподнявшись на неверных ногах, заглянула в родное лицо.

Вот он, совсем рядом! Мягкие светлые волосы, до боли знакомые губы... Безмятежный и неподвижный, будто прилег отдохнуть, но я-то знала мир пустоты, где он сейчас блуждал, выход из которой найти совсем непросто...

Я протянула ладонь и дотронулась до его щеки — теплая, под ней пульсировала жизнь, об этом громко вещал такой же пищащий аппарат, как и у меня в палате. Пробьется ли он? Найдет выход наружу?

подавшись вперед, я склонилась над ним; его ресницы дрогнули от порыва моего дыхания.

— Ты обещал, помнишь? — шепнула я. — Что пойдешь за мной... Время пришло! И не вздумай отмазаться! Ведь... я тоже люблю тебя!

Его ресницы все больше трепетали; я задержала дыхание, чтобы сердце не ныло, от невозможности хоть что-то изменить...

Но тут... По векам пробежал трепет. И в следующую секунду, они поднялись.

Ясные серые глаза впервые увидели мой мир.

Больше книг на сайте - Knigolub.net